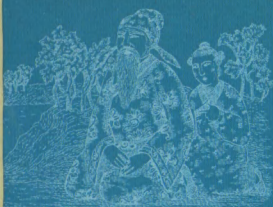

история / география / этнография

Конфуций · Будда Шакьямуни

Сергей Ольденбург

Конфуций Будда Шакьямуни

Сергей Ольденбург

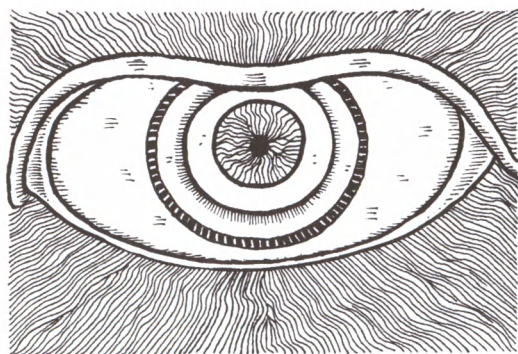

Ломоносовъ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Сергей Ольденбург

К онфуций
Б удда Шакьямуни

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2012

УДК 929
ББК 86.33-35
О-56

*Сергей Бурыкин
Vitaubus & Kali*

Иллюстрации И. Тибиловой

Вошедшие в эту книгу тексты, посвященные основателю буддизма Будде Шакьямуни и китайскому мыслителю Конфуцию, впервые вышли отдельными изданиями в 1891 году в Биографической библиотеке, основанной просветителем Флорентием Павленковым и ставшей прообразом знаменитой серии «Жизнь замечательных людей».

На обложках обеих книг стояла никому не известная фамилия автора — К. М. Карягин, и мало кто поначалу знал, что это псевдоним, за которым скрывается выдающийся востоковед, один из основателей русской индологической школы, автор многочисленных трудов по истории, религии, искусству Индии, исследователь и комментатор буддийских литературных памятников, академик Сергей Федорович Ольденбург (1863—1934). Его глубочайшая эрудиция и многосторонность научных интересов проявились и в книгах, рассчитанных на широкого читателя.

В 1904 году Сергея Ольденбурга избрали секретарем Академии наук, и эта его деятельность продолжалась двадцать пять лет, если не считать трехнедельного перерыва в 1919 году, когда он был арестован. Тюремное заключение стало следствием антибольшевистских настроений Ольденбурга; не последнюю роль сыграло и то, что в июле — августе 1917 года академик занимал должность министра народного просвещения Временного правительства. Позже он сотрудничал с советской властью.

Последние годы жизни Сергей Ольденбург руководил Институтом востоковедения Академии наук СССР.

Конфуций

Его жизнь и философская деятельность

Предисловие

Сведения о жизни большинства великих людей древних времен обыкновенно малодостоверны. Действительность и истина в них так тесно сплетаются с легендой и фантазией, что потребны долгие научные изыскания, чтобы отделить достоверные факты от вымысла.

Не то представляют собой сведения о жизни и учении китайского мыслителя и реформатора Конфуция. Китайские летописцы рассказывают о жизни и деяниях своего великого учителя без всяких прикрас и преувеличений и лишь с небольшой дозой фантастического вымысла — когда рассказ ведется о зачатии и рождении Конфуция. Их рассказ так прост и естествен, что нет ни малейшего основания относиться к нему с недоверием.

Введение
Краткий очерк истории Китая
до Конфуция

Приступая к изложению жизни и учения великого философа Китая, мы считаем необходимым предпослать этому изложению краткий очерк истории Китая до Конфуция — чтобы познакомить читателя, во-первых, с эпохой, когда жил и действовал великий учитель Китая и, во-вторых, — с предшествовавшим этой эпохе историческим периодом, когда жили мудрецы, у которых Конфуций заимствовал основы и принципы своего учения.

Китайская народность, представляющая собой загадочное и своеобразное явление в истории, является старейшей из всех существующих в настоящее время народностей, пережившей все другие народы, память о которых сохранила нам история и которые или исчезли без следа, оставив по себе только памятники, свидетельствующие о их минувшем величии, или же настолько изменились, что потеряли свой первобытный тип. Между тем китайцы остались точно такими же, какими они были целые тысячелетия тому назад. Уже в глубокой древности они представляют собой один из образованных и культурных народов, но, достигнув известной

степени цивилизации, остановились на ней и до сего времени сохранили ее почти без изменения такой, какова она была три тысячи лет тому назад. Уже в глубокой древности они считались такими же отличными хлебопашцами, какими являются в настоящее время. Земледелие стояло у них на высокой степени развития. Они были хорошо знакомы со свойствами разного рода почв и их удобрением и орошением. Они с успехом сажали тутовые деревья и добывали шелк, умели ткать шерстяные и бумажные материи и производить разного рода домашние и военные орудия, чеканили монету, добывали краски, тушь, умели выделывать разного рода вещицы из рога и слоновой кости — одним словом, в механическом труде обладали той же степенью совершенства, какой отличаются и теперь.

Пластические искусства им были также небезызвестны, но в них они далее первых начал не пошли — их рассудочной и сухой натуре чужд идеал красоты, у них были и произведения живописи, и произведения скульптуры, но как те, так и другие отличались свойственными им и в настоящее время мелочностью и причудливостью в последних и необыкновенной яркостью красок и кропотливостью в первых. Их архитектурные произведения также не показывали особенной широты воображения, хотя и отличались своеобразностью, как вообще все у китайцев. Большая часть зданий строилась из бамбука на каменном фундаменте, храмы их, собственно, были небольшие часовни или просто большие дворы, окруженные колоннами, в конце которых помещался обыкновенно алтарь для жертвоприношений.

В глубокой же древности ими были выработаны и религиозные воззрения, очень темные, сбивчивые и неопределенные. Сущность этих воззрений такова: они поклонялись небу и земле как отцу и матери всего существующего. Небо считали повелителем и владыкой мира, землю — повелительницей; таким образом, небо у них считалось мужским началом, Ян, активным и совершенным двигателем бытия и жизни, земля же — женским, Инь, началом мертвым, бездеятельным и неподвижным. Все совершенные явления китайцы принимали за Ян, а несовершенные — за Инь. Но Ян в их представлении постоянно соединяется с Инь, как отец и мать

в рождении. Вместе с поклонением небу и земле они почитали духов или демонов в качестве представителей отдельных сил и явлений природы и поклонялись душам предков, на которых смотрели как на покровителей живых; по их понятиям, души умерших предков могли давать им мудрые советы или же преследовать их своим гневом. В честь неба и земли, а также духов и предков были учреждены различные праздники и приносились жертвы; во время жертвоприношений играла музыка и пелись стихи.

Последние показывают, что у китайцев в те времена были и литературные произведения. Действительно, письмена были изобретены в Китае в отдаленной древности и первоначально состояли из простых изображений упоминаемых предметов, а впоследствии введены значки, состоявшие из трех линий — одной длинной и двух коротких — и их разнообразных комбинаций. Этими-то значками и были написаны древние книги китайцев. Научные знания стояли у них до времен Конфуция также на довольно высокой степени развития.

В давние времена им было уже известно употребление магнитной стрелки, или компаса, они знали законы движения небесных тел и умели предсказывать затмения Солнца и Луны. Благодаря этим астрономическим знаниям у них сыздавна было установлено правильное времяисчисление. С давних пор в году 366 дней, а для уравнивания скоростей в движении Солнца и Луны был установлен високосный год; поэтому в Китае из каждых 19 лет двенадцать имеют по 12 месяцев и семь — по 13. Вообще естественные и математические знания у них достигли довольно высокой степени развития.

Медицина им также была знакома, и их медики были довольно искусны в своем деле. Между китайцами и до сих пор существует убеждение, что если небо посылает болезни, то оно же дает и средство против них. Наконец, у них существовали для воспитания юношества школы. Одним словом, в те времена китайцы были те же, и у них существовало то же, что и теперь, лишь с небольшими изменениями. Даже нравственный склад их остался тот же: и в те времена они отличались вежливостью, кротостью, терпением,

необыкновенным трудолюбием, с одной стороны, и хитростью, коварством, надменностью и корыстолюбием — с другой, за исключением разве что нетерпимости и замкнутости — черт, развившихся у них уже после Конфуция.

По некоторым историческим данным можно судить, что в древности китайцы охотно принимали у себя чужеземцев и заимствовали у них многое полезное для себя. Весьма вероятно, что эти чужеземцы, которых правители Китая охотно брали в свои помощники, и развили в Китае те культурные начала, какие мы видим там и поныне.

2

Культурные начала, краткий очерк которых мы дали в предыдущей главе, были выработаны китайцами при мудром и мирном правлении их первых богдыханов. Правление у китайцев того времени, как и у современных, было монархическое¹, патриархальное. В основе социального строя стояла семья с отцом во главе; в политическом быте народ составлял одну семью, отцом которой считался богдыхан; и как в семье члены беспрекословно подчинялись ее главе, так и народ глубоко чтил своих правителей, на которых он смотрел, как на божеств. Богдыхан был сыном неба, и его личность считалась священной и неприкосновенной, впрочем, до тех пор, пока он своими делами соответствовал назначению свыше. В противном случае само небо давало право народу выражать свой протест и неудовольствие и даже прибегать к насилию.

В древних книгах Китая говорится: «Взгляд неба можно узнать во взглядах народа; что не нравится небу, можно узнать в желаньях народа». По воззрениям китайцев, государь — сосуд, народ — вода. Какую форму имеет сосуд, такую форму примет и вода; каков государь, таков и народ. Вследствие этого воззрения древние законодатели подчинили поведение государя известному общественному порядку, переступить который он не мог, не прогневав своего отца — небо.

Древние китайские мудрецы говорили, что добродетель должна быть основой правительства и что государь может быть действительным благодетелем народа, если будет заботиться о доставлении ему следующих девяти благ: воды, огня, металлов, дерева, хлеба, умения употреблять эти вещества на пользу, жить в согласии с ближними, сохранять здоровье и беречь жизнь. Судя по китайским летописям, первые государи Китая, которые являются уже вполне историческими лицами, а не героями мифов, Фу Си, Хуанди, Яо, Юй, Шунь и большинство богдыханов из династий Ся (2205—1766) и Шан (1766—1122) были именно такими царями-благодетелями, и народ при их царствовании был вполне счастлив. Мы расскажем о деяниях некоторых из этих мудрых богдыханов.

Первым богдыханом, еще полумифической личностью, летописи называют мудрого Фу Си. Он царствовал за 3468 лет до Р. Х.² Ему приписывается установление религиозных обрядов, изобретение письменных знаков и 60-летнего цикла. Он дал первоначальное устройство гражданской жизни. Желая внушить к изданным законам большее доверие, Фу Си сказал, что он списал их со спины дракона, явившегося ему из глубокого озера. Этим он хотел показать, что его законы даны божеством, а потому и неповиновение им есть грех перед божеством. Ему же приписывается изобретение двух музыкальных инструментов: циня (род 27-струнной лиры) и чжу — гитары о 36 струнах. Оставленный им письменный памятник называется «И цзин» — «Книга перемен»; в ней излагается начало и происхождение всего видимого и превращения существ животного и растительного царств сообразно с временами года.

За Фу Си после нескольких богдыханов вступил на престол воинственный Хуанди, при котором был изобретен компас. Китайские летописи говорят, что он с успехом пользовался им во время своих походов. При нем государство было разделено на 10 областей и введена десятичная система веса и меры. Ввиду военных целей, а также и торговых, он повсюду в государстве провел дороги и улучшил способы водяного сообщения. Для поднятия нравственного уровня народа он учредил жертвоприношения Всевышнему духу.

После Хуанди наиболее знаменитым богдыханом является Яо, правивший за 2350 лет до Р. Х. С Яо история Китая делается вполне достоверной. Яо дал окончательное устройство гражданской жизни. При нем было установлено правильное времяисчисление. Яо были изданы первые писанные уголовные законы. Эти законы определяли клеймение лица, резание ног, рук, осклопление, смерть за тяжкие преступления; за легкие — плеть. Принималось также во внимание, обдуманно или необдуманно совершено преступление, и соответственно этому определялось наказание. В некоторых случаях, когда, например, преступником является один сын престарелой матери, его оставляли без наказания. Еще при жизни Яо выбрал себе в преемники Шуня и сделал его своим соправителем.

Шунь и Яо утверждали, что само небо управляет народами в лице государей и что государь есть истинный наместник неба. Полагая, что между небом и землей есть таинственная связь, они старались составить гражданские законы по образцу небесных. Эти государи были образцами добродетелей для своих подданных. Они думали, что счастье и благосостояние народа зависят от него самого, то есть от его доброй нравственности. Хорошая же нравственность народа, по их мнению, зависела не от законов, а от примера, какой им давала высшая власть, то есть государь и его чиновники. По их мнению, народ более склонен следовать тому, что высшие любят, а не тому, что они предписывают. Они сознавали, что добрую нравственность в народе может упрочить просвещение; поэтому они старались улучшить воспитание юношества и усовершенствовать школьное учение. Когда Яо умер, был назначен трехгодичный траур для всего народа. Шунь, его преемник, значительно смягчил уголовные законы и из практиковавшихся кар сохранил только наказание палкой, конфискацию имущества и изгнание.

Подобно Яо, он избрал себе в соправители даровитого юношу Юя. Во время их совместного правления (в 2297 году и следующих) в Китае было большое наводнение от беспрерывно лившихся дождей, обративших всю страну в одно сплошное болото. В продолжение двадцати лет правители и народ старались осушить почву, что им и удалось наконец.

При осушении страны Юй тщательно изучал почвенные условия и отводил землю под хлебопашество, деля ее на участки. Затем поля он перерезал различной длины каналами, которые служили во время наводнения для стока вод, а в засуху для орошения. Участки давались, смотря по качеству почвы, от 100 до 300 му (му=1210 англ. футов³) и были обложены поземельной податью, состоявшей из 1/10 части урожая.

После Юя следовал целый ряд мудрых правителей из династии Ся и Шан. При них вводились постепенно разного рода законы, имевшие своей целью благосостояние граждан. Наибольшее внимание обращалось на сельское хозяйство, в преуспевании которого было заинтересовано и правительство; но надо заметить, что оно имело в виду, кроме уравнивания налога и земских повинностей, предотвращение чрезмерного обогащения одних и обеднения других, а также чтобы земледельцы не предавались лени и праздности. Вследствие этого все полевые работы производились под непосредственным надзором правительственных чиновников. Правительство указывало сроки пахоты земли и время посева и уборки; оно же издавало правила, как и чем удобрять землю.

Для удовлетворения нужд народа в случае неурожая правительством были учреждены запасные хлебные магазины, куда поступала четвертая часть трехлетнего государственного дохода. Хлеб сохраняли от порчи, давая его в ссуду земледельцам, нуждавшимся в зернах для посева. Осенью при сборе жатвы ссуды возвращались обратно в казну. Во время же неурожая хлеб раздавался без возврата.

Благодаря этим благоразумным мерам благосостояние народа находилось в цветущем положении. Народ спокойно и мирно жил при мудром и кротком управлении. Государство за это время окрепло и расширило свои пределы. При последних богдыханах из династии Шан, которая с 1401 года до Р. Х. приняла наименование Инь, в Китае насчитывалось 24 вассальных княжества, находившихся в сюзеренной зависимости от богдыхана. Но затем в истории Китая наступает кризис.

Последний богдыхан из династии Инь отличался жестоким и деспотическим характером. Ни князья, ни народ не любили его, и этим воспользовался могущественный и храбрый правитель княжества Чжоу. Он восстал против тирана и лишил его престола. Вступив на престол богдыхана, он, боясь за неприкосновенность своей власти и чтобы усилить ее и умножить число приверженных ему людей, роздал массу областей в вассальное владение своим близким людям, родственникам и друзьям и умножил таким образом число княжеств до 156. Это-то и послужило причиной смут, целые столетия потрясавших государство и особенно усилившихся в эпоху, предшествовавшую рождению Конфуция, которая представляет ту же историческую картину, какую мы видим в Средние века в феодальной Европе или в удельный период истории России.

Китайской империи в эту эпоху пришлось пережить целый ряд неурядиц, смут и междоусобий и долгую ожесточенную борьбу с варварскими пограничными народами. Разделенная на множество мелких владений, признававших только номинально зависимость от богдыхана, империя, по-видимому, находилась на краю гибели. Каждое из этих владений желало усилиться и расширить свои пределы за счет соседних областей и являлось, таким образом, рассадником распрей и междоусобных войн. Вся китайская история того времени переполнена рассказами о братоубийственных войнах, коварных интригах, изменах и возмущениях против богдыхана. Выработанные культурные начала стали забываться и приходили в упадок. Религия находилась в пренебрежении, законы бездействовали, сильные притесняли слабых, крупные землевладельцы отнимали земли у мелких собственников и оставляли их без клочка земли. Последние умножали собою бесчисленные толпы бродяг и нищих, не признававших никакой власти и законов.

Возникли неведомые до сих пор воровство и грабежи, всею тяжестью падавшие на тот же народ, который без того уже страдал под игом беспрестанных войн и должен был доставлять средства для содержания бесчисленных армий.

В истории Китая указывается, что эти армии иногда состояли из сотен тысяч человек. Народу же приходилось строить крепости и нести остальные тяжелые повинности, вызываемые потребностями военного времени, доставлять средства князьям и вельможам на постройку дворцов и на различные пиршества и празднества.

Все это вызвало ропот даже у известного своим терпением и трудолюбием народа. Отголоски его возмущения дошли до нас, сохранившись в безыскусных народных песнях. Подавляемый массой поборов и налогов и непосильным трудом, народ был близок к возврату в первобытное состояние варварства. Должна была наступить пора преобразований. Надо было найти способы водворить в государстве порядок и начать новую жизнь. При безначалии и нравственной и политической распушенности, господствовавшей в Китае в эту эпоху, должны были наконец явиться преобразователи нравов, здравый голос которых указал бы народу и правителем путь к истине, призвал бы их к повиновению законам.

И действительно, в это время стали появляться люди, стремившиеся тем или иным путем внести покой и мир в государство, — люди, сознававшие всю необходимость его объединения.

Среди них были и полководцы, мечтавшие достигнуть заветной цели силою оружия, и политики, старавшиеся путем дипломатических уловок и переговоров достичь того же (дипломатия и в то время имела большое значение, как это видно из существовавшего тогда выражения «трехдюймовый язычок стоит стотысячной армии»), и, наконец, философы. Последние видели спасение страны в установлении и улучшении нравственного и религиозного быта народа, во введении строгого порядка, основанного на правильных гражданских и уголовных законах, и в предложении целого ряда мер к поднятию материального благосостояния народа, улучшения его сельского хозяйства и промышленности.

Из этих философов наиболее известны Лао-цзы, Конфуций и Менций, ученик Конфуция.

Лао-цзы был основателем существующей и поныне в Китае религии даосов. Эта религия основана на древнем, принадлежащем востоку Азии мирозерцании, по которо-

му коренной причиной всего существующего признается высшее вечное духовное существо, а человеческие души — изливанием (эманацией) этого существа. Сообразно этому Лао проповедовал метампсихоз — верование, что душа, не запятнанная грехами, возвращается к своему божественному началу, тогда как грехи осуждают ее на пребывание в других телах животного мира. Во имя этой идеи Лао проповедовал также презрение к внешности, подавление вожделений и страстей и провозглашал приобретенное этим путем душевное спокойствие величайшим благом.

Это учение, заимствованное, по всей вероятности, Лао-цзы у индусов, существует, как мы сказали, в Китае и поныне; оно распространено, главным образом, среди черни, но не приобрело того успеха, какой выпал на долю другого знаменитого китайского философа — Конфуция, к описанию жизни и учения которого мы сейчас перейдем.

Генеалогия Конфуция. — Его рождение, детство и юность. — Поступление на службу. — Женитьба. — Служебные успехи

Китайские летописцы ведут генеалогию своего реформатора от полумистического богдыхана Хуанди*, изобретателя цикла и компаса⁴, царствовавшего за 2637 лет до Р.Х. По их словам, большая часть предков Конфуция отличалась выдающимися способностями и занимала важные административные, военные и гражданские посты в государстве. На одного из этих предков, жившего в восьмом столетии до Рождества Христова, указывают, между прочим, как на большого любителя и знатока старинных обычаев и древней истории — наследственная черта, перешедшая впоследствии к Конфуцию. Об отце Конфуция, которого звали Шу Лянхэ, летописи повествуют следующее: Шу служил в военной службе и отличался необыкновенным ростом, силою

*В Китае, где знатное происхождение имеет весьма важное значение, мудрец не мог произойти от незначительных родителей (Хрисанф). — *Авт.* Хрисанф (в миру Христофор Петрович Шетковский; 1869–1906) — епископ Русской православной церкви, автор ряда научных трудов.

и удивительною храбростью, о которой рассказывают чудеса. Он был назначен правителем третьестепенного городка Чеу, находившегося в вассальном княжестве Лу. Шу имел двух жен; от первой, или главной, жены у него было девять дочерей, а от второй — слабый, вскоре умерший сын, по имени Ман-пи. Шу желал иметь после себя наследника; поэтому он, когда главная жена его умерла, решил жениться вторично, несмотря на свой преклонный возраст — ему было 70 лет. После долгих колебаний выбор его пал на известное в городе семейство Иен, в котором было три сестры. Отец молодых девушек хотя и очень желал породниться с Шу Лянхэ, но не принуждал своих дочерей к этому неравному браку. Призвав их к себе, он передал им предложение Шу и, указав на знатное происхождение жениха и на то, что Шу, несмотря на старость, обладает необыкновенною силою и храбростью и занимает важный пост градоправителя, сказал:

— Мне бы очень хотелось, чтоб предложение Шу было принято! Кто из вас желает быть его женою?

Две старшие дочери промолчали, младшая же, по имени Чин-ци, отвечала:

— Зачем вы спрашиваете нас? Не в вашей ли воле решить это!

Тогда отец предложил ей выйти замуж за Шу. Чин-ци согласилась. Через девять месяцев после свадьбы у них родился сын, будущий законодатель Китая.

Рассказывая о жизни и деяниях Конфуция, китайские летописи не приписывают ему ничего чудесного и легендарного, за исключением одного периода, именно рождения Конфуция, — здесь фантастический элемент выступает на сцену. Самое зачатие, период беременности и, наконец, рождение мудреца сопровождаются разного рода чудесными явлениями. Легенды повествуют, что вскоре после свадьбы молодая жена, боясь, что у нее вследствие старости мужа не будет ребенка, упросила своего супруга съездить с нею на холм Нику. Здесь она обратилась с жаркою молитвою к верховному существу Шан-ти. Просьба ее была услышана, и она зачала сына. Когда она спускалась с холма, деревья и травы склонились перед нею. В саду, принадлежавшем Шу Лянхэ, ей явилось чудовище Цилян, явление которо-

го всегда предвещало какое-нибудь великое событие. Это чудовище выбросило из желудка яшмовый камень. На камне были начертаны следующие слова: «Когда династия Чжоу будет клониться к упадку, родится младенец, чистый, как кристальная вода; он будет царем без царства».

Во время беременности Чин-ци увидела во сне черного Ти, который сказал ей, что она родит сына у дуплистого тутового дерева. Чин-ци, при приближении родов, спросила у мужа, где находится такое дерево. Тот указал ей это место. Тогда Чин-ци пожелала отправиться туда. Шу Лянхэ был сильно поражен этим желанием, но, узнав о ее сне, согласился и приказал сделать все необходимые приготовления. В ночь, когда родился младенец, над холмом все время парили в воздухе два дракона и стерегли холм справа и слева, в небесах раздавались упоительно гармонические звуки и голоса незримых духов пели: «Небеса трепещут от радости при рождении святого сына!» Когда младенец явился на свет, из земли стал бить ключ чистой теплой воды и исчез, как только младенец был омыт. Сам новорожденный обладал необыкновенной, даже чудовищной наружностью, — например, рот его был подобен озеру, губы, как у быка, спина, как у дракона, и т. д. Летописцы, конечно, придавали этим признакам аллегорическое значение. Но оставим легендарные сказания и перейдем к фактическим данным.

Подлинная биография Конфуция составлена очень тщательно его учениками. Она обилует многими любопытными фактами, знакомящими нас как с личностью самого китайского философа, так и с нравами и обычаями его эпохи.

Согласно китайским хронологическим таблицам, Конфуций родился в 21-й день 10-го месяца 20-го года царствования богдыхана Лин-Вана (мудрого царя), то есть в 551 году до Р.Х. При рождении Конфуцию было дано имя Ку — (холм), в знак памяти о холме, на котором молилась его мать. Сведения о детском периоде жизни Конфуция очень скудны. Известно, что на третьем году жизни он лишился отца, отличался необыкновенным послушанием матери, почтительностью к старшим, был тих, степенен и рассудителен не по возрасту и что его любимыми детскими забавами были игра в церемонии и жертвоприношения. Рассказывают, что он

часто собирал своих сверстников и проделывал с ними все то, что он замечал за старшими, когда они приветствовали кого-либо по всем правилам церемоний, или раскладывал в порядке на столе все, что попадалось ему под руку, как бы принося жертвы предкам, потом падал ниц и, ударяя головой об землю, проделывал все церемонии, принятые в подобных случаях. В этих детских забавах рано сказался будущий Конфуций, страстный приверженец всех старинных обычаев.

О школьном воспитании Конфуция также не сохранилось вполне достоверных сведений. Существует предание, что, когда Ку исполнилось семь лет, его мать, до того времени сама занимавшаяся воспитанием сына, хотела найти ему учителя, но, будучи еще очень молодой, не решилась взять к себе кого-либо в дом и отдала Ку в общественное училище.

Общественные школы были учреждены в Китае еще при его первых государях, которые сознавали, что добрую нравственность в народе может упрочить только просвещение, и вследствие этого старались улучшить воспитание юношества и усовершенствовать школьное учение. При них и особенно при последующих богдыханах стали учреждать училища во всех городах и даже в деревнях. В этих училищах давалось воспитание всему юношеству без различия званий. Каждый ребенок, достигший восьми лет, мог поступить сначала в низшее училище, где ему прежде всего преподавали правила вежливости, затем обучали обрядам, музыке, стрельбе из лука, возничеству и счету.

По достижении пятнадцати лет более даровитые, кто бы они ни были, сыновья ли богдыхана или сыновья крестьянина, поступали в высшее училище, где им преподавали нравственную философию. Надо прибавить, что в этих училищах воспитание мало развивало самостоятельное мышление, а сводилось главным образом к заучиванию на память нравственных сентенций и сведений, завешанных предками. В такую школу поступил и Конфуций, где его стали звать Чжун Ни. Вскоре Чжун Ни затмил всех сотоварищей своими прилежанием, кротостью, скромностью и успехами в ученье.

На семнадцатом году он был назначен помощником своего учителя, известного ученого Пин-Чуна, который был вместе с тем и градоправителем того города, где жили Кон-

фуций и его мать. Молодой Чжун Ни, исполняя свою обязанность репетитора, старался по возможности не задевать самолюбия товарищей и возбуждал их рвение скорее собственным поведением, чем наставлениями. Все время своего пребывания в училище он занимался с неустанным прилежанием, изучая сочинения древних авторов, имевших огромное влияние на развитие его ума и сердца. Вообще Конфуцию удалось приобрести в молодые годы много разнообразных сведений, обилие которых впоследствии поражало и удивляло его слушателей.

По окончании своего образования Конфуций, уступая желанию матери, поступил на государственную службу. Ему досталось скромное место торгового пристава, обязанность которого состояла в надзоре за свежестью припасов на рынках и в лавках. Заняв эту скромную должность, Конфуций вовсе не считал себя униженным или обесчещенным, несмотря на то что происходил из знатного рода, и не старался уклониться от возложенных на него обязанностей, но, напротив, тщательно и добросовестно относился к ним и сам во все вникал. Он сознавал, что и на этом поприще может быть полезен своим согражданам и родине. С самого раннего утра Конфуций, сопровождаемый сведущими и опытными людьми, обходил рынки и лавки, осматривая овощи, мясо и хлеб, причем поощрял честных торговцев и строго преследовал мошенников, и благодаря этим мерам достиг блестящих результатов.

Время, свободное от службы, он продолжал посвящать ревностным занятиям наукой и проводил его почти постоянно дома, изредка только делая прогулки за город с целью поближе ознакомиться с бытом и хозяйством земледельцев или посещая запасные хлебные магазины. Часы, посвященные этим прогулкам, не пропадали у него даром, здесь он старался добыть себе те знания, каких не находил в своих книгах, — спрашивал земледельцев о качествах возделываемой ими почвы, о средствах сделать ее более плодородной, о средствах предохранения хлебных зерен от прорастания и т. д. Одним словом, он не пренебрегал ничем, что имело хоть малейшее отношение к его обязанности. Наградой ему было за это всеобщее глубокое уважение со стороны

его сограждан и громкая слава о его мудрости, которая осталась за ним навсегда.

На девятнадцатом году жизни Конфуций вступил в брак с девицей из знатной фамилии, по имени Ки-коан-ши.

Через год у них родился сын. Князь Лу, узнав о рождении сына, прислал в подарок Конфуцию пару рыб из породы карпов. Карп по-китайски называется *ли*, Конфуций в знак благодарности за милость и внимание князя назвал новорожденного Ли, а впоследствии дал ему прозвание Бо Юй, что буквально значит «старшая рыба». Кроме сына у Конфуция была еще дочь.

В это же время Конфуций получил повышение по службе. Князь Лу назначил его, по единодушному желанию сограждан и непосредственного начальства Конфуция, инспектором пахотных полей, лесов и стад и дал ему полное право отменять прежние порядки и вводить новые. И в этой должности Конфуций выказал замечательные способности.

Он вникал в малейшие мелочи сельского хозяйства и не упускал ничего из виду, что могло хотя несколько содействовать возвышению и улучшению крестьянского быта. Он достигал своей цели то убеждениями и просьбами, то угрозами и наказаниями, то вовремя поданной помощью. Усилия его увенчались блестящими успехами. При его управлении быт земледельцев изменился к лучшему, заброшенные поля обратились в богатые нивы, стада и породы домашних животных умножились.

Смерть матери. — Отставка. — Первое выступление Конфуция как общественного учителя. — Трехгодичный траур. — Занятия наукой и искусствами. — Конфуций делается известным и приобретает последователей. — Его первое путешествие и применение его теоретических познаний на практике. — Занятия музыкой и взгляд Конфуция на музыку как на средство смягчения народных нравов

Благодаря своим заслугам и плодотворной деятельности Конфуций сильно выделился из среды остальных чиновников княжества, и все сулило ему впереди самую блестящую будущность; но внезапная смерть матери принудила его оставить службу и удалиться от общественной деятельности на целых три года. Это случилось в 528 году до Р. Х.

В Китае издревле существует обычай, который требует, чтобы сыновья, по смерти отца или матери, выдерживали трехгодичный траур, причем чиновники гражданские и военные должны выходить в отставку и могут снова вступить в свою должность не ранее истечения срока траура. Это называется у китайцев «восстановлением». Когда в семье нет сына, то подобный долг должен исполнить внук, правнук или же приемыш. В продолжение траура нельзя пить вина, выходить из дому, иметь сношение с женой и бывать на пиршествах*. Кон-

*В китайских священных книгах говорится: «Кто исполняет траур, тому пища не сладка, музыка не весела, жизнь не спокойна... Сын только через три года сходит с рук родителей, и потому трехгодичный траур обязателен для всех». — *Авт.*

фуций слишком уважал древние обряды, чтобы мог пренебречь хоть малейшей их деталью, и он строго выполнил все, что требовалось обычаями. Выйдя в отставку, он прежде всего занялся погребением тела матери, желая похоронить ее вместе с телом умершего двадцать лет тому назад его отца в одной общей могиле. При погребении Конфуций в первый раз выступил в роли общественного учителя. «Соединенные при жизни, — сказал при этом философ, — не должны быть разделены и по смерти. Положите их тела рядом — тело мужчины на восток, тело женщины на запад, с головами, обращенным на север, и ногами, обращенными на юг. Чтобы предохранить тела от хищных зверей, вложите их в гробы из толстых четырехдюймовых досок, пропитанных маслом или покрытых лаком, а чтобы по возможности долее предохранять их от разрушения, поставьте гробы на земляные холмы!»

Это погребение во многом отличалось от соблюдавшихся тогда похоронных обычаев. Современники Конфуция совершенно забыли обычаи предков и хоронили покойников как попало, на пустырях, несколько дней носили по ним траур и затем забывали о них. Не так думал Конфуций. В своих первых поучениях он горячо упрекает сограждан в неуважении к усопшим, в общей нравственной развращенности; говорит, что люди утратили стыд и совесть и на самые возмутительные вещи смотрят равнодушно. Он старается вразумить граждан, что человек, царь земли, которому все подчиняется на ней, есть драгоценнейшее создание из всех живущих под небом, достоин всякого уважения и что равнодушные к оболочке его души есть унижение человеческого достоинства и низведение его на степень грубого животного.

Он говорил: «Любите друг друга и весь род человеческий, всю цепь, которой каждый из вас составляет отдельное звено. Все вы всегда и всем обязаны усопшим. Не было бы одних, и других не было бы. Живые должны быть благодарными усопшим за оказанные ими при жизни благодеяния. Самый простой и естественный способ возблагодарить усопших состоит в воздаянии почестей их памяти и именно по тем обрядам, которые существовали в первые времена империи. Без сомнения, и наши потомки воздадут, в свою очередь, нам те почести, какие мы воздаем нашим предкам.

Почести, воздаваемые вами тем, кого вы заместили на земле, воздадутся вам теми, кто заместит вас в свою очередь».

Пример Конфуция не остался без подражателей, а его наставления без последователей. Забытые обычаи старины воскресли, возобновились и существуют до настоящего времени.

Похоронив мать, Конфуций начал исполнять предписанный трехгодичный траур. Все это время он жил в уединении, вполне предавшись оплакиванию своей потери и научным занятиям. В это время он, вероятно, изучил в совершенстве все то, что не успел узнать в школе или во время службы.

«Учить и с каждым днем совершенствоваться не так же ли приятно, как встретиться с другом, пришедшим из далеких стран?» — говорит Конфуций. По мнению Конфуция, человек должен все свое свободное время употреблять на обучение.

Мрачная и горькая действительность окружающей жизни не могла его удовлетворить, и он стал искать утешение в прошедших временах. Конфуций весь предался изучению священных книг древности и постановлений великих и мудрых древних правителей, в уста которых он впоследствии и стал вкладывать высказываемые им высокие нравственные идеи. Впоследствии он ставит таких мудрых правителей древности, как Яо, Шунь, Юй и другие, в образец совершенных людей, как примеры нравственного совершенства и наилучшего управления. По этим примерам и образцам он и решился действовать неуклонно всю свою жизнь. Кроме изучения древних книг и законов, Конфуций за это время прилежно занимался усовершенствованием себя в так называемых шести свободных искусствах, без знания которых человек, по мнению китайцев, не может считаться образованным. Это шесть свободных искусств — музыка, духовные и гражданские обряды, математика, каллиграфия, искусство фехтования и управления колесницей.

По истечении срока траура Конфуций сложил, как требовалось обычаями, на гробнице матери свои печальные одежды и вновь возвратился к общественной жизни. Он не пожелал занять опять прежнюю должность, но решился продолжать свои ученые занятия и только по прошествии пяти

лет усиленной деятельности постиг вполне основы того учения, проповедованию и распространению которого посвятил остальные годы своей жизни.

Вскоре слава о его учености и мудрости распространилась по всему Китаю, и к нему стали стекаться со всех сторон жаждавшие знания и истины. К нему приходили люди всех возрастов и состояний — старые и молодые, богатые и бедные, знатные и простолюдины, и он никому не отказывал в мудром совете. Некоторые из молодых и пылких юношей сделались его учениками и постоянно находились при нем, другие же приходили к нему только по мере надобности и затем опять возвращались к своим обязанностям. Князь удельного княжества Янь, услышав о мудром философе, прислал к нему одного из своих вельмож спросить совета, как лучше управлять народом.

Выслушав посланного, философ отвечал:

— Не зная ни государя, ни его подданных, я не могу ничего посоветовать, что могло бы быть полезно ему и его народу. Если бы он спросил у меня, как поступали древние государи в том или ином случае, я бы охотно исполнил его желание, потому что я говорю только то, что мне известно. Передайте вашему князю в точности мои слова!

Ответ философа был, без сомнения, передан, потому что на следующий год Конфуций был при дворе князя Янь и работал там с успехом над реформами законов и нравов. Окончив свою задачу, Конфуций собрался домой.

— Приехав сюда, я исполнил свой долг, — сказал он, — исполняю его и уезжая отсюда. Теперь я могу быть полезен еще где-нибудь.

Из княжества Янь он отправился в княжество Цинь, где жил знаменитый музыкант Сян. Там Конфуций хотел окончательно усовершенствоваться в музыке, на которую он смотрел как на один из драгоценнейших даров неба человеку, возвышающий и облагораживающий характер человека, утишающий страсти, обуравляющие человеческую душу, и дающий чистое и невинное наслаждение. Окончательное усовершенствование потребовало немного времени у Конфуция — он постиг всю премудрость с небольшим в две недели, из чего мы можем заключить, что музыкальные тре-

бования того времени были не слишком обширны и сложны. В самом деле, в одном из своих изречений Конфуций дает в высшей степени простой совет, как обучиться музыке. Он говорит: «Музыке легко выучиться: при начале игры все инструменты должны быть настроены; в продолжение игры все должно идти плавно, внятно, без диссонанса; то же и в конце».

Как бы то ни было, Конфуций дорожил музыкой и ввел ее в свое преподавание как средство для смягчения народных нравов. В одной из канонических книг, составленных Конфуцием, сказано: «Желаете ли образоваться — тщательно изучайте музыку. Музыка выражает и живописует нам союз неба с землею. С богослужением и музыкой в империи ничего не может быть невозможного». Он даже, по словам летописцев, сочинил книгу о музыке, к сожалению затерянную. Те же летописцы передают следующие слова Конфуция, сказанные им, когда он явился в последний раз к Сяну, чтобы отдать отчет в разученной им пьесе:

— Теперь я похож на человека, с горной вершины обзревающего пройденное пространство и всю окрестность. В музыке я вижу то, что в ней возможно видеть. Благодаря постоянству и прилежанию я понял таинственный смысл древней пьесы, мною разыгранной. Играя ее, я перечувствовал все, что испытал ее составитель. Мне казалось, что я его вижу, слышу, говорю с ним. Воображаю себе этого составителя человеком среднего роста с несколько печальным лицом, с большими ласковыми глазами, с кротким приятным голосом — словом, в сочинителе песни вижу великого правителя Ву-вана. Угадал ли я?

Сян подтвердил его догадку и в восторге воскликнул:

— Я должен быть вашим учеником, а не вы моим!

Глава III

Возвращение в Лу. — Продолжение ученых занятий. — Путешествие в княжество Ци. — Встреча на пути. — Пребывание в княжестве Ци. — Поездка в Чжоу. — Мнение самого Конфуция о его учении. — Изречения древних китайских мудрецов и отзыв о них Конфуция. — Свидание Конфуция с Лао-цзы

Посещение княжеств Янь и Цинь убедило Конфуция в пользе и необходимости путешествий. Он увидел, что только этим путем можно приобрести здравые понятия и верные суждения о народном духе и что неблагоприятно полагаться на отзывы других, большею частью ложные или предвзятые. Впоследствии он никогда не упускал случая, доставлявшего ему возможность побывать в том или другом княжестве. Такая возможность, как мы увидим далее, представлялась ему довольно часто.

Возвратившись в Лу, Конфуций опять принялся за свои ученые занятия, посвятив себя всецело постижению мудрости и истины. Некоторые из близких уговаривали поступить на службу.

— Решение мое неизменно, — отвечал им Конфуций, — мое назначение и долг — служить и быть полезным всем людям без исключения. Все люди — одна семья, и мое призвание быть ее наставником!

И действительно, с этого времени дом его обратился в настоящую академию. Но в скором времени Конфуций

опять покинул Лу и отправился в княжество Ци, куда пригласил его владетель этой области, желавший воспользоваться советами и опытом славного философа.

Конфуций отправился в Ци, сопровождаемый своими учениками и многими почитателями, пожелавшими всюду следовать за ним. Он не отговаривал почитателей, зная, что слабые и бесхарактерные отстанут сами.

Во время пути ехавшие услышали раздавшиеся в стороне от дороги стоны. Приблизившись, они увидали пытавшегося повеситься человека и тотчас же освободили несчастного от петли, причем Конфуций, сошедши с колесницы, спросил несчастного о причине, побудившей его прибегнуть к самоубийству.

Спасенный отвечал, что причиною была его печально сложившаяся жизнь. Что он с детства стремился сделать мудрым, изучил все, что было ему доступно, и, пристрастившись к путешествиям, покинул родину, чтобы бродить из княжества в княжество. Спустя несколько лет он вернулся домой и женился. Вскоре после этого умерли его отец и мать, для которых он не успел ничего сделать, и это стало первой причиной его печали. Вторая причина его печали заключалась в том, что, возвратившись из путешествия, он считал себя способным руководить другими и ввиду этого, как только миновал срок траура, предложил свои услуги князю Ци, но князь, занятый более развлечениями, чем делами правления, не хотел его слушать. Друзья также отнеслись к нему гордо, равнодушно или даже с презрением, что составило третью причину его печали, и, наконец, четвертая причина заключалась в том, что его покинул единственный сын.

— Итак, — заключил свою исповедь самоубийца, — я хотел быть мудрым, а не сумел исполнить самых обыкновенных гражданских обязанностей — не был ни добрым сыном, ни достойным гражданином, ни хорошим отцом семейства, и поэтому-то я и решился на самоубийство.

Выслушав слова самоубийцы, Конфуций сказал:

— Как бы ни были велики ваши ошибки, они ничтожны в сравнении с малодушием. Всякая ошибка — дело поправимое, но самоубийство — преступление непоправимое. Вы

заблудились с первых же ваших шагов по житейскому пути и пошли ложным путем, думая идти к мудрости. Вы должны были начать с того, чтобы сделаться человеком прежде, чем мудрецом; последнее возможно только при точном исполнении человеческих обязанностей, налагаемых на нас самой природой. Первой же вашей обязанностью было любить родителей и угождать им, но вы ее не исполнили, и эта небрежность была причиною всех ваших несчастий. Не думайте, однако, что для вас все невосвратно погибло, приободритесь и не падайте духом; верьте одной великой истине, неопровержимость которой подтверждается опытом всех веков. Вот эта истина, постарайтесь навсегда запечатлеть ее в вашей памяти: покуда человек жив, он не должен ни в чем отчаиваться. От величайшего горя он может перейти к величайшей радости, от ужаснейшего бедствия к полнейшему блаженству. Мужайтесь, идите к себе домой и примитесь за труды с тою же охотою, как бы сегодня вы снова начали жить, узнав настоящую цену жизни. Вы еще можете сделаться мудрым!

Затем Конфуций, обратясь к сопровождавшим его, сказал:

— То, что вы слышали, может послужить для вас хорошим уроком!.. Пусть каждый хорошенько поразмыслит над этим.

Сказав это, он сел на колесницу и не успел отъехать полуверсты, как несколько учеников подошли к нему и просили у него позволения вернуться домой — служить своим родителям и заботиться о них.

Принцип, изложенный Конфуцием в его беседе с самоубийцей, есть основное правило философии Конфуция. На этом принципе зиждется вся общественная, политическая и семейная жизнь Китая — с идеей сыновней почтительности тесно связано учение о почтении к старшим, на чем и основан весь строй общественной жизни китайцев.

Молодой князь Ци принял мудреца с большим почетом, но этим и ограничился. Ни советов, ни наставлений князь, весь отдавшийся забавам и разного рода удовольствиям, у него не спрашивал. Конфуций прожил при дворе Ци целый год, но его пребывание не принесло княжеству никакой пользы.

Князь осыпал мудреца ласками из тщеславия, желая, чтобы народ говорил о нем, что он умеет чествовать и награждать великих людей. Он предложил Конфуцию в обладание город. Конфуций отказался, сказав, что ничем не заслужил подобного дара.

Тем временем число учеников и слушателей Конфуция возросло до такой степени, что князь отдал ему для его собраний один из своих дворцов.

Князь часто приглашал к себе на дружеские беседы Конфуция. Во время одной из подобных бесед философ имел случай показать необыкновенную прозорливость своего ума и высказать свой взгляд на правителей и правление. Летописи передают этот случай так: однажды, беседуя с философом, князь получил известие из княжества Чжоу, что молния сожгла в императорском дворце один из храмов, посвященных памяти предков.

— Храм Лин-Вана, по всей вероятности! — заметил Конфуций.

— Почему вы так думаете? — спросил князь.

Философ отвечал:

— Покуда властители земли живы, худо понимаемое уважение или раболепный страх замыкают уста окружающим их, но небо нелицеприятно — оно, рано или поздно, ниспосылает знамения своего гнева на нарушителей его законов. Лин-Ван был злой государь. Он отменил многие мудрые постановления Вен-Вана. Он первый осмелился носить желтые, богато убранные одежды, строить пышные дворцы, шеголять лошадьми и колесницами, — словом, он первый из царей ввел при дворе ту безумную роскошь, которая заставила бы краснеть государей древности. Гнев небесный, уничтожив храм, посвященный памяти Лин-Вана, возвещает людям, что они воздавали почести недостойному, и вместе с тем предостерегает князей, чтобы они не подражали Лин-Вану!

Князь, узнав через нарочно посланного, что молния действительно сожгла храм Лин-Вана, сказал, после долгого размышления, окружающим:

— Порадуйтесь со мною. В Конфуции я приобрел неоцененное сокровище. Он — величайший муж во всей импе-

рии... Это — мудрец, достигший вершины премудрости... Это воистину святой человек. Он видит происходящее далеко так же ясно, как и происходящее у него перед глазами!

Вскоре после этой беседы Конфуцию представился удобный случай посетить княжество Чжоу. На родине мудреца, в княжестве Лу, умер один из первых княжеских сановников, при жизни много слышавший о Конфуции и уважавший его за его мудрость. На смертном одре он завещал своим сыновьям сделаться учениками Конфуция. После смерти отца и траура сыновья вельможи прибыли к Конфуцию и сделали его учениками. Благодаря знатному роду и влиянию новых учеников положение Конфуция сильно изменилось.

Новые его ученики, узнав о желании учителя посетить столицу империи, чтобы на месте ознакомиться с принятыми там церемониями, поспешили помочь ему в этом желании. Они сообщили князю Лу о желании Конфуция посетить двор императора. Князь обещал оказать философу всевозможное содействие и для удобства прислать ему собственную колесницу, пару лошадей и одного из офицеров своей свиты.

Так как главной целью Конфуция было ознакомление с церемониями и постановлениями династии Чжоу, то он по прибытии в Чжоу посещал главным образом различные места, где мог достигнуть своей цели. По прибытии в Лу он встретил Чанхуна, музыканта-философа. Чанхун с радостью приветствовал Конфуция и предложил ему поселиться у него в доме. Он же представил Конфуция первому министру при дворе Чжоу. Министр, ласково приняв философа, стал расспрашивать его о его учении. Философ ответил:

— Мое учение есть то самое, которому должен следовать каждый человек, — это учение Яо и Шуня. Что же касается до моего способа преподавания этого учения, то он очень прост: я указываю на поведение древних, как на образец, советую читать священные книги и требую, чтобы размышляли над прочитанным.

— Но как приобрести мудрость? Научите меня чему-нибудь.

— Вы требуете от меня слишком многого. Постарайтесь запомнить четыре следующих предложения, которые могут

вам пригодиться: сталь ломается, как бы ни была она крепка; нередко кажется несокрушимым то, что, в сущности, легко уничтожить; гордый, ставя себя выше других, воображает, что все ему поклоняются; другие же, считая его ниже себя, не обращают на него никакого внимания; излишне снисходительный, со всеми соглашаясь, чтобы всего достигнуть, делается всегда игролищем собственного легковерия. Эти правила, как ни кажутся они просты, могут довести до высочайшей степени мудрости того, кто, проникнув в их смысл, согласно им будет вести себя.

Услышав о прибытии Конфуция в столицу, один из первых вельмож стал расспрашивать о нем Чанхуна.

Чанхун, с восторгом отзываясь о госте, сказал, что это человек, которому нет в свете подобного, что он настолько скромнен, что не стыдится учиться у людей менее мудрых и менее просвещенных, что он будет служить удивлением всего мира и всех веков, что он — совершеннейший образец человека, какой только можно представить себе, и затем прибавил, что память о нем исчезнет только тогда, когда исчезнет учение Яо и Шуня и забудутся наставления мудрых основателей империи.

Конфуцию был передан этот восторженный отзыв. Выслушав его, он сказал:

— Все это незаслуженно и преувеличенно. Достаточно было бы сказать, что я кое-что смыслю в музыке и стараюсь соблюдать все обряды.

Во время одной из своих прогулок по столице, когда он осматривал столичные храмы и дворцы, Конфуций зашел, между прочим, в храм Света (Минтанг). Здесь он обратил особенное внимание на живописные изображения древних правителей. Рассматривая их, он увидел, что эти изображения размещены без всякого порядка, не сообразуясь с деяниями этих правителей. Глубоко вздохнув, он сказал:

— Портреты Яо и Шуня помещены рядом с изображениями Ки и Шу. Между тем их единственное сходство только в том, что как те, так и другие были императорами. Первые считались любимцами неба и народа, вторые, напротив, были ненавистны небу и внушали страх людям. А почему? Потому что первые почитали небо и умели сделать людей

счастливыми, вторые же презирали небо и причиняли людям зло, какое только были в состоянии.

В храме предка царской династии Чжоу он заметил золотую статую на пьедестале, изображавшую человека, губы которого были заколоты тремя иглами. Позади статуи было написано:

«В древности люди были осмотрительны в своих речах: им следует подражать...

Не говорите много, потому что при многословии всегда скажется что-нибудь, чего говорить не следовало...

Не беритесь разом за много дел — множество дел ведет за собою и множество скорбей или, по крайней мере, забот...

Трудитесь и работайте, насколько требует этого ваш долг...

Не ищите ни великих радостей, ни излишнего спокойствия: поиски тех и других сами по себе — труд и помеха спокойствию...

Никогда не делайте того, что рано или поздно может повлечь за собою раскаяние...

Не пренебрегайте исправлением зла, как бы ничтожно оно ни было, — запущенное малое зло разрастется и делается большим...

Если не будете избегать малой несправедливости к себе со стороны других людей, вскоре придется употреблять все усилия к отражению жесточайших нападок...

Говоря или действуя наедине, не воображайте, что вас никто не видит и не слышит: духи — свидетели всех ваших деяний...

Долго скрытый огонь разгорается в непреодолимый пожар; огонь обнаружившийся легче тушится...

Многие ручьи дают реку; многие нитки, свитые вместе, образуют канат, который трудно порвать...

Легко вырвать из земли молодое неукоренившееся дерево; дайте ему вырасти — понадобится топор...

Из уст наших могут исторгаться и стрелы язвящие, и пламя пожирающее; осторожность предохраняет и от стрел и от огня...

Не думайте, чтобы человек, одаренный силой, мог безопасно подвергать себя всяким опасностям — сильный всегда может встретить сильнеешего, который его одолеет...

Ненавидеть законных властителей — значит уподобляться разбойникам; роптать на справедливое правительство — значит становиться в уровень с низкой чернью...

Противиться государю можно только при чрезмерных требованиях; довольствующемуся малым легко и повиноваться...

Простые люди и простейшие из людей никогда не начинают и не предпринимают ничего нового: они только подражают и следуют тому, что делают другие; им необходимы примеры и образцы. Видя людей осторожных, почтительных, добродетельных, образованных, и они сделаются такими же, и сами, в свою очередь, будут образцами для последующих поколений...»

Весь этот текст состоял из изречений древнейших китайских мудрецов и заключал в себе главнейшие правила господствовавшей в народе морали тех времен.

Прочтя громко эти правила, Конфуций сказал окружающим его:

— Я смотрю на эти правила как на перечень всего, что только можно сказать полезного... Я убежден, что, умея применить эти правила к делу, можно быть близким к совершенству. Постараюсь воспользоваться ими и вам всем то же советую!

Из храма Света Конфуций направился в другие храмы, где богдыханы воздавали почести своим предкам. Мандарины, на обязанности которых лежали присмотр и забота об этих покоех, приняли его с величайшим почетом и усадили на возвышенное место. Во время беседы Конфуций поражал их своими знаниями. Тем не менее он и здесь не упустил случая ближе ознакомиться с обычаями и церемониями, принятыми в Чжоу, чтобы узнать, насколько они расходятся с древними постановлениями. Он расспрашивал так подробно и входил в такие мелочи, что один из присутствующих заметил:

— Как же это? О нем говорили, что он все знает, а он между тем обо всем расспрашивает...

Услышав эти слова, Конфуций сказал:

— Вот в этом-то и заключаются церемонии.

Как мы увидим далее, Конфуций придавал, и не без основания, большое значение церемониям. Знакомясь и внима-

тельно изучая обычаи и церемонии Чжоу, Конфуций, кроме того, занимался изучением музыки под руководством своего хозяина.

Так прожил он в Чжоу два года. В это время он виделся с Лао-цзы, жившим в уединенной пещере в окрестностях города. Беседуя с Конфуцием, Лао, верный своему учению, упрекал Конфуция за славу, которая ходит о нем в народе, за многочисленных учеников, за его честолюбие и в заключение высказал свое мнение о том, каков должен быть истинный мудрец.

— Мудрец, — сказал Лао, — чуждается света; он не только не домогается, но избегает почестей. Вполне уверенный, что после своей смерти он оставит добрые правила тем, которые способны запомнить и усвоить их, истинный мудрец не доверяется всякому встречному, а соображается со временем и обстоятельствами. В добрые времена он говорит, в тяжелые — безмолвствует. Обладатель сокровища скрывает его ото всех, чтобы сокровища не похитили, и никому не разглашает, что у него есть сокровище. Истинно добродетельный своей добродетели напоказ не выставляет и не трубит в уши всем и каждому, что он мудр и добродетелен... Вот все, что я хотел сказать вам! Воспользуйтесь тем, что от меня слышали...

Возвратясь обратно, Конфуций долгое время хранил молчание и затем, обратясь к ученикам, сказал:

— Вообразите себе дракона, кольцами неизмеримого туловища объемлющего всю вселенную... Таков разум Лао-цзы...

Глава IV

Возвращение в Ци и затем в Лу. — Беседы с учениками. — Исправление священных книг. — Исторический труд Конфуция «Чуньцю» и другие

После двухгодичного пребывания в Чжоу Конфуций, увидев и изучив все, что ему хотелось, решил возвратиться в княжество Ци. Рассказывают, что, когда он, спустя несколько времени после возвращения, явился во дворец к князю, у последнего был концерт, во время которого исполнялось музыкальное произведение, созданное богдыханом Шунем за 1730 лет до Рождества Христова. Это произведение называлось «Шао-юэ», и предназначалась эта музыка для того, чтобы «рассеивать мрачные мысли и укреплять сердца в любви к долгу». Эта музыка произвела такое сильное впечатление на философа, что он в продолжение трех месяцев не мог думать ни о чем другом и самые изысканные блюда потеряли для него всю привлекательность.

В княжестве Ци Конфуций на этот раз пробыл недолго. Видя, что юный князь, по ветрености и легкомыслию, не в состоянии понять и усвоить его учение, философ вернулся на родину в княжество Лу, оставив в Ци для распространения своего учения нескольких учеников. В Лу в это время начались смуты, князь Лу был изгнан, и управлением

овладели, образовав олигархию, несколько знатных фамилий. В Лу Конфуций прожил 15 лет безо всякой должности, как говорит Легг⁵. По другим данным, напротив, Конфуцию была дана второстепенная, ничтожная должность, от которой ученики советовали ему отказаться.

— Ни за что, — отвечал им Конфуций, — отказ мой приняли бы за гордость. Указывая другим на путь добродетели, мы первые должны идти по нему, только тогда у нас могут быть последователи!

Все время жизни в Лу Конфуций посвятил распространению своего учения. Способ его преподавания был перипатетический⁶ — он поучал и словом, и делом, пользуясь каждым случаем. Мы приведем из этих бесед наиболее интересные.

Еще будучи в Чжоу, однажды ученики застали его внимательно смотрящим на течение реки.

— Учитель, — сказал один из них по имени Ци-кун, — полезно ли созерцание текущей реки?.. Вещь, кажется, самая обыкновенная.

— Вы верно говорите, — отвечал Конфуций, — течение реки по ее естественному или руками вырытому руслу вещь самая обыкновенная, известная всем и каждому... Но вот чего никто не знает, и это не совсем обыкновенно: соотношение и сравнение реки с учением. Это самое сравнение и занимает меня... Воды, думал я, текут безостановочно, днем и ночью, текут до самого устья реки и там впадают в море. Учение Яо и Шуня текло таким же образом до нашего времени; мы, в свою очередь, как живые волны, понесем его вдаль, передадим последующим поколениям, и так до скончания веков. Не будем же подражать тем одиночным мудрецам, которые мудры сами для себя, не делясь своею мудростью с другими...

Таким образом, Конфуций высказал свой взгляд на свое учение и вместе с тем дал несколько запоздалый ответ на слова Лао-цзы относительно того, каков должен быть мудрец.

Другой случай, где Конфуций имел случай высказать свой взгляд на правление и на один из своих главных моральных принципов — умеренность, то есть умение придерживаться во всем середины и избегать крайностей, представился ему

в тронной зале дворца богдыхана. В зале подле трона стояло ведро для подъема воды из колодца, сплетенное из камыша и хорошо осмоленное. Философ спросил одного из присутствовавших мандаринов:

— Зачем поставлено здесь это ведро?

Мандарин не знал, что ответить, и пробормотал какой-то вздор. Тогда Конфуций попросил другого мандарина зачерпнуть воды из колодца. Тот осторожно и тихо опустил его в колодец, но легкое ведро плавало на поверхности воды, и мандарин не смог зачерпнуть ни капли. Конфуций все-таки просил зачерпнуть воды.

— Если не удалось достать воды таким образом, — сказал он, — надобно черпать иначе как-нибудь!

Другой мандарин взял ведро и бросил его в колодец со всего размаху; ведро, переполнившись водой, погрузилось на дно.

— И это не хорошо! — сказал Конфуций. — Придется зачерпнуть воды самому...

Взяв ведро, он опустил его, осторожно покачивая, ни быстро, ни тихо в колодец, и ведро наполнилось настолько, что его без труда можно было вытянуть из глубины. Тогда, обращаясь ко всем окружающим, Конфуций сказал:

— Вот вам верное изображение хорошего правления и искусства уметь держаться разумной середины. Излишняя слабость или излишняя суровость вредны — надобно уметь соединять силу с умеренностью. В древние времена этот опыт применялся при восшествии на престол нового правителя. И древние законодатели предписали постоянно держать пустое ведро возле трона для того, чтобы правители всегда помнили моральный вывод из этого простого физического явления!..

Будучи уже на родине, Конфуций, однажды гуляя со своими учениками в окрестностях города, увидел птицелова, прилежно занятого своим делом. Подойдя к нему и заглянув в клетки, Конфуций заметил, что в них находятся только молодые птицы.

— Где же старые? — спросил он у птицелова.

— Старые хитры и недоверчивы, — отвечал птицелов. — Прежде чем приблизиться к приманке, они сначала

все исследуют, и если откроют что-либо опасное, то не только не идут сами на приманку, но даже уводят с собой молодых. В сети большей частью попадают молодые птицы, отделившиеся от старых, и только случайно старые, следовавшие примеру молодых.

— Слышали? — сказал философ, обратясь к ученикам. — Слова птицелова нам нравоучение. Я ограничусь немногими пояснениями: молодые птички увертываются от силков, когда они летают вместе со старыми, но старые попадают, когда летают за молодыми. Не то же ли бывает и с людьми?! Высокомерие, задор, неопытность, неосмотрительность — вот главные источники ошибок молодости. Надутые своими ничтожными достоинствами, нахватавшись верхушек знания, молодые люди считают себя всезнающими; они считают себя героями мудрости и добродетели, лишь только им удастся совершить самое обыкновенное дело. Им неизвестны ни сомнение, ни нерешительность, ими руководит не совет опытных и мудрых людей, а слепое и безумное увлечение; они идут ложным путем, заблуждаются и попадают в первую расставленную ловушку!.. Но разве между людьми старыми или зрелыми не встречаются лица, увлекающиеся малейшим проблеском дарования в молодых людях и вполне веряющиеся им, думающие и говорящие, как они, и вместе с ними заблуждающиеся? Не забывают ли же никогда, что вы слышали!

Ограничимся этими примерами метода, применявшегося Конфуцием в его преподавании, и перейдем к дальнейшему повествованию о его жизни.

Живя в Лу, Конфуций вставал рано и ложился очень поздно, он посвящал в продолжение дня на отдых всего два часа.

В это время Конфуций приступил к пересмотру древних священных книг и новой их редакции — исправляя, поясняя, а также сокращая многое из того, что было уже несогласно с духом времени или с господствовавшими тогда понятиями. Особенное внимание Конфуций обратил на «Книгу перемен» («И цзин»). Вместе с «И цзин» он занимался обработкой другого древнего сочинения китайцев «Ши-цзин». Тогда же он стал писать свое историческое сочинение, известное под названием «Весна и Осень» («Чуньцю»), — летопись

княжества Лу, содержащую историю смут и междоусобиц, потрясавших это княжество при династии Чжоу.

Книга стихов «Ши-цзин» была писана частью при династии Шан за 1700 лет до Р. Х., большая же часть возникла при династии Чжоу, когда Китай разделился на множество удельных княжеств. Удельные князья обязаны были собирать народные песни и представлять их главе государства, который судил по ним о нравах и правлении в уделах. Некоторые стихотворения слагались для пения в торжественных случаях при дворах богдыхана и удельных князей, при жертвоприношениях и т. д. Всех стихов было до трех тысяч. Конфуций сократил их до 311. Конфуцию приписывается также составление гадательной книги, написанной очень темным и невозможным языком, а также, как мы уже говорили, книги о музыке.

Глава V

Новые путешествия в княжества Хань и Ци. —
Взгляд Конфуция на охоту. — Прозорливость
Конфуция и его великодушие. — Беседа
с учениками о средствах избавления родины
от бедствий

Между тем смуты в княжестве Лу продолжались. Печальное зрелище этих неурядиц сильно удручало Конфуция. Он решил несколько освежиться и предпринял целый ряд путешествий, желая видеть, где сохранилось еще древнее учение, а также зачатки его собственного учения, данные им в предшествовавшие путешествия.

Прежде всего он направился в княжество Хань, лежавшее на границах нынешнего Хонана. То, что он увидел здесь, было очень неутешительно. Повсюду царствовало всеобщее недовольство — простой народ погибал от нищеты и бедности, а знатные люди утопали в излишестве и роскоши. Древнего благочестия не было и следа. Отсюда он отправился в княжество Ци, но и здесь положение вещей было не лучше. Из Ци философ отправился дальше, и только в небольшом горном округе Тай-Шан измученному повсеместными бедствиями и неурядицами взору Конфуция открылась картина первобытной чистоты нравов; эта патриархальная картина и неиспорченные понятия горцев об истине несказанно обрадовали философа.

Узнав, что князь Ци, бывший в отсутствии при предыдущем посещении Конфуцием княжества, вернулся в свои владения, Конфуций опять направился в Ци, правитель которого в это время из легкомысленного молодого человека сделался зрелым мужем, способным оценить достоинства Конфуция и воспользоваться его советами. Действительно, когда Конфуций после двухдневного отдыха испросил себе аудиенцию у князя, как этого требовал придворный этикет, князь принял его очень радушно. Окруженный блестящей свитой, он встретил его в дверях и сказал:

— Я узнал, что вы прибыли из своего славного отечества с целью видеть меня и быть полезным мне и моему народу! Выражаю вам мою искреннюю благодарность за это намерение — я рад вас видеть у себя! Войдите же, уважаемый учитель, и позвольте мне услышать от вас несколько уроков мудрости!..

И, уступив дорогу, князь просил Конфуция войти во дворец. Когда же Конфуций отказался идти впереди князя, последний заметил, что этим он нисколько не унижает своего княжеского достоинства и что, по его мнению, мудрец выше князя. Конфуций ответил ему на это:

— Государь, правила приличия существуют для всех людей, как для царей, так и для простых смертных. Если вы будете относиться с пренебрежением к вашей обязанности, а я к своей, мы оба нарушим установленный порядок. Почтение должно быть оказываемо вам повсюду, где бы вы ни были, — это одно из преимуществ вашего сана!.. Князь должен быть князем, министр — министром и отец — отцом!..

Князь более не настаивал. Вообще, прием, сделанный князем Конфуцию, и знаки глубочайшего уважения, которыми он окружал мудреца, подавали надежду, что наконец в княжестве Ци откроется обширное поле действия для деятельности Конфуция. И действительно, князь обещал Конфуцию назначить его министром. Но Конфуций скоро узнал, как мало можно было полагаться на эти обещания. Министры, боясь влияния Конфуция на князя, сумели отговорить последнего от его намерения, указывая главным образом на то, что, хотя Конфуций может быть и очень мудр в теории, но очень легко может оказаться плохим исполнителем своих теоретических предначертаний на практике.

Запутанный этими словами, малодушный князь передумал приближать к себе Конфуция и, сказав: «Я слишком стар для того, чтобы воспользоваться его наставлениями», взял назад обещание сделать Конфуция своим соправителем. Конфуций нисколько не жаловался на изменчивость князя, а только пожалел его как доброго и благонамеренного правителя, не умеющего, однако, делать добро из-за своей зависимости от вельмож.

Из Ци он опять отправился на родину. Во время пути он почти всюду получал изъявления глубочайшего почтения к своим мудрости и учению со стороны отдельных лиц и глубокое равнодушие, а иногда даже презрение со стороны массы народа, всецело поглощенного своими насущными потребностями. По дороге все свидетельствовало о неурядицах, господствовавших тогда в отчизне Конфуция, о тех беспрестанных междоусобных войнах, которые раздирали государство. Между прочим, одна встреча дала Конфуцию случай сказать его мнение о войне. Они увидели несколько землепашцев, занимавшихся стрельбой из лука и другими военными упражнениями. Посмотрев на них, Конфуций сказал:

— Подобными делами во времена древних мудрых царей занимались только воины, а не землепашцы. Теперь же все люди, кажется, хотят быть солдатами — война, конечно, от этого не сделается лучше, но зато обработка полей будет хуже. Однако, — прибавил он, — солдаты нужны. Это зло с каждым днем делается более и более необходимым.

Далее на пути они встретили группу охотников, отправлявшихся на охоту. В древние времена Китай изобиловал всякого рода дичью и хищными зверями. Последние были настолько многочисленны и опасны, что первыми государями Китая были установлены обязательные общественные охоты, совершавшиеся раз или два в год. С этими охотами были связаны даже некоторые религиозные обряды. В остальное же время жители занимались охотой или как промыслом, или как удовольствием.

Увидав охотников, один из учеников Конфуция спросил:

— Достоин ли внимания мудреца такое занятие, как охота?

— Все достойно внимания мудреца, и нет ничего, чем бы мудрый не мог или не должен заниматься! Охота есть одно из первых занятий человека: благодаря охоте человеку удалось завладеть той почвой, которую он теперь обрабатывает и которая была заселена всякого рода зверями. Охотой развлекались знаменитые государи древности от тяжких трудов правления. Благодаря охоте мудрец может дать некоторый отдых утомленному глубокими размышлениями уму и собрать новые силы для продолжения своих занятий. Наконец, благодаря охоте люди могут пользоваться драгоценным преимуществом приносить в жертвы животных, убитых собственными руками, как это предписано в церемониях!

Пока Конфуций говорил, охотники подошли к ним. Конфуций попросил позволения присоединиться к ним и, получив согласие, отправился вместе с ними на охоту, на которой и пробыл около двух недель. После охоты он возвратился в княжество Лу, где его ожидали с большим нетерпением. К общим смутам присоединилось новое бедствие — год был неурожайный, цены на жизненные припасы сильно возвысились, народ был не в состоянии вносить исправно в казну подати и налоги. При этих-то несчастных обстоятельствах опять вспомнили о Конфуции, о его успешном заведении пахотными землями, когда земледельцы собирали обильные жатвы с самых тощих пашен, и первый министр, вскоре после прибытия Конфуция в Лу, пригласил его во дворец на совещание. На вопросы и просьбы министра помочь им советами, как поступить при настоящих обстоятельствах, Конфуций отвечал уклончиво и неясно. Ученики были крайне поражены поведением их учителя.

— Почему вы, — спросили они его, — всегда столь великодушный и доброжелательный, не пожелали поделиться с министром вашими сведениями и вашей опытностью? Разве вы охладели к добру или, быть может, людская неблагодарность ожесточила ваше сердце? Мы не в состоянии понять, что с вами.

— Благодарю вас за вашу искренность, — отвечал Конфуций, — и отплачу вам тем же. Я поступил так потому, что министр — человек жадный, богатый землевладелец. Он думает только об умножении доходов со своих имений, а не

об общем благе. Он собирает налоги с жизненных припасов, и его главнейшая забота — увеличение налогов!.. Не думайте, что он, тронутый народными бедствиями, старается облегчить их; напротив, он заботится только о том, чтобы отобрать у народа последние крохи. Проникнув в его тайный умысел, я отвечал уклончиво и небрежно. Не для народной, а для собственной пользы старался он выведать от меня тайны умножения доходов с полевых угодий... Людей я люблю не менее прежнего и потому не мог допустить, чтобы по моим указаниям низкий корыстолюбец выжимал из народа все его соки!

Ученики были пристыжены этими доводами и глубоко раскаивались в своих недавних опрометчивых суждениях, но вскоре опять впали в тот же грех.

Один из родственников министра, желая снискать расположение Конфуция, подарил ему, как бы знак уважения, одну тысячу мер рису. Этот подарок при всеобщей дороговизне и недостатке хлеба был поистине царским. Конфуций принял подарок, показав вид, что получает должное, и ни единым словом не выразил своей благодарности. Ученики опять смутились, но смущение их сменилось восторгом, когда Конфуций раздал подаренный ему рис бедным, терпевшим лишения от неурожая людям.

— Знайте, — сказал он ученикам, — что и здесь я был верен своим принципам и убеждениям. Я в точности оправдал ожидания моего лиходателя. Он ожидал моей благодарности, теперь же благодарных сотни; он думал угодить только мне, а угодил, хотя и против воли, всему народу. Быть может, видя подобные действия, он поймет, что значит быть истинным благотворителем и на что следует употреблять данные небом богатства!.. Отвергнув подарок вельможи, я бы выказал презрение и гордость; приняв же его, но не взяв себе из него ни одного зерна, а раздав все неимушим, я поступил, как следовало.

У китайских историков встречается множество подобных эпизодов, свидетельствующих о величии души и благородстве характера великого философа. В них Конфуций постоянно является человеком, применяющим на деле все высказываемые и проповедуемые им правила нравственности.

Мы указали уже, что современники страстно желали изменить бедственное положение Китая. Лучшие умы изыскивали всевозможные меры для улучшения нравственной атмосферы и материального быта в государстве. Как мы говорили, они сильно расхотелись в средствах достижения намеченной цели.

Характерной иллюстрацией этого положения вещей является следующая беседа Конфуция с его учениками.

Однажды Конфуций, подававший всегда и во всем пример своим согражданам, как следует повиноваться древним религиозным постановлениям, отправился с тремя учениками на гору Нунг для принесения жертвы небу. На вершине горы он остановился и стал смотреть на окрестности, причем лицо его сделалось грустным. На вопрос учеников, что с ним и какова причина его грусти, он отвечал:

— Мне сделалось грустно при мысли о бедственном положении отечества, когда я вспомнил, глядя на эти нивы, о раздирающих нашу родину распрях и усобицах. Всего же более печалит меня трудность помочь бедствиям настоящим и отвратить грядущие. Не придумаем ли мы чего-нибудь сообща?! — прибавил он немного спустя. — Ци, скажите вы первый ваше мнение! — обратился он к одному из сопрождавших его учеников.

— Я бы собрал огромные полчища и силою оружия смирил мятежников! — отвечал Ци. — В пример другим пленных я предал бы казни и по водворении порядка водворил бы древнее благочестие.

— Вы храбры, — сказал Конфуций. — Что сделали бы вы? — обратился он с вопросом к другому ученику.

— Я поступил бы иначе, — отвечал тот. — В настоящее время княжества Ци и Чу в явной вражде и готовятся к войне, то же замечается и в других княжествах. Как только войска выступили бы в поле, я вышел бы к ним в парадной одежде и попросил бы их внимательно выслушать меня. Тогда я постарался бы изобразить всеми силами моего красноречия бедствия войны и блага мира, я изобразил бы мрачными красками последствия войны и плачевную участь, готовящуюся женам и детям той и другой стороны. Может быть, мои слова подействовали бы на враждующие сторо-

ны, они заключили бы мир, и в стране водворилось бы спокойствие.

— Вы красноречивы, — отвечал Конфуций. Затем он обратился к третьему ученику.

Тот отвечал:

— Если бы я желал чего для блага людей, то, конечно, не царской власти. Я желал бы жить при добродетельном и мудром государе, который приблизил бы меня к себе и которому я мог бы быть полезен моими слабыми способностями. Призванный к царю, я бы сказал ему: растения хеун и йеу (самое душистое и самое смрадное) на одном поле не уживаются; великий Яо и низкий Ки не могли бы править одновременно царством, и я просил бы государя прежде всего удалить от себя льстецов и заменить их людьми прямодушными и добродетельными и поручить им обучать народ пяти верховным обязанностям — человеколюбию, правосудию, любви к истине, верности и честности. Я сказал бы царю, что тогда ему не придется опасаться врагов, не надо будет содержать многочисленные войска и укреплять города — валы будут скрыты, рвы засыпаны и превращены в плодоносные нивы, камни крепостных стен будут употреблены на постройку общепользных зданий, а смертоносные пушки перекуются на земледельческие орудия. Воины обратятся в мирных граждан, искусные ораторы будут подавать благие примеры согражданам не словом, но делом... Тогда люди, мне кажется, могли бы быть счастливы! Если я заблуждаюсь, прошу учителя наставить меня на путь истинный!

— Вы истинно мудры, — отвечал глубоко тронутый Конфуций.

В словах ученика Конфуций почувствовал то, к чему он сам безуспешно стремился в продолжение стольких уже лет.

Конфуций — государственный деятель. — Меры, принятые им для увеличения благосостояния граждан. — Назначение его верховным судьей. — Козни врагов и отставка Конфуция. — Пребывание Конфуция в княжествах Вэй и Сун. — Скорбь о постигших его неудачах. — Учение Конфуция о браке, семье и т. д. — Число учеников достигает трех тысяч человек. — Преследования. — Пребывание в княжествах Цао и Чэнь. — Конфуций в тюрьме. — Сомнение Конфуция в успехе своего учения

Наконец на 44-м году жизни Конфуцию судьба улыбнулась. Смуты в княжестве Лу стихли, и князь назначил Конфуция правителем резиденции и ее окрестностей. Здесь открылась обширная арена для деятельности философа. Конфуций был неутомим, и его мудрые и благотельные распоряжения касались самых разнообразных сторон быта подведомственных ему граждан. Прежде всего он занялся улучшением сельскохозяйственного быта народа. Для лучшего выполнения этой задачи он старался сблизиться с простым народом, часто вступал в беседы с ним и совещался, принимая во внимание все справедливые замечания. Он ввел и улучшил после тщательного изучения существовавшую уже при древних правителях систему подразделений почвы по ее качествам и положению. Почвы он разделил на пять разрядов: 1) нагорные земли и земли тощие, 2) низменные и болотистые, 3) песчаные, 4) жирные, суглинистые, 5) при уходе и удобрении дающие хорошие жатвы. Сообразно с качествами почв он указал, что где лучше сеять, ввел севообороты и плодопеременное хлебопашество и определил с точностью

время посевов и жатвы. Одним словом, возобновил и улучшил все постановления, изданные древними богдыханами относительно сельского хозяйства. Кроме того, он, узнав, что многие земли отведены богатыми людьми под кладбища, служившие одновременно и для увеселительных прогулок, решился искоренить этот вредный обычай и возвратить напрасно пропадающие земли земледелию.

— Кладбища, — сказал он при этом, — не должны быть местами для гуляний. Древние называли их местом слез и вздыханий. Пировать и веселиться на них — значит издеваться над мертвыми. Местами погребения должны быть земли совершенно бесплодные, их не следует обсаживать деревьями или обносить стенами. Когда кладбища не будут походить на сады, только тогда их будут посещать ради искреннего уважения к памяти усопших, а не из праздного любопытства или от безделья.

Благодаря этому разумному распоряжению много плодородных земель стали обрабатываться, а не пропадать даром. И ко всем другим отраслям народного хозяйства Конфуций относился столь же ревностно. Труды Конфуция не были напрасны и в скором времени привели к самым благоприятным результатам.

Под разумным управлением народ постепенно улучшал свой материальный быт, а с возрастанием богатства народа стала улучшаться и его нравственность. В воздаяние заслуг Конфуция князь назначил его верховным судьей всего княжества, с правом преобразования старых законов и введения новых. Это назначение сделало Конфуция вторым лицом в княжестве по значению и власти.

В новой должности он остался верен себе: строго преследовал виновных, какое бы положение они ни занимали, и награждал заслуживающих награды. Расскажем несколько случаев из его судебной деятельности.

Он узнал, что один богатый землевладелец держал на откупе всю мясную торговлю и, приобретая из первых рук задешево гурты скота, продавал его в розницу втридорога. Конфуций, зная, что вся тяжесть этой монополии падает на один только бедный класс народа, решился прервать зло в самом корне и призвал к себе монополиста.

— Я слышал, — сказал он ему, — что вы один из первых богачей в городе. Мне это было бы очень приятно, если бы вы приобрели свои богатства трудом или честным промыслом; но я слышал, что они приобретены совершенно другим путем. За это вы заслуживаете строгого наказания, которое я, однако, сменяю на милость, но с условием: вы должны возратить народу все, что награбили у него. Возвращение это может быть сделано без ущерба для вашей чести. Из всего вашего богатства вы оставьте у себя столько, сколько вам нужно для безбедного существования, остальное же передайте мне. Я сумею распорядиться им как следует. Не оправдывайтесь, не думайте обмануть меня; даю вам несколько дней сроку!..

Откупщик повиновался требованию Конфуция, и его богатство пошло на общественную пользу под названием «добровольного приношения».

В другой раз к мудрецу пришел отец с жалобой на непокорного сына. Конфуций присудил обоих к тюрьме на три месяца.

По прошествии срока он призвал их обоих и спросил у отца, в чем именно провинился его сын. Отец отвечал, что виноват не сын, а он сам, что увлекся досадой на сына. Конфуций похвалил его за простосердечное сознание и сказал:

— Вперед лучше сами учите сына, а не обращайтесь к судьбе; вы же, — обратился он к сыну, — помните, что первый ваш долг — повиновение родителям.

Но не всегда Конфуций употреблял кроткие меры: в важных случаях он не останавливался и перед смертной казнью. Например, при вступлении в новую должность, он предал смертной казни одного из первейших сановников княжества, виновного в разного рода злоупотреблениях. Сам он так говорил об обязанностях судьи:

— Судья, предающий наказанию каждого, кто только нарушил закон, подобен полководцу, который предает грабежу завоеванный город, взятый приступом. Преступник-простолюдин чаще бывает полувиновен, а нередко и совсем невиновен по той причине, что не знает своих обязанностей. Самого строгого наказания заслуживают преступники высших классов за то, что подают дурной пример народу,

и правительственные лица, не внушающие своим подчиненным учить народ. Снисхождение к таким преступникам есть несправедливость и криводушие. Казните, говорится в древних книгах, наказывайте смертью тех, которые заслуживают того за вину важную и сознательную. Сначала надо учить народ и тогда уже в случае сознательного неповиновения наказывать его!

Конфуций придерживался строго этих правил в судебной практике. Но не только как мудрый судья, возвысивший в стране уважение к власти и законам, был полезен Конфуций своему государю и родине, он также оказывал большие услуги как проницательный и хорошо знающий людей политик. Не раз он выручал и спасал князя от серьезных опасностей и козней, которые строили его противники. Княжество Лу благодаря Конфуцию усилилось. Это усиление могущества князя Лу вызвало опасения и зависть со стороны соседних княжеств.

Они всеми мерами старались подорвать влияние Конфуция на князя и вызвать немилость последнего к философу. Одна из этих мер имела успех. Князю Лу в виде подарка были присланы 120 превосходных лошадей и 13 красивых девушек-танцовщиц и певиц для развлечения и забавы. Князь так увлекся ими, что перестал обращать внимание на Конфуция, а вскоре и совсем разгневался на него благодаря какому-то неловкому замечанию философа. Тогда Конфуций покинул княжество Лу и опять пустился в странствования вместе со своими учениками. По-прежнему он переходил из княжества в княжество и повсюду распространял свое учение. Встречали преобразователя, как и прежде, радушно, с подобающими почестями, но этим дело и ограничивалось.

Попытки Конфуция склонить правителей посещаемых им княжеств к принятию проповедуемого им учения и введению преобразований повсюду встречали ледяное равнодушие — большинство умов того времени не было еще приготовлено к мирной реформе и более верило в силу оружия.

Побывав в нескольких местах, философ прибыл в княжество Вэй. Князь Вэй выехал навстречу знаменитому мудрецу, ласково приветствовал его, назначил ему для жилища один из своих дворцов и дал ежегодное содержание в одну тыся-

чу мер рису. Несмотря, однако же, на эти милости и внимание к Конфуцию со стороны князя, философ был не совсем доволен этими беседами. Мудрец прямо попытался склонить князя к принятию своего учения, но тот отказался наотрез.

Конфуций выразил свое недовольство постигшими его неудачами в элегии:

«Аромат цветка лан-хоа упоителен; кроме аромата многие полезные свойства заставляют нас высоко ценить его. К сожалению, цветок этот очень нежен; он блекнет от легчайшего дуновения и отрывается от стебля. Что делается тогда с бедным цветком? Игрушка ветров, носится он по пространству земли из стороны в сторону, пока не найдет уголка, где приютиться. Но и здесь в пустыне истлеет цветок бесплодно и обратится в прах. Мудрость для людей, умеющих ее возделывать, дает прочные, истинные наслаждения; она по-настоящему должна бы быть целью всех наших желаний и помыслов... Но бурные страсти враждебны ей, как буря цветку: страсти гонят мудрость — и нет ей приюта. Неужели же воистину она не найдет себе пристанища? Дни мои на исходе; скоро окончится мой жизненный путь; пора мне найти пристанище.

Мудрому хорошо везде; вся земля его достояние!»

Но, кроме равнодушия, философу приходилось выносить явное презрение и даже преследования и насилие.

Так завершилось его пребывание в княжестве Сун, куда прибыл Конфуций из Вэй. Здесь находилась за городом пустынная поляна, на которой росло большое тенистое дерево. На этой поляне любил беседовать Конфуций со своими учениками и другими слушателями, приходившими к нему во множестве. В своих беседах Конфуций касался всех сторон нравственного и религиозного быта. Для более полной обрисовки личности Конфуция и его философии мы приведем еще несколько из его поучений.

Вот как он, например, учил о браке, о семье, о положении в ней женщины и мужчины и т. д.

Древние полагали подходящим возраст для брака не старше тридцати лет для мужчины и двадцати лет для женщины. Настоящая же самая лучшая пора для женитьбы двадцати лет для мужчины и пятнадцати лет для женщины. Брак

есть первая обязанность человека и его естественное призвание и назначение. Обязанности супругов делятся на общие и частные. Муж — голова; он повелевает, жена повинуется. Он — небо, она — земля.

Основами супружества должны быть взаимные доверие, честность и уважение, власть и руководство со стороны мужа, повиновение и покорность со стороны жены во всех тех случаях, когда муж не нарушает правил справедливости, приличия и чести.

В общественной жизни жена всем обязана мужу. Смерть его не делает ее независимой. В девицах она зависела от родителей, а если была сиротою — от братьев или попечителей; замужем она подчиняется мужу; вдовою — зависит от сына. Сын — хранитель вдовой матери от искушений, доброго имени ее от нареканий. Обычай воспрещает женщине вторичное замужество, и вдова обязана посвятить себя уединению. Вне дома у нее не должно быть никаких дел; даже и в домашние дела она должна входить, насколько нужно, и то если дети малолетние. При совершеннолетних детях вмешательство вдовы — напрасное их стеснение. Днем она не должна выходить из своей комнаты; ночью же спальня ее должна быть всегда освещена. Так должна вести себя вдова, ежели хочет заслужить уважение детей и сограждан.

Период от пятнадцати до двадцати лет самый удобный для выхода замуж. Не надо забывать, что от брака зависит вся судьба женщины, а потому выбор мужа требует большой осмотрительности. Девица не должна вступать в брак с членом семьи, замешанной в заговоре против правительства; семьи с расстроеными делами или в которой царствует раздор. Недопустимы в браке непристойное поведение или нарушение супружеской верности, внесение ею в семью мужа вражды или ссор; болезнь жены, внушающая к ней отвращение; болтливость и склонность к мотовству, а также если жена обокрадет мужа.

Муж не имеет права развестись с женой, хотя она того и заслуживает, во-первых, когда она не имеет никого из родных, во-вторых, когда она провинилась перед мужем во время траура по свекру или свекрови и, в-третьих, когда муж,

женясь на ней в бедности, разбогател во время сожительства с нею.

Правила, преподанные Конфуцием относительно брака, строго применяются в Китае и поныне.

В другой раз Конфуций высказал свой взгляд на управление народом. Один из учеников был назначен градоправителем и обратился к своему учителю за советами и указаниями. Конфуций сказал ему:

— Будьте всегда прилежны в делах и внимательны, старайтесь отличать ложь от правды и истину от вероятия. Будьте справедливы, бескорыстны, верны самому себе. Правосудие не ведает лицеприятия. Бескорыстие — путь к справедливости: корыстолюбец не может быть справедливым; всякое приношение и всякий дар от низших, под каким бы предлогом они ни были сделаны, есть гнусная кража. Будьте всем доступны. Не показывайте никому мрачного лица, будьте со всеми приветливы, обходительны и ласковы. С решением дела не спешите; обсуждайте его со всех сторон. Ежегодно собирайте четыре раза народ и объясняйте ему его обязанности. Если простой народ не знает, что он должен делать, то виноват ли он, если не исполняет того, что должен? Можно ли взыскивать за нарушение закона с того, кто не ведает о существовании закона? Не отвлекайте простой народ от полевых работ, заставляя трудиться над исправлением дорог и мостов. Всему свое время!

В другой раз Конфуций дал определение человека и его обязанностей:

— Человек отличается от прочих существ разумом, дарованным ему от неба. Частицы отца и матери, соединяясь в предназначенном для того органе, — суть причины нашего бытия, ибо соединение двух начал — источник всего сущего. Новорожденный не есть человек в настоящем смысле этого слова, он делается человеком тогда, когда небо одарит его разумом и способностью мыслить. Пока это разумное существо пользуется своими телесными и умственными способностями, оно живет, но как только оба начала (духовное и телесное) разъединяются — оно умирает. Постепенно развивается человек, так же постепенно и разрушается. Но это разрушение не конечно, оно есть только разложе-

ние тела на составные части, из которых каждая возвращается к своему началу: разум возвращается к своему источнику, душа сливается с воздухом, твердые и жидкие частицы тела обращаются в землю и в воду; человек, как учили древние мудрецы, есть существо особенное, совмещающее в себе качества всех прочих существ. Между прочим, он обладает способностью совершенствоваться или развращаться, смотря по доброму или злему употреблению своей воли. За злые деяния он заслуживает наказания, за добрые — награды. Таков человек!

Людей Конфуций делил на пять разрядов, смотря по их нравственным и умственным качествам. К первому, низшему, разряду он причислял всего чаще встречающихся людей, не отличающихся никакими особыми качествами, — людей, которые говорят только для того, чтобы говорить, не думая о том, говорят ли они дело или пустяки, людей привычки, живущих жизнью чисто животной изо дня в день, не умеющих ничего сделать без указания. Понятия этого разряда людей, по мнению Конфуция, далее глаз, ушей и рта не простираются. Ко второму разряду он причисляет грамотных, образованных людей, настолько развитых, что они способны иметь понятия о вещах, недоступных понятиям простого народа. Эти люди живут сознательною жизнью, соображаясь с законами и обычаями. К третьему разряду принадлежат люди здравого смысла, которые ни в чем не отступают от него. Они одинаковы в горе и в радости, невозмутимы, добродетельны, умеют говорить и молчать. Этих людей Конфуций называл философами. Четвертый разряд составляют люди прямодушные и истинно добродетельные, и, наконец, самый малочисленный, пятый разряд — люди совершенные во всех отношениях. Только такие люди и могут стоять во главе государства, говорит Конфуций.

В подобного рода беседах и поучениях проводил Конфуций свое время. Число его учеников за это время достигало трех тысяч человек, не считая случайных слушателей. Собрания людей, стекавшихся послушать мудрого философа, с каждым днем увеличивались. Но и из княжества Сун философ принужден был удалиться. Военачальник князя Сун, недовольный этими сборищами, счел Конфуция нару-

шителем общественного спокойствия и велел разогнать его учеников и слушателей, а дерево срубить.

Конфуций вновь пустился в странствования и скоро попал в княжество Цао, но прожил там без всякой пользы. В соседнем княжестве Чэнь ему удалось спасти жизнь трех приговоренных к смертной казни преступников. Князь Чэнь отнесся к философу весьма благосклонно, но его министры из зависти и боязни опасного соперника заключили Конфуция вместе с учениками в темницу. В ней философ сидел в продолжение недели, затем был освобожден войсками соседнего княжества.

Конфуций мужественно перенес все эти невзгоды и даже находил силу духа утешать учеников. Освобожденный из плена, Конфуций вместе с учениками посетил священную гору Тай-Шан — место жертвоприношений древних царей, во времена Конфуция почти забытое и запущенное. Вид этого запущенного места поверг Конфуция в глубокое и грустное раздумье. В это время в душе его опять возникло сомнение в себе самом и боязнь за будущность учения, а также сильное разочарование в людях. Под влиянием таких мрачных мыслей Конфуций сказал ученикам:

— Вершины горы не достигнешь, не пройдя крутыми и извилистыми тропинками; доступ к добродетели не обходится без трудов и усилий. Не знать дороги и пускаться в нее без надежного проводника — значит подвергаться опасности заблудиться и даже погибнуть. Я хотел взойти на вершину Тай-Шана, чтобы еще раз насладиться великолепным зрелищем, открывающимся с нее на все четыре стороны света. Меня не испугали ни высота горы, ни покрывающие ее густые деревья, ни обрывы, ни пропасти: я знал, что в лесах есть тропинки, а над обрывами построены мосты, и был спокоен!.. Но увы!.. Я обманул: тропинки исчезли под волчьим и тернием; под ними трудно разобрать, куда какая тропинка ведет, мосты обветшали, многие даже рухнули... Мне ли под силу прокладывать новые тропинки, строить новые мосты?.. Где необходимые для того орудия?.. Страсти заглушили все всходы посевов добродетели — могу ли я очистить их от этих сорных трав? Тщетны были мои усилия направить стопы людей на путь добродетели! После всех неудач единственный мой удел — слезы и стенания!..

Глава VII

Возвращение на родину. — Последние годы жизни Конфуция. — Окончание его исторических трудов. — Смерть и погребение. — Почести, оказанные Конфуцию после смерти

После долгих странствований Конфуций вернулся домой в княжество Лу. Здесь он узнал, что его жена умерла. Услышав это печальное известие, философ сказал:

— Супруга моя скончалась, и я скоро последую за ней. Мне шестьдесят шесть лет от роду. Надобно, однако же, остаток дней моих употребить с пользою. Утешьте сына моего и постарайтесь, чтобы он не слишком предавался скорби.

Последние годы своей жизни мудрец почти всецело посвятил занятиям с учениками. В окрестностях города на поляне было несколько холмов, служивших некогда алтарями для жертвоприношений, впоследствии же превращенных в места для гуляний; эти холмы были обстроены павильонами, и в них-то Конфуций занимался с учениками.

Один из холмов, наиболее любимый и чаще посещаемый философом, сделался известным под именем «абрикосового кургана». Здесь Конфуций окончательно привел в порядок древние священные книги, а также и свои сочинения. Из трех тысяч учеников семьдесят два могли со слов учителя

объяснять законы музыки и изяшных художеств; правила же мудрости и добродетели в состоянии были передавать людям только двенадцать учеников. Эти ученики стояли всего ближе к Конфуцию и знали все его заветные думы и помыслы. Из них любимейшим был Янь-Юань, на которого Конфуций смотрел как на своего преемника, но он умер ранее учителя.

Раз, прогуливаясь с тремя учениками, Конфуций приблизился к одному кургану, который, по преданию, был насыпан по повелению древнего военачальника в знак одержанной победы. При виде этого кургана Конфуций сделался печальным. Озабоченные ученики спросили его, не болен ли он, приписывая причину его грусти нездоровью. Конфуций отвечал:

— Успокойтесь, я совершенно здоров, но вид этого кургана пробудил во мне грустные мысли о бренности славы человека. Подайте мне цинь, я пропою вам песнь скорби: зной сменяется холодом, весна и лето — осенью. Солнце восходит затем, чтобы течь на запад; реки стремятся с востока, чтобы ввергнуться в неизмеримое море. Однако же за осенними холодами опять являются тепло и зной; солнце, закатясь на западе, снова восходит на востоке, и воды речные, ввергающиеся в море, сменяются новыми водами. Но что же случилось с героем, воздвигшим этот курган, где его боевой конь, где его спутники на ратном поле? Увы, единственным следом их бытия осталась земляная насыпь, поросшая сорными травами.

В другой раз, разбирая «Книгу перемен» великого Фу Си, Конфуций задумался над символом Сун-и, или знаком разрушения и возрождения.

— Всему свое время, — сказал философ ученикам, — все на свете изменяется и исчезает, чтобы появиться в новом виде, но и за обновлением следует обветшание, разрушение, а там опять обновление, и так до бесконечности.

Видимо, мысли о смерти все чаще и чаще стали посещать престарелого философа. Имея от роду более семьдесят лет, он еще раз посетил священную гору Тай-Шан, чтобы там помолиться небу. Предвидя скорый конец своему земному поприщу, Конфуций хотел возблагодарить небо за все его щедроты и милости. Он собрал всех своих учеников и при-

вел их к одному из холмов, окружавших город. Здесь они воздвигли алтарь и возложили на него шесть книг, написанных Конфуцием, причем мудрец, преклонив колена и став лицом к северу, помолился небу. Через несколько дней он опять созвал своих учеников и объявил им свою последнюю волю.

— Созываю вас в последний раз, — сказал он, — постарайтесь запомнить слова мои, в них мое завещание. Как бы ни был умен и образован человек, он не может быть гением всеобъемлющим. У каждого человека, между остальными способностями, непременно есть одна, применяя которую к делу он может быть истинно полезен на поприще, избранном согласно этой способности. Увлечение одной способностью в ущерб другой, более развитой, выбор должности, не подходящей к характеру, являются источником многих зол и ошибок. Мы давно уже знаем друг друга, и не со вчерашнего дня я ваш учитель. Я, как мог, исполнял мои священные обязанности по отношению к вам; вы, в свою очередь, делили со мною труды и заботы и опытом убедились в том, что знания и мудрость даются нелегко и что не менее трудно выполнять человеку его назначение. При нынешнем безотрадном положении вещей в государстве, при нежелании большинства принять преобразования в нравах, обычаях и религиозных воззрениях не надейтесь на успешное распространение моего учения. Вы сами видите, во многом ли я преуспел. Завещаю вам мои книги как драгоценный свод знаний и правил мудрости — в них залог будущего успеха моего учения. Книги эти вы должны передать потомству во всей чистоте. Для того чтобы успешнее выполнить завет мой, вы должны разделить предстоящие вам труды соответственно вашим способностям. Мен-цзы, Янь-пеню и Чжун-кун, вам я препоручаю отдел нравоучений; Цай-но и Цзы-Гун, вы, имеющие дар красноречия, возьмете на себя отдел красноречия; Янь-Хуэй и Ки-лу, как люди светские, опытные в науке правления, вы займите государственные должности для непосредственного сближения с народом и его просвещения; Цзы-Юань и Цзы-Хуа, знатоки древности, пусть посвятят себя наукам и преподаванию народу правил обрядов и древнего благочестия. Таким образом, каждый из вас исполнит завет мой и будет верен своему призванию.

За несколько дней до смерти философ был во дворце и смотрел с высокой башни дворца на народный праздник. Это был праздник в честь восьми духов земли, подателей плодов, овощей, хлеба и всех вообще ее произведений; он совершался два раза в год — в дни весеннего и осеннего равноденствий. Народ ел, пил, пел песни и плясал — одним словом, веселился от души. Философ, смотря на это зрелище, сказал бывшему при нем ученику Цзы-Гуну:

— Меня радует, что народ на время забыл о своих бедствиях и считает себя, хотя и не надолго, довольным и счастливым!..

— Не лучше ли бы сделал народ, если бы вместо пьянства и траты времени на непристойные забавы он молился бы духам и приносил им благодарственные жертвы? — отвечал вопросительно ученик.

— Вы правы, — заметил Конфуций, — народу следовало бы благодарить небо за дарованные милости и просить новых, но плясками и весельем он и выражает свою благодарность. Не осуждайте его за праздность: это отдых после непрерывной стодневной работы. Неустанная работа измучает и тело, и душу, как ослабляется постоянно натянутая тетива у лука!

Этот же самый ученик был свидетелем и последних минут учителя.

— Упадают мои силы, — говорил Конфуций, — и уже не поправиться мне!

Затем, проливая слезы, он прибавил:

— Нет у меня силы поднять голову, чтобы взглянуть на вершину Тай-Шана!.. Члены мои — как подгнившие стропила здания; я поблек, как трава!.. Кто после моей смерти возьмет тяжкий труд поддержать мое учение?!

Эти слова сожаления, что некому будет поддержать его заветы, были вместе с тем и его последними словами. Вскоре он впал в беспамятство и после семидневного бессознательного состояния скончался на 73-м году жизни, в 479 году до Р.Х. При совершении похорон Конфуция строго придерживались древних обрядов.

Сын его умер ранее отца, а внук Цзы-си был еще малолетен и не мог принять участия в погребальных обрядах,

вследствие чего эту обязанность приняли на себя два ученика покойного философа.

Закрыв глаза усопшего, они вложили ему в рот три шепотки рису и облекли труп в одиннадцать различных одеяний; из них верхнее было то, в котором покойный мудрец являлся обыкновенно ко двору. На голову надели шапки в виде тех шапок, какие присвоены государственным министрам. Почетный знак, медальон из слоновой кости, повесили на шею на шнурке, ссученном из пяти разноцветных нитей. Одетое таким образом тело положили в двойной гроб из четырехдюймовых досок и поставили на катафалк под балдахин. Вокруг катафалка были расставлены треугольные значки, а в изголовье четырехугольная хоругвь. После этого ученики от имени внука покойного купили участок земли. На этом участке были насыпаны три земляных куполовидных кургана; из них средний, предназначенный для погребения, был сделан выше боковых. На нем посадили дерево, иссохший ствол которого сохраняется доныне.

При погребении присутствовали родственники и ученики Конфуция. Предав земле тело покойного, ученики дали обещание почтить память учителя трехлетним трауром. Цзы-Гун наложил на себя шестилетний траур, в продолжение которого жил на могиле своего учителя в специально выстроенной хижине. Прибывшие на похороны с разных концов Китая ученики привезли с собою каждый по дереву и посадили деревья эти вокруг гробницы. Сто человек с семьями поселились близ места вечного упокоения мудреца и образовали деревню, названную Кун-ли; причем, объявив покойного своим господином, просили его внука считать их своими крепостными. Когда князю Лу принесли известие о кончине Конфуция, он воскликнул:

— Небо прогневалось на меня!.. Я лишился неоцененного сокровища!

Желая хотя бы после смерти философа чем-нибудь загладить причиненную при жизни ему несправедливость и обиды, князь приказал построить близ гробницы Конфуция часовню в память его — точно такую же, какие обыкновенно воздвигались князьями в память их предков, — чтобы в этой часовне все ученики и последователи Конфуция могли воз-

давать почести памяти великого человека по существующим обрядам. В часовне поставили портрет Конфуция, положили на алтарь его сочинения, по стенам развесили его парадные одеяния и музыкальные инструменты, тут же поставили его домашнюю мебель и дорожную колесницу. Открытие часовни было необыкновенно торжественно. Князь Лу признал Конфуция своим учителем. Ученики уговорились раз в год приходить к гробнице учителя на поклонение ему и на богомолье. В течение двух тысяч лет это обыкновение соблюдалось и соблюдается донныне. Кроме того, почти в каждом городе воздвигли впоследствии часовню в память мудреца. При первом богдыхане из династий Хань (за 200 лет до Р.Х.) обряд воспоминания был признан обязательным и для государей. С этого времени на философа стали смотреть как на святого и воздавать ему божеские почести.

Впоследствии было установлено, чтобы каждый ученый, приступая к экзаменам на ученую степень, или мандарин, вступающий в государственную службу, непременно поклонялся памяти Конфуция в посвященных ему часовнях. Постановление это было введено в 998 году по Р.Х., почти через полторы тысячи лет после смерти Конфуция. При династии Хань Конфуцию присвоили титул *куна* (герцога, светлости), при династии Тан — титул первого святого, а впоследствии — императорского проповедника. При династии Мин его назвали святейшим, мудрейшим и добродетельнейшим из всех учителей рода человеческого. Живописные и скульптурные изображения его велено было увенчивать императорской шапкой и облачать в царские одежды. Эта высшая степень почета неизменно соблюдается и поныне. Потомки Конфуция были возведены в звание потомственных дворян. При императоре Канси⁷ их насчитывалось до 11 тысяч человек мужского пола.

Глава VIII

Успех учения Конфуция. — Причины этого успеха. — Характеристика Конфуция и его учения

Как мы видим, опасения Конфуция, высказываемые им перед смертью и не раз в продолжение его деятельности, что некому будет поддержать и распространить его учение ввиду распушенности нравов и ослабления государственной жизни, были неосновательны.

Вместо того чтобы заглохнуть вместе со смертью Конфуция, оно получило необыкновенный рост и укоренилось навсегда в народном сознании.

Почему же так случилось? Конфуций как реформатор не похож на других подобных деятелей в истории; он не внес в жизнь своего народа чего-либо нового, что было бы плодом его внутренней умственной и духовной работы. Он и сам не выдавал себя за творца и провозвестника нового учения, чем он и не был на самом деле. Все, о чем он проповедовал и чему учил, было раньше возведено древними мудрецами и жило в сознании массы, хотя и в полузаглохшем состоянии. Сам Конфуций, когда его спросили — не лучше ли будет, если он упростит и несколько смягчит свое учение, так как оно не имеет успеха, быть может, потому, что

его начала слишком высоки, чисты и недоступны для большинства, сказал:

— Мое учение есть учение, завешанное нам нашими праотцами. Я не имею права ни прибавлять к нему, ни убавлять чего-либо. Я передаю его во всей первобытной чистоте. В отношении к моему учению я то же, что сеятель к сеемым им семенам. Может ли сеятель придать семени иную форму или заставить его дать раньше определенного времени росток и произвести жатву? Дело сеятеля посадить семена в землю, поливать их, заботиться о них — все же прочее не в его власти...

«Мое учение не прямой, обычный путь, — говорил он, указывая этими словами, по объяснению комментаторов, на трудность распространения своих идей, — оно неизменно как небо, которое есть его творец, оно течет как поток с древних времен Яо и Шуня».

Тем не менее учение Конфуция вполне отвечало народному духу, и его воззрения вполне согласовались с воззрениями массы. Конфуций воплотил в себе полнейшее отражение китайского народного характера со всеми его достоинствами и недостатками. Он был чистокровный китаец, «китаец из китайцев», полнейший выразитель народного духа, его мирозерцания. А китаец по своим воззрениям прежде всего был и есть реалист. Он и мыслью, и чувствами всецело привязан к непосредственному, видимому и осязаемому. Все идеальное, все, что выходит за пределы действительности, ему, по-видимому, совершенно чуждо. Китаец в своей жизни руководствуется исключительно одним сухим расчетом, он до крайности сух и безыдеен. Само воображение у китайца развито гораздо менее, чем у других народов. Такой же сухой, рационалистический характер без малейшего следа идеализма видим мы и в учении Конфуция, и в самом Конфуции. Вот почему уставы и формы, введенные Конфуцием, пережили все перевороты, и всякая попытка заменить отжившую старину новыми и лучшими учреждениями всегда отвергалась с презрением китайцами, так как «князь мудрости все преподавал, все сказал, все постиг». Вот почему учение его было принято и проникло в кровь и плоть народа без всяких потрясений и кровопролитий и все китайцы без различия вероисповедания — конфуцианцы.

Один из последователей и родственников Конфуция характеризует личность Конфуция следующими словами: «Лишь один он владеет всеми качествами мудреца, какие только существуют в поднебесном мире, — великодушный, кроткий, благородный, добродетельный, с всепроникающим умом, со всеобъемлющим знанием, спокойный в затруднениях и ясный в распознавании вещей, твердый и непоколебимый; он — небо и земля, которые все питают и поддерживают; он — четыре времени года в их последовательной смене; он — солнце и луна. Глубокий и деятельный, как источник живой воды, распространяющий вокруг себя благодеяния, он подобен бездне и обширен как небо. Таков он, и вся природа почитает его, верит ему и преклоняется пред ним. Слава его имени распространилась по всему Срединному царству и доходит до народов Мань-ма. Повсюду, где плавают суда, ездят колесницы, куда проникает человеческая сила, где только простирается покров неба, поддерживаемый землей, где только светят солнце и луна, где падают роса и иней, все, кто живет и дышит, славят и любят его».

Тем более так смотрят на своего «святейшего, мудрейшего и добродетельнейшего» учителя китайцы. Он дорог им, потому что был прежде всего практик. Как мы видели, он не любил рассуждать о том, что выше действительности и осязаемости. Темами его бесед чаще всего были древняя история, народные песни и древние обряды; лишь изредка касался он в своих беседах высших предметов и при этом избегал всяких метафизических отвлеченностей.

— Я предпочитаю о многом не говорить, — сказал он своим ученикам в одной из своих бесед, и это он считал достоинством и признаком мудрости.

Вот как он характеризует истинный тип мудреца:

— Истинный мудрец не является на пиршества неприглашенный, чтобы блистать на них; но он ждет, чтоб его пригласили. Будучи приглашен, подобно прочим, он сообразуется с правилами благоприличия и условиями света. Если им особенно не занимаются, он не выказывает на то ни малейшего неудовольствия. Учится он с утра до вечера. В случае предложения ему должности, мудрец, если сознает в себе достаточно способностей, принимает ее и исполняет с точ-

ностью. Почестей он не ищет, на сокровища не зарится: единое его сокровище, которого он жаждет, — мудрость; величайшая для него почесть — название мудреца. Вверяется он людям благонадежным, беседует с людьми прямодушными, пред высшими не пресмыкается, пред низшими не возносится — с первыми он почитателен, со вторыми приветлив. Он каждому воздает должное. Приходится ли ему выговаривать за ошибку или давать наставления, он делает это с крайней осторожностью, не оскорбляя ничего самолюбия. Людей умных он уважает, но похвалы их не домогается: он перед ними не унижается и не возносится. Исполняя во всем и всегда свой долг, он ничего не боится — в своей верности и правоте он находит верную защиту от всяких нападков; закон и правосудие — его неизменное оружие. Он любит всех людей, ему нечего бояться; самые тираны ему не страшны. Как бы ни были обширны его познания, он постоянно заботится об их умножении. Отличаясь безукоризненностью в поведении, он все-таки неослабно наблюдает за собою. В честности и добре нет ничего маловажного. На службе мудрец строг, но одинаково ласков и приветлив со всеми, весел и всегда ровного нрава со своими друзьями. Ему приятнее общество мудрецов, но и немудрыми он не пренебрегает. В семье мудрец любит одинаково всех своих домашних; любимцев у него нет. Если кто обидит мудреца словом или делом, он не выказывает ни гнева, ни раздражения. В каком бы состоянии ни был мудрец, он всячески старается быть полезным отечеству или согражданам; оказав услугу, он ею не хвалится, но скромно и терпеливо ждет воздаяния за нее. Если же его обойдут наградой, он не ропщет и не жалуется. Похвала честных людей, сознание, что он сделал добро для добра, — вот самые лестные для него награды. Если же его вызыут почестями, он не гордится и по-прежнему доступен всем и каждому. Ему неведомы зависть, надменность, презрение — он со всеми живет в согласии. Последнее порождает всеобщую к нему благосклонность. Главный же источник мудрости — любовь и сострадание ко всему человечеству.

Таков был в своей жизни и Конфуций. Все описания его личности, сохранившиеся от его непосредственных учеников, показывают, что философ был справедливым, деятель-

ным, честным, хладнокровным и сдержанным человеком. «Учитель, — говорят ученики, — был ровен, полон достоинства, почтителен и вежлив, но с сознанием собственного достоинства и всегда спокоен. В личной жизни и быте — умерен и приличен. Не ел много, когда ел — не говорил, когда был в постели — тоже молчал; сидя в колеснице, держался прямо...»

Будучи практиком в жизни, Конфуций является таким же и в своем учении. Все его беседы и наставления носят характер житейской мудрости и не возвышаются над обычными, естественными требованиями житейского обихода. Все его учение заключается в следующих трех правильных отношениях: государя к подданным, отцов к детям, мужей к женам и в точном соблюдении пяти верховных добродетелей или обязанностей: человеколюбия, то есть сострадания ко всем нам подобным без различия, затем правосудия, или воздаяния каждому должного без всякого лицепрятия, повиновении действующим законам и соблюдении установленных обрядов господствующей религии, правдолюбия, то есть неуклонном отвращении от всего ложного, и, наконец, верности и честности всегда и во всем. В этих отношениях и добродетелях Конфуций видел счастье человеческого рода и, обставив их известными церемониями, создал свое учение о нравственности.

Основным принципом этой нравственности является отсутствие увлечений, равновесие в деятельности, сохранение и соблюдение середины во всех поступках; умеренность и сдержанность всегда и во всем и, как результат этого спокойствия, невозмутимость — вот нравственное совершенство, к которому должен стремиться мудрый. Человек во всем должен придерживаться середины: он не должен иметь ни чрезмерной злобы, ни чрезмерной любви, не должен слишком предаваться печали, ни восторгаться от радости, одним словом, в нем должно быть полнейшее отсутствие крайностей и увлечений — в этом заключается основное правило личной нравственности. То же должно соблюдать и в нравственных отношениях к другим людям, то есть стараться избегать причинять другим то, чего себе не желаешь, сохраняя таким образом и здесь гармонию.

Все остальные нравственные добродетели приводят к тому же началу. Справедливость и честность, верность себе и своему слову, искренность как основа мирных и добрых отношений в общественной жизни и средство к устранению недоразумений, послушание и почтительность к старшим, кротость, терпение и, наконец, вежливость ко всем без исключения непосредственно связаны с началом середины или гармонии. Эта сдержанность во всех душевных проявлениях, разумеется, обуславливает некоторую сдержанность и в чувственных наслаждениях.

Учение о середине охватывает весь внешний быт народа, весь образ его жизни, весь государственный строй, а также нравственное и духовное состояние народа. Для того чтобы укоренить это учение в уме народа, Конфуций создал целый кодекс обрядов или так называемых церемоний. Благодаря церемониям человек знает, как ему надо поступать в известное время и при известных обстоятельствах, и ведет себя прилично и с достоинством, избегая разного рода столкновений, ссор и брани. Конфуций говорил, что церемонии показывают связь неба с землей, утверждают порядок между людьми, что они присущи природе человека, а не составляют только искусственную внешнюю сторону его жизни. Он учил, что церемонии основаны на различии вещей по их низшему или высшему достоинству, на замечающемся повсюду разнообразии в природе и что поэтому-то и введены различные постановления, касающиеся одежды, браков, похорон, жертвоприношений, представления ко двору, определены отношения между государем и небом, государем и чиновниками его, отцом и детьми, старшими и младшими, мужем и женой и, наконец, между друзьями.

И действительно, церемонии введены во весь обиход китайской жизни — образование самого себя, домашний и хозяйственный обиход, управление государством и даже, как считается, устройство вселенной не могут обойтись без церемоний. Одним словом, в церемониях заключается все учение Конфуция о морали, весь кодекс его нравственных правил. В них заключается вся нравственная сторона человека — любовь, истина, мудрость, знание, честность, все в них предусмотрено, и все ими обусловлено. Таким образом,

обрядность заступила место религии и совершенно подавила идею о нравственности, основанной на свободном убеждении человека в необходимости добра. Любовь, добро, жертвы и прочее — все рассматривается с практической точки зрения: человек должен любить ближних, творить добро, приносить жертвы потому, что это ему полезно, так как и ему могут воздать тем же.

Конфуций стремился вести людей к истинному счастью, а счастье видел в созданной им морали, которую он приводит к одному основному закону — безграничному повиновению детей родителям, жен мужьям и подданных правительству и соблюдению умеренности или середины во всех чувствах человека.

«Голосистая иволга находит себе убежище на краю утеса и знает, где ей остановиться. Почему же человек, — говорит Конфуций, — не всегда придерживается середины в своих действиях?»

На этом учении о середине основывается и весь строй семейной и политической жизни Китая. Будучи сторонником абсолютной власти государя, Конфуций тем не менее ограничивал последнюю своим учением о середине; по его мнению, «противиться государю можно только при чрезмерных требованиях; довольствующемуся малым легко и повиноваться». Умеренность рекомендуется им и правителям.

Таким образом, в своем учении Конфуций является восстановителем и преобразователем древней морали, но не религиозным реформатором. Он вообще мало говорил о вещах, касающихся религии; он нашел религию уже развитою и не находил нужным или просто избегал говорить о ней, не желая рассуждать о том, что выше действительности и осязаемости. Тем не менее он старательно поддерживал все древние религиозные обряды, хотя на вопросы о значении или сущности их отвечал уклончиво или темно. Например, он старался сохранить в народе почитание духов, представителей отдельных сил и явлений природы, которые, по его словам, будучи очень многочисленны, находятся невидимо в теле каждой твари и, подобно разливающейся воде, носятся над головами справа и слева. Обычай поклонения предкам также признавался Конфуцием, как это мы

знаем из слов, произнесенных им при погребении матери. Вообще, на эти поклонения духам природы и душам умерших Конфуций смотрел как на обычаи, полезные для массы народа с нравственной стороны, и на скептический вопрос одного из учеников относительно значения приносимых в жертву духам овец сказал:

— Вы жалеете овец, а я желал бы сохранить обряд!

Спрошенный в другой раз о том, что значат жертвоприношения предкам вместе с жертвоприношениями небу, он сказал: «Небо — всемирное начало и животворный источник бытия. Предки же наши — источник нашего бытия и последующих поколений. Благодарить небо — первый долг человека, второй долг его быть признательным к своим праотцам. Поклоняясь небу, мы поклоняемся предкам!»

Когда дело доходит до разговоров о смерти и бессмертии, Конфуций уходит от прямого ответа. Раз один из учеников сказал: «Учитель, я хотел бы спросить о смерти и о состоянии после смерти?» Конфуций ему ответил: «Если вы не знаете жизни, то как можете знать о смерти?» Перед смертью он грустит только о бренности и непрочности человеческой славы, о скоротечности жизни, но не высказывает ни одного слова опасения или смущения ввиду неизвестности будущего или о том, что его ждет. Здесь проявился в Конфуции чистокровный китаец — выдающаяся черта характера этого народа есть его поразительное равнодушие к жизни*.

На вопрос о состоянии умерших предков на том свете и о том, как служить духам умерших, Конфуций также отвечал уклончиво: «Если мы не можем хорошо служить живым, то как мы можем служить умершим?» Как нам известно, тем не менее сам он строго исполнял все обряды, чтобы своим примером побудить и других к тому же, имея в виду развить уважение к предкам, а вместе с тем и к завещанным ими правилам жизни. С этой целью он требовал, чтобы к предкам относились так же, как к живым, хотя и не верил в их действительное существование. Когда его спросили, что значит приношение пищи в жертву предкам и раз-

*Архиепископ Хрисанф говорит, что китайцы имеют обыкновение еще при жизни заказывать себе гробы. — *Авт.*

ве могут усопшие употреблять ее, Конфуций отвечал: «Ни в каком случае; но это делается для того, чтобы мы привыкли относиться к предкам с почтением, как бы к живым». Тот же чисто житейский расчет и практический смысл характеризуют ответ, данный Конфуцием на вопрос, знают ли предки о том, что делают их потомки, видят ли они их, слышат ли? «Трудно сказать на это что-либо определенное, — отвечал Конфуций. — Если я скажу, что предки чувствуют почтение, оказываемое им их потомками, что они знают, что делается на земле, то исполненные детской любви сердца живых отдадутся исключительно служению усопшим и будут невнимательны к своей собственной жизни; наоборот, если я скажу, что предки не знают о жизни своих потомков, то ослабеет усердие к почтению их памяти и священный союз живых с усопшими потеряет цену. Продолжайте, не рассуждая, почитать память предков и представлять их свидетелями наших поступков. Это самое лучшее».

Одним словом, Конфуций признавал разного рода религиозные обряды и находил в них смысл только как в средстве дать покой государству, а вместе с этим и благосостояние народу. Выше этого он не поднимался, как истый китаец, не признающий никаких откровений и не верующий ни во что чудесное и сверхъестественное, он смотрел на них с точки зрения практической пользы. Таким образом, Конфуций является практическим философом — моралистом, утилитаристом. Его учение вполне совпало с народным характером и народными воззрениями китайцев, и это-то дало ему ту силу и то влияние, какими оно пользуется в Китае и поныне.

Будда Шакьямуни

Его жизнь и философская деятельность

В подавляющем числе фактов жизнь человечества представляет печальную и грустную картину, конечно, если рассматривать ее таковой, какова она в действительности, не предаваясь обманчивым иллюзиям. Среди узкоэгоистических стремлений, среди беспощадной борьбы за существование совершенно исчезают присущие нравственной стороне человечества стремления к идеалу любви и солидарности между людьми. Но, к счастью для человека, среди этого мрака зла и эгоизма, как спасительные маяки, разливающие свет в ночной темноте, время от времени являются люди, отдающиеся всецело служению человечеству и побеждающие в себе эгоистические стремления. Эти люди так или иначе пытаются направить человека на забытый им путь к правде, воскресить в нем веру в покинутый им идеал любви. Как люди они, конечно, могли ошибаться и попадать на ложный путь в достижении истины, но это не умаляет их заслуг как двигателей развития человеческой мысли и пробудителей человеческой совести. К таким людям принадлежал и Шакьямуни, религиозный реформатор Индии и основатель религиозно-фи-

лософского учения. Предметом предлагаемого биографического очерка и будет описание жизни и деятельности этого мудреца древности. Приступая к описанию его жизни, мы должны сказать, что воспользуемся при этом только строго историческими фактами, отбросив все вымыслы и чудеса, которыми в изобилии снабдила жизнь великого учителя плодovitая и пылкая фантазия его ревностных последователей и которые заставляют сомневаться в существовании Шакьямуни как исторического лица (E. Senart «Essai sur la légende du Bouddha»). Но сомневаться в историческом существовании Шакьямуни нет повода, хотя, конечно, того Шакьямуни, о котором идет речь у буддистов, никогда не могло быть в действительности.

Для уяснения той среды, в которой приходилось жить и действовать Шакьямуни, и во избежание сносок и отступлений при изложении очерка его жизни и учения, мы посылаем по возможности полное, по крайней мере в деталях, касающихся жизни и учения индусского мудреца, изложение социального, политического, морального и религиозного быта Индии до Шакьямуни. Считаем это тем более необходимым, что, как это будет видно, учение Шакьямуни является логическим развитием господствовавших в Индии до него философско-религиозных доктрин.

Введение
Краткий очерк социального
и политического быта Индии
до Шакьямуни. Религия,
мораль и философия Индии
до Шакьямуни

Со времен глубочайшей древности Индия привлекала к себе внимание всех народов. В их воображении эта страна с ее роскошной растительностью и почвой, скрывающей в своих недрах неиссякаемый источник плодородия и неисчислимы сокровища, казалась земным раем, полным таинственных чудес. Еще в эпоху, о которой сохранились в истории одни лишь смутные сведения, сюда проникли арийцы, впоследствии принявшие название индусов (что значит «синий», «смуглый»). И, постепенно покорив черных аборигенов страны, выработали здесь в продолжение тысячелетий свою своеобразную цивилизацию.

Климатические и физические условия Индии сильно влияли на развитие культуры арийцев. Помимо туземцев, арийцам приходилось здесь бороться с могучей природой Индостана, и бороться с неодинаковым успехом — местами одолевал человек природу, местами сам покорялся ей. Величественные горные хребты, громадные реки, непроходимые леса и болота — рассадники губительных болезней, джунгли, подобные лесам, засухи, наводнения, разного рода дикие

кровожадные звери и, наконец, сам климат страны, жаркий и знойный, — все это препятствовало успешной культуре страны. Но в конце концов человек, хотя и с громадной затратой сил, оказался победителем, он выработал свою культуру, довел ее до известной степени совершенства, но на этой степени и остановился, подавленный созданными самим же им религиозными и нравственными воззрениями.

Героическую эпопею этой борьбы арийцев с природой страны и с подобными себе и постепенное покорение шаг за шагом последних первыми можно проследить по древнейшим литературным памятникам, принадлежащим Индии, — Ведам и «Законам Ману». Веды представляют произведения целых веков и поколений. Существенные элементы их принадлежат глубочайшей древности, по крайней мере в своих первоначальных частях. Эти произведения состоят из собрания гимнов, полных живой и детски наивной поэзии, хотя местами и монотонной. По ним легко можно представить себе картину религиозной и социальной жизни арийцев той эпохи, когда они только что оставили свое прежнее отечество и жили по берегам Инда, не распространяясь на восток и юг страны, и когда образ их жизни отличался простотой нравов патриархального быта, еще не знавшего позднейшего разделения на касты и сословия. Этот период истории арийцев называется ведийским.

Кодекс законов, известный под названием «Законов Ману», рисует нам картину следующей эпохи истории арийцев — периода «браминского». Законы Ману по степени важности и значения для религиозной и социальной жизни арийцев занимают первое место после Вед. В них собраны все постановления, определившие и установившие все отношения религиозной, политической и общественной жизни индусов. По этим двум памятникам мы и попытаемся представить картину быта арийцев до Шакьямуни.

Первоначальной единицей арийского общества, как и всех других древних патриархальных обществ, была семья. Семья находилась под абсолютной властью отца, — отец был ее царем, судьей и жрецом, но при всем своем абсолютизме он не был личным владыкой семьи, а только воплощением или представителем ее прав и обязанностей. Доблести

и подвиги каждого отдельного члена семьи распространялись на всю семью, за все его проступки и обязательства отвечала также вся семья.

Семья была неделима и, будучи многочисленной, оставалась тем не менее одним юридическим лицом, а ее имущество — земля и прочее — общим и нераздельным, под управлением отца, обязанности которого после его смерти переходили к сыну.

Развиваясь из семейства, всякое патриархальное общество существовало на принципе кровного родства. Этот принцип, как мы увидим далее, особенно строго применялся у арийцев. В патриархальном обществе все взаимные отношения, права и обязанности были основаны на факте действительного или предполагаемого происхождения от одного общего предка, и, разумеется, если к такому обществу примыкали почему-либо люди чуждого рода, то они не пользовались правами и преимуществами родственных членов, за исключением случаев усыновления. Подобное присоединение чуждого элемента положило начало социальной дифференциации, разделению общества на сословия.

Когда и как случился у арийцев переход от патриархального быта к быту с определенным государственным устройством, трудно точно сказать — уже издавна из среды арийского общества стали выделяться семьи, на которых лежали известные обязанности. Исполнение этих обязанностей переходило от отца к сыну и считалось наследственным, а со временем эта наследственность получила и религиозную санкцию. Вследствие этого арийское общество постепенно разделилось глубокими пропастями на четыре сословия, или касты: касту жрецов, или браминов (чистых), касту воинов, или кшатриев, касту вайшьев, или ремесленников, купцов и земледельцев, и касту шудр. Последняя каста образовалась из покоренных народов и составляла самую многочисленную часть народонаселения Индии; этим народам арийцы в противоположность себе дали название «млечча» — «нечистые» (слово «ариец» означает «благородный»).

Желая сохранить чистоту крови своего племени и опасаясь, что вследствие своей малочисленности они могут быть легко поглощены массой покоренных народов, арийцы стро-

го исполняли законы, касающиеся подразделения на касты. Во всяком обществе, во всяком государстве существовало и существует неравенство между людьми. Везде к естественным неравенствам прибавляли еще искусственные. Повсюду сильные притесняли и притесняют слабых, но нигде это неравенство не имело такого строгого, резкого, систематического характера, как у индусов.

Законы, касающиеся каст, простирали свою строгость до того, что предписывали смотреть на членов низших каст как на существа нечистые — прикосновение их к кшатрию или брамину оскверняло последних и требовало очищения. Особенно строго применялся матримониальный закон, повелевавший брать жену только из своей касты, — брак признавался законным только между членами одной и той же касты. Дети, родившиеся от принадлежавших к различным кастам родителей, считались ниже животных и назывались «чандалами».

По Ману, происхождение каст и их обязанности объясняются следующим образом: брамины были созданы из уст Брамы, верховного существа, кшатрии — из его рук, вайшьи — из лядвей¹, шудры — из ног. Сообразно этому происхождению, обязанности брамина заключались в проповеди священного слова, и его прирожденными нравственными качествами были умеренность, непорочность, терпение, мудрость; обязанности кшатрия заключались в охране общества, и им присвоены были слава, отвага, великодушие и добрая нравственность; обязанности вайшьи — в производстве жизненных продуктов; шудры — в служении трем высшим кастам. Члены трех первых каст назывались «дважды рожденными», потому что при достижении юношеского возраста над ними совершался торжественный обряд принятия и посвящения в касту, что считалось вторым рождением. Посвящение состояло в торжественном возложении священного шнура, отличительного признака высших каст. Этот шнур надевался через левое плечо поперек груди. У шудр подобного шнура не было. Брамины носили шнур хлопчатобумажный, кшатрии — сделанный из волокон конопли, и вайшьи — шерстяной. Таким образом, мы видим, что по законам Ману не только власть и уважение, но даже сами

добродетели распределены между людьми неровно и являются привилегией двух высших каст; мы видим, что самые возвышенные из добродетелей представляют неотъемлемую собственность браминов, самые блестящие из них принадлежат кшатриям. Что же касается низших каст, то они, собственно говоря, не обладают добродетелями, а только обложены повинностями: вайшьи должны обрабатывать землю и ходить за скотом или промышлять, шудры же — исключительно служить высшим кастам. Впрочем, вайшьи имели и более возвышенные обязанности — благотворительность, приношение жертв, чтение священных книг; у шудр же, низведенных на последнюю степень унижения, не было даже и этих обязанностей.

Подобный социальный порядок вначале благоприятствовал развитию жизни арийского общества как в умственном, так и в политическом отношении; культура страны достигла высокой степени развития; но с течением времени тот же порядок парализовал дальнейшее ее развитие — она развилась настолько, насколько допускали пределы, положенные религией. Мы уже упоминали, что социальный строй индусского общества основывался на религии, а так как религия везде рассматривается как нечто постоянное и неизменяемое, то и основания социального быта, построенные на религиозных началах, являлись неизменяемыми. В самом деле, цивилизация индусов, насколько она выражается в успехах умственной жизни народа — в успехах науки, философии и искусства, остановилась на пределе, указанном религией. Сдерживаемые тесными рамками религиозных догматов, наука и философия погрузились в дебри отвлеченных вымыслов, а искусство, не имея простора, необходимого для творческой фантазии художника, нашло себе исход в изображении чудовищных фантастических форм. Оно отличалось мистическим характером — символика преобладала в живописных, скульптурных и архитектурных произведениях. Музыкальное искусство, очень любимое этим кротким и меланхолическим народом, было единственным, пожалуй, избегнувшим влияния религии, чего нельзя сказать о поэзии. Поэзия была очень развита у индусов; в ней преобладали эпические и лирические произведения, отличающиеся

глубоким чувством; многие дорогие человеческому сердцу привязанности, а также человеческая скорбь изображаются в них в высшей степени трогательно. Но и на поэтические произведения религиозное влияние наложило свой глубокий отпечаток.

По свидетельству греческих историков, Индия за шесть-семь веков до Р.Х. представляла следующую картину политического и культурного состояния: в это время в Индии уже было множество богатых и больших городов, принадлежавших более или менее обширным и могущественным государствам с деспотическим правлением или бывших самостоятельными республиками.

Чтобы дать понятие о городах и городской жизни того времени, мы приведем здесь поэтическое описание одного из таких городов: «...три широкие, всегда чисто содержимые улицы, выровненные по шнуру, тянулись во всю его длину. Дома, построенные один возле другого, окружались светлыми дворами, длинными колоннадами и великолепными террасами. Над домами горожан, подобно горным вершинам, возвышались купола дворцов. В разных местах города виднелись площади, парки с прудами и прекрасные сады. Высокие насыпи и глубокие рвы окружали его отовсюду. В его стенах, обложенных разноцветными камнями, наподобие шахматной доски, сделаны были крепкие ворота с прочными запорами. На гребне стен стояли лучники на страже “у смертоносного оружия”. Улицы города были полны движения: по ним постоянно ходили и ездили множество чужеземцев, послы иностранных государств, купцы со слонами, лошадьми и повозками. Из домов неслись звуки тамбуринов, флейт и стройного пения; воздух был напоен курящимися благовониями, запахом цветов и жертвенных приношений. По вечерам сады и парки наполнялись толпами гуляющих, а на портиках собирались молодые люди и девушки для веселых танцев».

Из государств того времени наиболее значительными были Кошала (современный Ауд²), занимавшая плодородные поля по берегам реки Сараджаны, и Магадха, нынешний Бихар. Цари Кошалы имели свое пребывание то в древней

столице Аджадхии, то в новой — Шравастии. В конце шестого века в Кошале правил царь Прасенаджати.

В Магадхе столицей был город Раджагриха (царский дом). Он был расположен к югу от современного города Патна; развалины Раджагрихи до сего времени служат местом паломничества буддистских пилигримов. Магадха была самым могущественным и обширным владением того времени; она простиралась от Бенгальского залива и Брахмапутры до Бенареса. На юге ее границей были Виндийские горы, а с севера Гималаи. В Магадхе при Шакьямуни царствовал Бимбисара, вступивший на престол в 603 году до Р.Х.

Из менее важных государств назовем царство Каши, лежавшее около нынешнего Бенареса, тогда называвшегося Варанаси, страну Малласов с городом Кушинагара и город Вайшали, торговую республику.

Исторические памятники той эпохи рисуют блестящими и роскошными красками картину жизни привилегированных классов — царей, вельмож, браминов, кшатриев.

Золотая и серебряная домашняя утварь, великолепные шелковые одеяния, вытканые золотыми нитями, оружие, отделанное драгоценными камнями, составляли неизбежную принадлежность той жизни. Роскошные дворцы царей и вельмож утопали в тенистых садах, в которых свежесть поддерживалась множеством прудов, покрытых бесчисленными лотосами — священными растениями, символом производительных сил природы. Эти лотосы поражали своей красотой зрение и наполняли воздух благоуханиями. Вне города цари и вельможи имели обширные парки, куда они выезжали великолепными кортежами на лошадях или слонах, и здесь, в тиши и удалении от городского шума, в тени магнолий и пальм, наслаждались весельем и отдыхом от забот правления. Гаремы царей и вельмож были многочисленны: кроме двух или трех главных жен, у них обыкновенно было множество наложниц, и рождавшиеся дети часто отдавались на попечение разом нескольких кормилиц. Бесчисленное множество разного рода служащих — медиков, астрологов, танцовщиц, музыкантов, фокусников и других находилось при дворах царей и вельмож.

Благодаря этой роскоши жизни привилегированных классов промышленность и торговля сильно развились. По стране беспрестанно двигались торговые караваны; по ее дорогам постоянно тянулись целые вереницы нагруженных товарами верблюдов, слонов, быков, ослов и даже людей. Наиболее распространенными товарами были разного рода предметы роскоши — шелковые ткани, сандаловое дерево, драгоценные камни, духи и проч. Торговцы из жадности барыша часто решались даже пускаться в открытое море, например посещали остров Цейлон, и между купцами встречались обладавшие несметными сокровищами. Торговыми операциями занимались преимущественно вайшьи — это была, как мы знаем, их прямая обязанность по закону Ману, но тот же Ману разрешил заниматься торговлей и браминам, чем последние пользовались, являясь опасными конкурентами вайшьям ввиду того, что брамины не обязаны были платить какие-либо подати или повинности. Но все предметы роскоши, циркулировавшие в торговле и промышленности, потреблялись только высшими классами; на остальной массе лежала исключительно обязанность доставлять средства высшим классам для приобретения этих предметов роскоши, и в то время как высшие касты в роскоши блестящей внешней жизни находили хотя бы временное утешение и забвение от давивших все индусское общество религиозных воззрений, народная масса находилась в самом жалком положении поголовного рабства, подавляемая двойным игом: государственным и религиозным. Тем не менее народ с кротостью переносил свою плачевную судьбу и строго выполнял все то, что требовали от него нравственные правила и религия, к изложению сущности которых мы сейчас и перейдем.

Религия индусов представляла собой идеалистический пантеизм и отличалась крайним мистицизмом. Идеализм, созерцательность и фантазия были издавна свойственны нравственному и умственному складу арийского племени. Арийцев не удовлетворяла грубая и прозаическая действительность окружающей их жизни, «они стремились к иному идеальному миру», и их пылкая, проникнутая глубокой поэзией фантазия населила весь мир богами и обоготворенными героями. Агни — бог огня; Индра — царь неба — воинствен-

ный и грозный бог, вокруг которого группируются Маруты, не менее грозные боги молнии и урагана, сыновья бога Рудры, покровителя; Вишну, Брахамати и многие другие боги составляли пантеон арийских божеств в период воинственной жизни арийского племени, когда оно нуждалось в защите грозных и воинственных богов. Кроме обоготворения природы и ее сил, в религиозный культ арийцев входило верование в переселение душ и поклонение душам умерших предков. Верование в переселение душ принадлежит почти всем древним религиям. Человеку трудно было примириться с мыслью, что жизнь его есть нечто временное, проявляющееся в вечности лишь на мгновение и затем исчезающее навсегда, и он создал это верование. Он верил, что жизнь, этот величайший дар природы, вечна, что она, исчезнув со смертью человека, переходит в тела других одушевленных существ и после целого ряда переселений опять воплощается в человеческом существе. Он думал, что страдания и горести настоящей жизни есть следствие несовершенства жизни предыдущей и что благодаря заслугам он может возродиться для более счастливой жизни.

Таковы были религиозные воззрения арийцев в патриархальную и воинственную эпоху их жизни.

Но период завоеваний миновал, наступило время мирной, земледельческой жизни и прочного государственного строя. Благодаря кастовому порядку высшие классы имели возможность отдавать духовной жизни больше времени, чем в предшествовавшую эпоху, и фантазию арийцев перестали привлекать грандиозные мифологические образы. Они пошли далее в развитии пантеизма, и он стал первым и последним словом всей религии индусов. Они стали представлять божество как вселенную в ее целом, как общую совокупность явлений природы, стремились отыскать божество в понятии о бесконечном. Отличаясь страстной и пылкой фантазией, к которой впоследствии присоединилось горькое разочарование в земной жизни, арийцы стали искать в жизни только то, что считали в ней непреходящим, неизменным, стали представлять ее только призраком бытия и прониклись мыслью о ничтожестве человеческой жизни.

Выразителями и истолкователями этих пессимистических взглядов на жизнь были брамины.

По их учению, истинное, действительное бытие заключалось только в единой всеобщей сущности, в мировой душе, бесконечной и неизменной, Брахме; в нем был центр и источник бытия; вне Брахмы были только иллюзия, обман, заблуждение, и всякое отдельное существование было лишено всякого самостоятельного значения. От этой мировой души все происходит, и к нему все возвращается. Душа человека тождественна мировой душе и является частицей этой души, ее изливанием, и главным желанием человеческой души должно быть стремление возвратиться к своему первоначальному путем нравственного усовершенствования; в противном случае душа никогда не освободится от переселений из одной телесной оболочки в другую.

По учению браминов, Брахма заключал в себе три начала — начало творческое, начало сохранения и начало разрушения — Брахму, Вишну и Шиву. Эта тройственность в браминской теологии известна под именем «Тримурти». Все в мире совершалось по законам, установленным Брахмой или, скорее, Тримурти, но время от времени порядок нарушался, и тогда для восстановления гармонии божество воплощалось и сходило на землю под именем Кришны. Воплощения эти имели различные причины: иногда они совершались для того, чтобы исправить расстройство в видимой материальной природе, иногда — чтобы направить жизнь человеческую к ее целям или же искоренить зло, воцарившееся среди человечества.

Доктрина браминов всецело царил над умами арийцев, и все их усилия устремлялись к достижению нравственного и религиозного идеала — соединению с Брахмой. Путями к соединению с Брахмой, по учению браминов, служили или подвиг — умерщвление плоти физическими истязаниями, или созерцание, то есть стремление путем разного рода мистических обрядов прийти к растворению души в сущности Брахмы. Впрочем, надо заметить, что то и другое было только достоянием касты браминов, потому что они только могли надеяться на соединение с мировой душой, члены остальных каст могли рассчитывать только на возрожде-

ние в браминской касте или же в одной из высших, и на них лежала только обязанность исполнять предписания, данные браминами.

Заметим здесь, что вышеупомянутые религиозные воззрения принадлежали преимущественно двум высшим кастам; простой народ менее ревностно относился к этому культу. Метафизические воззрения браминов были ему чужды, и он продолжал придерживаться древнего культа обожания природы; занятый непосильным трудом, он не имел времени вникать в отвлеченные тонкости браминской теологии, и в то же время, находясь в постоянном общении с природой и чувствуя на каждом шагу ее влияние и могущество, он из среды древних богов выбрал тех, которые наиболее отвечали его желаниям и потребностям.

Народ, как было сказано, уже пережил воинственный период своей истории и перешел к мирному возделыванию полей — и он забыл воинственного Индру и стал призывать Вишну, бога земли и света, приход которого регулировал времена года и который совместно с другим богом, Гора, считался покровителем земледелия. Но верование в переселение душ проникло глубже в сознание народа, и вследствие этого он, подобно высшим кастам, безропотно покорялся предписаниям браминского ритуала, хотя значение этого ритуала было для него темным. Он с кротостью совершал тяжелые покаяния, приносил бесчисленные жертвы (необходимых жертвоприношений, по Ману, было пять разрядов; совершение этих жертвоприношений считалось обязательным для каждого, и притом каждое утро и вечер), одним словом, исполнял все предписания браминов в надежде улучшить свое будущее бытие, возродиться при лучших условиях в будущей жизни. Предписания же браминов доходили до мелочей и касались не только духовной, но и физической жизни арийца, например, ими было предусмотрено, какая пища, одежда и даже постель и способ приготовления этой постели должны соблюдаться в той или другой касте.

При малейшем нарушении этих предписаний каждый рисковал возродиться в низшей касте и при самых тяжких условиях новой жизни, и подобная оплошность могла быть искуплена только путем строгих и жестоких покаяний.

Разумеется, эта бесконечная неутешительная перспектива беспрестанных возродений при тех же самых плачевных условиях страшила народ и лежала на нем, и без того уже задыхающемся под давлением системы каст, тяжелым бременем, и народ постепенно слабел, и стремление к покою, общее племенам жаркого пояса, выразилось в нем особенно сильно и подавляло в нем все остальные чувства. Этот народ, противно всем законам человеческой природы, инстинктивно боящейся, как злейшего врага, смерти, страстно жаждал ее, его пугала возможность «прожить еще сто долгих зим» и приводила в отчаяние необходимость и неизбежность перерождений, а стало быть, новой жизни, новых страданий, новых мучений. Идеалом народа сделалось стремление покинуть этот мир, который был, по его мнению, бездной, преисполненной зла и страданий.

Подобное мировоззрение кажется, пожалуй, еще более странным, когда мы узнаем правила нравственности, приводимые в законах Ману. Эти правила также тесно связаны с религией и считались откровением божества. Они отличаются в некоторых случаях кротким и снисходительным характером. Из них первое место занимают любовь и уважение ко всем живым существам, что было следствием верования в переселения душ. Законами Ману счастье обещается тому, кто щадит жизнь животных, причем браминам предписано пользоваться такими средствами пропитания, которые не соединены с вредом для одушевленных существ или которые причиняют им как можно менее зла. Эта заботливость доходит до того, что браминам запрещено даже раздавливать без всякой причины глыбы земли и срывать травы. Тем более следует воздерживаться от причинения людям зла. «Никогда не следует показывать дурного расположения духа, если бы мы даже были обижены, ни стараться вредить другим, ни даже помышлять об этом; не должно произносить ни одного слова, которое могло бы кого-нибудь оскорбить». «Тот, кто кроток, терпелив, чужд общества злых, получит доступ на небо за свою любовь к ближнему». «Кто прощает брань огорченным людям, почтен на небе. Кто мыслит о мщении, тот потерпит наказание». Вот некоторые черты морали браминов, приводимые в Ману. В других рекомен-

дуются сострадание к несчастью и уважение слабости. «Дети, старцы, бедные и больные, — говорит Ману, — должны считаться властелинами земли». Женщине, как существу слабому, также должно быть оказываемо уважение. «Везде, где женщины пользуются уважением, там общество удовлетворено»; в противном случае все благочестивые дела напрасны. Но надо заметить, что Ману же дает относительно женщины и другие постановления, вызванные сознанием слабых характеристик женщины. «Женщина никогда не должна вести себя, как ей хочется». «Женщина никогда не должна исполнять своего желания, даже в своем доме». Наконец, женщина называется не чем иным, как только собственностью мужа, и притом это право выражено в очень грубой форме: женщина уподобляется полю, а засев и урожай принадлежат владельцу поля. По Ману же мы можем представить себе и семейные отношения индусов.

«Муж составляет одно лицо со своей женой». «В каждой семье, в которой муж нравится жене, а жена мужу, счастье упрочено навсегда». Союз девушки с юношей, основанный на обоюдном согласии, называется браком небесной гармонии. Жене предписывается любить и уважать своего мужа и по смерти его не произносить даже имени другого мужчины, и за это ей обещается полное блаженство в будущей жизни. Вот взгляд арийцев на отца и мать: «Отец изображает собой творца вселенной, мать изображает землю». «Отец, — говорится в другом месте, — достойнее ста наставников, мать достойнее тысячи отцов; для того, кто не уважает их, всякое благочестивое дело не имеет никакого значения. Вот в чем заключается главная обязанность, всякая другая является уже второстепенной».

Мы привели несколько черт нравственности, касающихся всех классов народа. Посмотрим теперь, какова была нравственность двух высших каст. Мы знаем, что законы Ману приписывали браминам самые высшие нравственные качества и между прочим рекомендовали им избегать всяких мирских почестей и находить уничижение столь же приятным, как амброзия, но это притворное смирение скоро заменилось самой наглой надменностью. Рождение брамина стало считаться священным событием — это воплоще-

ние справедливости; он — самодержавный властелин всех существ; все, что находится в мире, все составляет его ответственность, он имеет право на все существующее. Остальные люди пользуются земными благами только благодаря великодушию брамина. Наконец, брамин, будь он учен, или неучен, есть могущественное божество. Но брамины сами по себе не были в состоянии защищать свои преимущества, поэтому они освятили религией и сделали священными преимущества касты воинов и взамен этого требовали от последней себе поддержки. Но, принимая защиту воина, брамин все-таки не признавал его себе равным. Вот как говорит об этом Ману: «Брамин десяти лет, а кшатрий ста лет считаются один — отцом, а другой — сыном, и из них брамин есть отец, и к нему должно питать сыновнее уважение».

Итак, брамины неограниченно господствовали над народом; но, несмотря на это, правление в Индии было не теократическое, а монархическое, хотя власть царей и ограничивалась влиянием тех же браминов. Индусы смотрели на царя, как на божество в образе человека. По их верованиям, верховное существо создало царя из частиц богов Индры, Анилы, Сурии, Ямы, Агни и других божеств, и вследствие этого царь как существо, созданное из сущности главнейших богов, превосходит остальных смертных. О монархе нельзя отзываться презрительно, хотя бы даже он был ребенком, и говорить о нем: «Ведь это простой смертный». Но и божественное происхождение не освобождало царей от почитания браминов. Царь обязан был свидетельствовать им свое почтение, как только встанет ото сна, должен был сообщать им обо всех своих делах, доставлять им пропитание и отдавать часть от всех приношений. Если царю доставалось какое-нибудь сокровище, то половина его принадлежала браминам, если же браминам — то они имели право оставить себе все. Собственность браминов в случае смерти и неимения наследников переходила к браминам, но ни в каком случае не к царю, точно так же за неимением наследников у кого-либо из лиц других каст наследство поступало в пользу браминов. Имущество браминов было священно, царь не мог его касаться, даже в величайшей нужде он не должен брать подати с брамина.

Все эти правила сопровождаются самыми страшными угрозами тем, кто отважится притеснять людей, «способных в своем гневе образовать другой мир и другие страны мира и превратить богов в смертных». Таким образом, цари были в руках браминов, и их власть касалась только двух низших каст, лишенных всякой свободы и всякого влияния. Царь должен был принуждать их исполнять свои обязанности, потому что если бы они хоть на минуту уклонились от исполнения этих обязанностей, то были бы виной разрушения мира. Низшие касты должны были беспрекословно исполнять свои обязанности, потому что творец отдал весь род человеческий под защиту браминов и кшатриев. Вайшье, например, ни в каком случае не должна приходиться в голову мысль: «Не хочу ходить за скотом». Это была его обязанность, и он должен был исполнять ее. Шудра же даже не имел права владеть собственностью: он был раб, а так как раб не имеет никакой собственности, то у него нет ничего, чем бы господин его не мог завладеть.

Понятно, что при такой социальной системе, основанной на деспотизме и рабстве, на всех ступенях общественного строя охранительным началом служило наказание, и действительно наказание прославляется и превозносится наравне с божеством. «Наказание есть могучий властелин, оно искусный правитель, мудрый применитель законов, в нем лучшее ручательство в исполнении четырьмя кастами их обязанностей. Наказание управляет человеческим родом и покровительствует ему; оно бодрствует в то время, когда все спит, наказание есть сама справедливость». «Наложное осмотрительно и кстати, оно доставляет людям счастье, но примененное неосторожно, совершенно его парализует». «Если бы наказание не исполняло своей обязанности — мир пришел бы в смятение, все преграды (между кастами) были бы низвергнуты». И древнее законодательство не скупится на самые страшные и строгие меры наказания — смертная казнь, лишение какого-либо члена тела, изгнание, конфискация имущества играют между ними преобладающую роль.

Как мы видим, в основных чертах морали браминов смешиваются самым странным образом ужаснейший деспо-

тизм и порабощение низших каст с трогательными началами учения, страшнейшие угрозы с правилами, твердящими о сострадании.

Преобладающей идеей в учении браминов была, как мы знаем, идея о ничтожестве земной жизни и о соединении с вечным — Брахмой. Подобное мировоззрение создало среди браминов характерное явление — отшельничество. Оно было очень развито в Индии и пользовалось большим сочувствием со стороны всего общества, потому что идеи страданий и освобождения от них были общи всем классам арийского общества. Сначала одни только брамины, а со временем люди других каст, всецело отдавшиеся идее желанного освобождения от влияния на душу всего чувственного, разрывали связи с миром и удалялись в уединение, где подвигами суровой жизни стремились заблаговременно приготовить себе блаженство в будущей жизни. Нередко сами цари на склоне лет оставляли свое завидное положение и в тиши лесов предавались благочестивым размышлениям. Отшельники были священны в глазах народа, и он охотно доставлял им пропитание. Цари и вельможи также покровительствовали им и осыпали щедрыми подаяниями.

Конечно, при таких благоприятных условиях число отшельников быстро увеличилось во всей Индии. Они разделились на несколько групп: одни, произвольные труженики, налагавшие на себя всевозможные более или менее тяжелые истязания, — например, они сидели продолжительное время между четырьмя пылающими кострами или с постоянно воздетыми к небу руками, спали на горячем пепле или на утыканной гвоздями доске, выдерживали долгий и строгий пост и т. д.; другие — созерцатели, искавшие покоя в бездействии духа и тела; третьи — соединявшие и мученические истязания и созерцание; четвертые — скитальцы, бродившие по деревням и эксплуатировавшие суеверие народа разного рода гаданиями и фокусами.

Главный приют отшельников был в Магадхе. Отшельники жили в ущельях и пещерах горы Гридракута, находившейся в окрестностях города Радушагрихи, в лесах, простиравшихся на юг и юго-восток от Радушагрихи до города Гаи, развалины которого известны под именем Будда-Гаи,

и по берегам реки Ниранотжиры; в лесах обитали преимущественно пустынноики-созерцатели. Образ жизни отшельников был различен — некоторые из них придерживались полного уединения и тщательно избегали всякого сближения с остальным миром, иные старались держаться вблизи друг друга и время от времени собирались для бесед; третьи жили общинами по строго установленным правилам.

Как было сказано, отшельничество явилось результатом мрачных воззрений на жизнь человека, проповедуемых браминами, и в свою очередь послужило началом действий, направленных против основных догматов учения браминов. Среди отшельников некоторые, обладавшие выдающимся и критическим умом, не удовлетворялись началами браминской теологии, философии и морали; постепенно они вырабатывали свои новые философско-религиозные доктрины. Конечная цель этих новых школ была той же, что и у браминов, то есть стремление к счастью в этой и загробной жизни, приучение души относиться бесстрастно к явлениям жизни и таким образом освободить душу от переселений. Но они расходились с браминами в средствах достижения этой цели.

Из этих новых философских школ, сбросивших с себя схоластические пути брахманизма и отвергнувших его мертвящую ум и сердце обрядность, мы укажем только на философию Санкхьи, основателями которой были Капила и Патанджали, потому что их философия имеет некоторые сходные черты с учением Шакьямуни. Философия Санкхьи являлась рационалистической реакцией на чрезмерные требования браминов, она нападала на учение браминов о Тримурти, не признавала значения жертвоприношений и внешней обрядности, критически относилась к теологии и авторитету Вед, доходила даже до отрицания существования богов, которым адресовались жертвы, и сильно подорвала значение браминской касты учением, что каждый человек, к какой бы касте он ни принадлежал, может освободить свою душу от переселений.

По учению Капила и Патанджали, душа существовала сама по себе, она была отлична от природы, явления мира не производились ею и не касались ее, они были делом верховного существа, душа же являлась только орудием его. Что-

бы освободиться от переселения, душа должна постигнуть эту истину, и тогда она может относиться к явлениям жизни совершенно равнодушно, и хотя волнения мира не могут не восприниматься чувством, сознанием, разумом, но в душе, постигшей истинное познание, все эти волнения отражаются как образ в кристальной воде, нисколько не волнуя ее. По смерти тела душа, сознавшая свое отличие от природы, освобождается от всех вещественных уз как чуждого ей начала и не возвратится в циклический круг переселений, но перейдет в первобытное состояние чистого духа.

В своем развитии эта философия впадает в крайне экзальтированный мистицизм, и в этом отношении ее можно сравнить с философией мистиков всех времен и сект. Как видим, она учила, что душа может достичь освобождения только познанием, но не внешним, приобретаемым путем наблюдения, а внутренним познанием самого себя, самосозерцанием.

Мы знаем, что созерцание входило и в учение браминов как путь к духовному соединению с Брахмой, но к созерцанию они присоединили еще умерщвление плоти: чтобы достичь полного бесстрастия ко всему внешнему, видимому, они учили: «Кто, подобно слепому, видя, не видит, подобно глухому, слыша, не слышит, подобно дереву бесчувствен и неподвижен, о том знай, что он достиг покоя». Но философия Санкхьи не признавала умерщвления плоти и стремилась достичь бесстрастия путем созерцания. Средствами для этого служило продолжительное задерживание дыхания, известное положение тела, сосредоточенное на самом себе созерцание, исключительное обращение мысли на один какой-нибудь предмет. При таком сосредоточенном положении наступает глубокий покой чувств, и созерцатель испытывает целый ряд мистических ощущений.

На первой ступени этого мистического созерцания аскет освобождался от всех земных желаний и весь отдавался одной мысли о слиянии с верховным существом — им постепенно овладевало сладкое чувство блаженства, разливавшееся по всему его существу. Затем, вследствие сосредоточенности на одной мысли и совершенного покоя, аскет начинал терять способность различать и рассуждать, он ни о чем уже

не мог мыслить, кроме верховного существа. Далее он переходил в состояние полного безразличия даже по отношению к испытываемому им блаженству — в нем оставалось только неопределенное чувство физического блаженства. Наконец исчезает и это чувство физического удовольствия, исчезает вместе с тем всякое чувство скорби и радости и наступает глубокое самосозерцание — аскет теряет память и делается свободным от всякого страдания, от всякого чувства удовольствия и неудовольствия, — он впадает в состояние бесстрастия. При этом глубоком покое чувств душа наполняется светом, и в ней возбуждается чудодейственная сила вибути (ясновидения) и вместе с тем способность к единению с всемирным духом (йоги). От слова «единение» (йога) последователи доктрины Санкхьи называются «йогами».

Как читатель может видеть, психическое состояние индусских аскетов связано с гипнозом или сомнамбулизмом. Как известно, на сеансах гипноза экспериментатор повергает испытуемую личность в глубокий сон, заставляя ее устремлять все внимание на какой-либо предмет. Вследствие этого испытуемым субъектом овладевает психическое состояние, характеризующееся отсутствием личной воли: гипнотизер может подчинить своей воле испытуемое лицо и делать ему какие угодно внушения, и оно против желания исполняет их тотчас же или же спустя некоторое время после сеанса уже в бодрствующем состоянии. Подобным же образом поступали и поступают и индусские аскеты, только с тем различием, что они соединяют в одном лице и гипнотизера и объект опыта, — сосредоточением мысли на одном предмете они усыпляют себя и, совершенно отдавшись созерцанию своих идей, приходят в состояние экстаза. В этом психическом состоянии аскетов значительную роль играют роль чисто патологические явления: следствия физического утомления от строгой отшельнической жизни, чрезвычайное душевное возбуждение, отзывавшееся на их нервной системе и вызывавшее в них галлюцинации слуха и зрения, неистощимую пищу которым доставляла их богатая фантазия. Такова сущность учения философской школы Санкхьи. К этой школе принадлежала при Шакьямуни философия Ниргранта.

Кроме этих школ, были школы философии Ньяйя Гаутамы и продолжателя его Канады, эпикурейская школа локаята³ и другие.

В начале пятого века до Р.Х. в Индии появилась новая философско-теологическая доктрина, выделившаяся из браминизма: это доктрина Сиддхартхи Гаутамы, известного более под именем Шакьямуни (что значит «мудрец из рода Шакьев») или Будды — наименование, данное ему впоследствии восторженными последователями и означающее человека, превосходящего всех остальных людей своими умственными, нравственными и даже физическими качествами. Таких будд до будды Гаутамы насчитывается у буддистов до 94, и все они являются не чем иным, как заимствованным из верований браминов воплощением Брахмы под видом Кришны.

Глава I Жизнь Шакьямуни до открытия им основ учения

Место рождения Шакьямуни, его генеалогия, рождение, детство, воспитание. — Вступление в брак. — Нравственный кризис. — Причины его, по буддийским и историческим данным. — Шакьямуни-отшельник. — Его жизнь в отшельничестве. — Открытие им основных истин учения

На северо-западе от царства Кошала, между непальскими предгорьями Гималаев и средним течением реки Рапти, на восточном берегу незначительной речки Рохини, притока Рапти, находилось небольшое царство Капилавасту с главным городом того же имени. Оно лежало на плодородной равнине, орошаемой бесчисленными речками и потоками, стекавшими с вершин Гималаев.

Этим незначительным царством владел род Шакьев, еще в древние времена эмигрировавший сюда с дельты Инда.

Цари Шакьев, гордость которых вошла в поговорку, вели свою генеалогию от царя Икшвакулы, сына законодателя Ману, и в числе своих предков насчитывали даже одного святого мудреца по имени Готама. От него они приняли свое фамильное прозвание Гаутама (Гаутама значит «происходящий от Готамы, готамид»).

Страна Шакьев, управляемая мудрыми и справедливыми царями, достигла очень высокой степени благосостояния и процветания. Главное ее богатство составлял рис,

в изобилии произрастающий на плодородных полях страны с ее богатым естественным орошением.

В стране среди великолепных бальзаминовых лесов всюду пестрели желтые поля риса. Многочисленные селения лежали среди этих полей, скрываясь в темной зелени магнолий и тамаринд. Бесчисленные торговые пути пересекали это царство и благодаря постоянному приливу караванов еще более увеличивали ее благосостояние и богатство.

Во второй половине шестого века до Р.Х. в этом благословенном уголке земного шара правил славившийся своей справедливостью царь Шуддходана. «Царь закона, он управлял по закону. В стране Шакьев не было ни одного царя, более почитаемого и уважаемого всеми классами его подданных», — говорят про него летописи.

Первая, главная жена Шуддходаны обладала необыкновенной физической красотой и выдающимися нравственными и умственными качествами. За красоту ее прозвали Майя, что значит «призрак», «иллюзия».

В 623 году до Р.Х.* у Майи родился сын, ребенку дали имя Сирватасиддхартха, сокращенно Сиддхартха, что значит «совершенный во всех вещах».

При его рождении, разумеется сопровождавшемся различного рода чудесами, на изобретение которых не поскупилась фантазия буддистов, один отшельник по имени Асита предсказал, что новорожденному предстоит в будущем высокая судьба быть властелином всего мира, если он избрет светскую жизнь, или «совершенным, великим» Буддой, если он отречется от мира. Предсказание это Асита сделал на основании найденных им на теле новорожденного 32 главных знаков и 80 второстепенных, характеризующих, по народным воззрениям, великого человека.

Предсказание Аситы произвело сильное впечатление на родителей Сиддхартхи и послужило источником тревог и беспокойства для честолюбивой души Шуддходаны.

*Надо заметить, что летописи буддистов противоречат одна другой в вопросе о времени рождения и смерти их учителя и цифры годов возрастают по мере возрастания благоговения к его памяти. Исторически верный год рождения Шакьямуни — это 623-й. — *Авт.*

Мать Сиддхартхи умерла через семь дней после рождения сына.

О детстве Сиддхартхи сохранились сказочные сведения. Как сообщает одна древняя летопись, детские годы мальчика прошли среди приволья родных полей, где он часто отдавался ранним размышлениям под тенью душистого дерева джамбу, и, конечно, в то время он был окружен той невероятной роскошью, о которой теперь трудно себе составить и понятие. В другой летописи говорится, что мальчик отличался кротким, добрым и задумчивым характером и унаследовал от матери ее физическую красоту.

Когда минул детский возраст, молодого царевича стали обучать различным искусствам и наукам; он быстро усваивал все, чему его учили, и вообще обнаружил блестящие способности как к умственным, так и физическим упражнениям. Отец отделил ему часть своих владений, окружил его блистательным двором и построил для него три великолепных дворца, по числу трех сезонов климатического года Индии — летнего, зимнего и осеннего. Сиддхартха жил в этих дворцах в обществе своих сверстников, сыновей знатнейших фамилий страны.

Когда Сиддхартхе шел шестнадцатый год, отец решил женить его и выбрал ему в супруги дочь удельного шакийского князя Сопрабудды, красавицу Ясодхиру.

Но прежде чем сделаться супругом прекрасной Ясодхиры, царевич должен был по древнему арийскому обычаю выдержать состязание на турнире со всеми претендентами на руку Ясодхиры.

Состязание это обыкновенно состояло в стрельбе из лука, в плавании, верховой езде и других гимнастических упражнениях, требующих ловкости и силы.

Царевич вышел победителем из этого состязания.

Кроме Ясодхиры, у Сиддхартхи впоследствии были еще две жены и несколько наложниц из бывших при его дворе девушек, танцовщиц и музыкантш. Вторую жену его звали Гопа, и, по преданиям, она принадлежала не к касте кшатриев, как того требовал закон, а к касте шудр — отец ее был брадобреем.

При выборе второй жены Сиддхартха просил, чтобы ему нашли невесту, отличающуюся умственными и нравствен-

ными качествами, не обращая внимания на ее происхождение. Черта очень характерная и вполне допустимая в будущем отрицателе кастовых предрассудков.

Окруженный любящими женами и преданными придворными, Сиддхартха прожил в своих роскошных дворцах, предаваясь всевозможным удовольствиям и наслаждениям, до 29-летнего возраста.

На 29-м году жизни в царевиче произошел резкий нравственный перелом, в силу которого он решил оставить прежний образ жизни и отдаться новому.

Когда произошел в нем этот нравственный кризис и какие причины побудили его принять это решение, достоверно решить нельзя. Буддийские легенды объясняют это решение так: царь Шуддходана, боясь, чтобы царевич действительно не сделался отшельником, как предсказал ему Асита, старался держать сына вдали от всего, что могло бы внушить ему мысль о несчастиях и бедствиях, наполняющих этот мир, и царевич до 29 лет прожил в полнейшем неведении о зле и печали, о смерти и страданиях, и даже о старости и болезнях. Но вот, прогуливаясь однажды в сопровождении своего верного возничего Чанны в садах, окружавших его дворцы, он случайно встретил согбенного бременем лет старика, худого, с выступающими наружу жилами, с выпавшими зубами, все члены старика дрожали, и от слабости он едва мог говорить.

Пораженный никогда не виданным до сих пор зрелищем, Сиддхартха с удивлением спросил Чанну, что это за странное существо. Чанна ответил ему, что это старик... «Что же, он и родился в таком виде и такое состояние есть принадлежность его рода?» — продолжал спрашивать царевич. «Нет, — отвечал Чанна, — когда-то и он был так же юн и цветущ, как и ты!» Царевич, все более и более удивляясь, продолжал задавать вопросы возничему. «Существуют ли еще подобные люди и каким образом они доходят до такого жалкого положения?» — говорил он. Чанна отвечал, что таких людей очень много и что уж таков порядок вещей, что люди стареют и дряхлеют, если не умирают молодыми. «Так же и я, Чанна?» — спросил в заключение царевич. «И ты, господин», — ответил ему возничий.

Эта встреча произвела на Сиддхартху сильное впечатление — вся красота окружающей его природы потеряла для него всякое значение, и, погруженный в глубокое и печальное размышление, он возвратился домой. Не успело заглухнуть в душе Сиддхартхи впечатление первой встречи, как вторая, случившаяся также во время прогулки, еще более открыла глаза царевичу на так тщательно скрываемую от него мрачную сторону человеческой жизни. Он увидел человека, больного проказой, все тело несчастного было покрыто язвами и ранами, а в скором времени после этой встречи он увидел похоронное шествие. Когда ему объяснили значение и этих непонятных для него явлений болезни и смерти и сказали ему, что болезнь и смерть есть удел каждого человека и не щадят никого, он воскликнул: «О горе, к чему же служат царский блеск, роскошь и удовольствия, если они не могут предохранить человека ни от старости, ни от болезни, ни от смерти?! Как несчастны люди! Неужели нет никакого средства прекратить навсегда страдание и смерть?!»

Одним словом, эти три случая открыли глаза царевичу и произвели на него глубокое впечатление. Он увидел, что в этом лучшем из миров не все так прекрасно, как ему казалось до сих пор. Он убедился в ничтожестве удовольствий молодости и утех жизни, обманчивых и скоропреходящих, он увидел суетность всех забав и наслаждений, которым он так страстно предавался, и покинул их. Он стал размышлять о зле, наполняющем мир, о несчастной судьбе человека, подверженного болезням, старости и смерти. Все его помыслы были устремлены к решению вопроса, как избавить мир от зла, и наконец четвертый случай — встреча с покинувшим все земные блага отшельником, поразившим его достоинством, сосредоточенным спокойствием своего вида, — указал ему путь, по которому, как он думал, всего легче возможно было достичь решения мучивших его вопросов.

Он решил покинуть свои дворцы, жен, сына, только что родившегося у него, и удалиться в уединение, чтобы там обдумать причины зла, смущающего людей, и найти средство если не уничтожить это зло, то, по крайней мере, смягчить его.

Это решение, разрушая честолюбивые замыслы и надежды, возлагаемые Шуддходаной на своего наследника, не могло понравиться ни царю, ни всему гордому роду Шакьев, которые относились к отшельникам с крайним пренебрежением и презрением и нисколько не уважали их. «Нельзя и требовать этого уважения, — говорил впоследствии Шакьямуни, — от потомков Кшатрия, благородного и высокого рода».

Царь всеми доступными ему средствами пытался отклонить Сиддхартху от принятого им решения. Он окружил его еще большим великолепием, приказал развлекать его танцами, пением, играми, надеясь, что эти средства отвлекут царевича от гнетущих его мозг мыслей и он забудет о них.

Но, несмотря ни на что, царевич остался непреклонен и в одну ночь, после роскошного празднества, тайно покинул дворец, сопровождаемый только своим верным Чанной. На своем любимом коне Кантаке скакал он в продолжение целой ночи и только на рассвете остановился на берегу реки Аномы, в окрестностях города Кумнигары, в стране Маллава. Здесь он отдал свои драгоценности и коня слуге и отправил его обратно в Капилавасту.

Так повествуют буддийские легенды о душевном кризисе Сиддхартхи. И действительно, весьма возможно, что однообразие бездеятельной жизни и пресыщенность наслаждениями возбудили в богато одаренной натуре царевича стремление нарушить эту жизнь, вызвали в нем жажду борьбы ради достижения высших целей. Безграничная доброта и искреннее сострадание к человеку, о которых свидетельствует все учение Сиддхартхи, также могли послужить побудительными мотивами покинуть светскую жизнь. Он, конечно, ясно сознавал невозможность достигнуть желанных целей среди суеты мирской жизни и ничего не дающих, кроме утомления, наслаждений и потому принял решение, как требовали понятия того времени, порвать все родственные и семейные узы и в уединении отыскать желанное осуществление заветных стремлений.

Но вместе с тем, наравне с хорошими побуждениями, здесь могли играть роль и другие менее блестящие стороны человеческого характера, и весьма возможно, что при-

нятое Сиддхартхой решение было естественным результатом политических условий его родины, а также, как предполагает профессор Васильев⁴, семейных неурядиц.

Дело в том, что отчизна Сиддхартхи Капилавасту и несколько других мелких самостоятельных государств и вольных городов Средней Индии являлись не более как уцелевшими остатками существовавшего некогда союза государств и городов. Эти небольшие владения по своему географическому положению с течением времени мало-помалу входили в состав постепенно усиливавшихся царств Кошалы и Магадхи, находившихся в центре Средней Индии. Как то, так и другое государства стремились образовать одну общую монархию. Государи Кошалы сильно стеснили граничащее с их владениями царство Капилавасту с его западной и юго-западной границы. Они даже охотились на земле Шакьев, как на своей собственной, а современник Шуддходаны и Сиддхартхи насильно заставил Шакьев выдать за себя девицу из их рода по имени Моли, что было против обычая, издавна практиковавшегося у потомков Икшвакулы, — не выдавать девушек своего рода замуж в чуждый род, а также не брать себе жен из чужого рода. Это насилие было тем более оскорбительно для гордого рода Шакьев, что государи Кошалы не могли похвалиться своими предками: они происходили из низкой касты.

Шакьи чувствовали свое бессилие и на притеснения и унижения своего рода могли отвечать только чувством глубокой ненависти к притеснителям.

При таких-то обстоятельствах наследник Шуддходаны отказался от своих прав на престолонаследие — бегство Сиддхартхи как раз совпадает со временем нанесенного его роду оскорбления. Сиддхартха, конечно, хорошо сознавал непрочность политического положения своей родины и предвидел скорое ее падение, что действительно и случилось еще при жизни Сиддхартхи.

Но какие бы ни были причины, побудившие царевича принять решение отдаться служению человечеству, оно далось ему, конечно, не без тяжелой нравственной борьбы. Мирская жизнь представляла для него так много привлекательного, что отрешиться от нее раз и навсегда было нелег-

ко — ему пришлось покинуть могущество, власть, честь, славу, богатство, любовь, — одним словом, все, что делает жизнь человека прекрасной, и изменить это спокойное существование на суровую и аскетическую жизнь отшельника; но как бы то ни было, Сиддхартха расстался навсегда со своим прежним положением и сделался отшельником.

Прибыв в окрестности города Кушинагары, он прежде всего обменялся со встретившимся ему нищим своим царским одеянием, оставив для себя только желтый охотничий плащ, который он постоянно носил (желтый цвет был присвоен в Индии одежде членов царских фамилий), и обрезал свои длинные волосы (тоже — знак высокого и благородного происхождения).

Он пробыл в окрестностях Кушинагары семь дней, обдумывая, куда направить ему дальнейший путь, и наконец решил направиться к городу Раджагрихи. Сиддхартха, конечно, слышал об отшельниках, живших вблизи этого города и славившихся своей мудростью.

Прибыв сюда, он сперва вступил в общество произвольных тружеников и сделался преврачумкой (так назывались люди, покидавшие мир с душеспасительной целью) под именем аскета Гаутамы.

Под руководством тружеников он усердно принялся изнурять свое тело жестокими истязаниями, с величайшим терпением переносил зной полуденного солнца и холод тропических ночей, бури и дожди, голод и жажду, и вообще все, что предписывалось правилами аскетизма для умерщвления плоти, но в конце концов увидел, что все эти истязания нисколько не приближают его к желанной цели; он убедился в их бесплодности, и пыл к аскезе охладел в нем; он покинул общество произвольных тружеников и перешел к созерцателям, последователям философии Санкхьи.

Во главе созерцателей в то время стояли два брамина — Алара и Уддаха. Как мы знаем, все усилия созерцателей устремлены были к достижению бесстрастия: они думали, что достигнут совершенства, приучая душу к твердому и безмятежному покою.

Спокойный образ жизни созерцателей очень понравился Сиддхартхе, и он решился пробыть среди них возмож-

но долгое время. Под их руководством царевич постепенно стал усваивать метод их усовершенствования; он прошел все степени символической лестницы мистических созерцаний, с помощью которых постепенно умиротворял свой дух, научился освобождать его от чувственных волнений и мыслей, предохранять его от влияния внешних впечатлений и водворять в нем непоколебимый покой.

Целые дни проводил Сиддхартха в бездействии, с наслаждением погружаясь в мечтательный мир, и так полюбил это занятие, что не оставлял его в продолжение всей своей жизни.

Но и учение созерцателей не удовлетворило Сиддхартху; он не мог согласиться с главным принципом их учения, что душа созерцателя, его «я», восходя по степеням созерцания, остается неизменной и что в самых высших самопогружениях, когда прекращается всякая деятельность и всякое движение в душе, «я» могло также существовать.

Поэтому он покинул и созерцателей и решил в одиночестве совершить труд предварительного подвижничества.

Он направился на юг Магадхи и поселился в окрестностях города Гаи, в лесу, вблизи деревни Урувелы. Здесь он в полном уединении с большей страстью стал предаваться столь любившимся ему созерцаниям.

В одно из подобных самосозерцаний Сиддхартха наконец нашел разрешение всех мучивших его ум и совесть вопросов, разрешение, которое он тщетно искал до сих пор. Он понял наконец и разгадал тайну страданий, удручающих человека; он нашел и средство к избавлению его от этих страданий. В этом мгновенном разрешении мучивших Сиддхартху вопросов нет ничего удивительного и сверхъестественного: люди, одаренные чувствительной и восприимчивой натурой, с сильно развитой фантазией, способны переживать подобного рода ощущения и под влиянием сильного нравственного или умственного возбуждения или потрясения, под влиянием внезапно озарившей их мысли при этом возбуждении часто приходят к решению занимавших их ум вопросы и находят ответы на эти вопросы.

Сиддхартха-Гаутама, как и большинство индусов, обладал крайне чувствительной и восприимчивой натурой и пыл-

кой фантазией, отшельническая жизнь могла только развить в нем эти качества, и весьма возможно, что при одном из сильных психических экстазов в его мозгу могла зародиться идея, разом осветившая, как ему казалось, все то, что до того времени было для него темным и неясным. С этого времени Сиддхартха-Гаутама сделался Буддой, то есть просвещенным, а со временем его восторженные поклонники совместили в нем все совершенные нравственные, умственные и физические качества, какие только возможно допустить в человеке. Сам новоявленный Будда не думал так высоко о себе, но тем не менее был глубоко убежден в верности и основательности открытых истин и надеялся, что с помощью их ему удастся искоренить предрассудки и заблуждения рода человеческого. Он смотрел на себя только как на единственного и общего руководителя в духовной жизни и мудрого наставника в изыскании истины. Рассмотрев всесторонне озарившую его идею, Шакьямуни выработал свой собственный взгляд как на философию, так и на аскетику и составил новое учение, значительно отличавшееся от существовавших при нем философско-религиозных систем.

Легенды повествуют, что Шакьямуни долго обдумывал вопрос, должен ли он сообщить достигнутое им с таким трудом знание человечеству, скованному цепями неведения и греха, или нет, и что наконец, движимый состраданием к страждущему миру, решился возвестить ему свое учение.

Глава II Сущность учения Шакьямуни

Сходные черты учения Шакьямуни и браминов. — Догматическая часть его: четыре истины о страдании и избавлении от них. — Нирвана. — Закон непостоянства. — Закон воздаяния и справедливости. — Мораль или аскетика учения. — Десять нравственных правил. — Десять цепей. — Отношение к кастам. — Взгляд на некоторые вопросы метафизики. — Форма изложения учения. — Односторонность учения Шакьямуни

Учение свое Шакьямуни разделил на три части: теорию, или догматику, нравственность, или аскетику, и практику, или созерцание. По своей сущности учение Шакьямуни являлось собственно логическим выводом из учения браминов и выделившейся из брахманства философии Санкхьи. Его учение проникнуто мыслью, общей всем индусам и не чуждой всем вообще людям в известные моменты душевного состояния, о ничтожестве жизни и о том, что род человеческий обречен на страдания. Шакьямуни только развил эту идею более глубоко и приложил ее ко всему, что имело какую бы то ни было форму существования. Все его учение сосредотачивается преимущественно на одном чувстве ничтожества жизни и стремлении освободиться от нее — с ним он является на проповедь своего учения и с ним умирает.

Также нет большого различия между стремлениями браминов к поглощению души в соединении с вечным — Брахмой и конечным пунктом учения Шакьямуни — уничтожением, погашением души в нирване, между требованиями браминов насильно убить в себе все чувственные порывы жестокими самоистязаниями и созерцанием и требованием Шакьямуни уничтожить их одним только самосозерцанием. Наконец, признаваемые обоими учениями верование в пере-

селение душ и закон воздаяния были также общими чертами учения браминов и учения Шакьямуни.

Но этим сходство и ограничивается.

В дальнейшем развитие учения Шакьямуни является вполне самостоятельным и несогласным с догматами браминской теологии. Шакьямуни совершенно отрицал браминский центр бытия, мировую душу, Брахму; он понял, что сущность бытия браминов — не что иное, как отвлеченное представление, пустота, и что на самом деле существуют только дробные явления, не имеющие никакой устойчивости, подвергнутые вечному изменению.

Отсутствие постоянства в мировой и земной жизни составляет одну из максим учения Шакьямуни и, по его мнению, есть величайшее из всех зол — это «огонь, пожирающий весь мир».

Слова его, когда он касался этой максимы, поражают своею безнадежностью и горьким, печальным тоном. Он говорит: «Сложное должно рано или поздно распасться, родившееся — умереть. Явления исчезают одно за другим, прошедшее, настоящее и будущее уничтожаются, все преходящее, над всем закон разрушения. Быстрая река течет и не возвращается, солнце безостановочно совершает свой путь, человек переходит из предшествовавшей жизни в настоящую, и никакие силы не в состоянии возратить его прошедшую жизнь. Утром мы видим какой-нибудь предмет, к вечеру уже его не находим. Зачем гнаться за призрачным счастьем? Иной стремится изо всех сил достигнуть его в настоящей жизни, но тщетны его усилия; он бьет палкой по воде, думая, что, расступившись, вода останется в таком положении навсегда. Смерть владеет над всем миром, и ничто: ни воздух, ни моря, ни пещеры, никакое место во вселенной — не скроет нас, ни богатства, ни почести не защитят нас от нее; все земное должно рассеяться, исчезнуть. Перед смертью все равны — богатый и бедный, благородный и низкий; умирают и старые, и молодые, и люди средних лет, младенцы и даже зародыши в утробе матери; умирают все без разбора и срока. Мы идем к смерти прямой и верной дорогой. Тело человека, произведение четырех стихий, есть скудельный сосуд, распадающийся на части при первом сильном толчке. В течение всей жизни оно служит источником

страстей, волнений и мучений. Наступает старость, а вместе с ней являются и болезни — старик мечется в предсмертных судорогах, как живая рыба на горячей золе, пока наконец смерть не кончит его страданий. Жизнь то же, что созревший плод, готовый упасть при первом порыве ветра; каждое мгновение мы должны опасаться, что течение ее прекратится подобно тому, как прекращаются гармонические звуки арфы, когда струны ее лопаются под рукой музыканта».

Но и смерть не освобождает человека от мира страданий и постепенного изменения — он вновь возрождается к новой жизни и вновь умирает, и так без конца вращается колесо перерождений, и от этого круговорота есть одно только прибежище и защита — нирвана. К нирване должен стремиться всякий, кто хочет освободиться от мира страданий; к ней должны быть направлены все помыслы человека — она возжеленная цель для всех людей. «Нирвана — это вода жизни, утоляющая жажду пожеланий, это лечебница, врачующая от всякого рода страданий».

«После беспрестанного круговорота в бесчисленных формах существования, после бесчисленных перемен состояний, после всех трудов, беспокойств, волнений, страданий, неразлучных с переселениями души, мы наконец свергаем с себя узы страстей, освобождаемся от всякой формы существования, времени и пространства и погружаемся в покой и безмолвие, в убежище от всех печалей и страданий, в ничем не нарушаемое благополучие — нирвану».

Итак, Шакьямуни, придя к убеждению, что всякое бытие есть страдание, учил, что для уничтожения страдания должно уничтожить самое бытие, разрушить его до основания, «погасить в нирване».

Но каким же образом можно было достигнуть этого состояния совершеннейшего покоя? Познанием четырех высоких истин, открытых Шакьямуни и лежавших в основании его учения, — истины страдания, истины происхождения страдания, истины уничтожения страдания и истины о пути, ведущем к уничтожению страдания.

В первых двух истинах он излагает теоретическую часть своего учения, а в двух последних — практическую: о необходимости избавления от страданий и о средствах к избавлению от них.

Сам Шакьямуни так излагает эти четыре истины: «Братья, мы блуждаем по печальному, пустынному пути перерождений только потому, что не знаем четырех истин спасения. Вот, братья, высокая истина страдания: рождение есть страдание, старость есть страдание, болезнь есть страдание, смерть есть страдание, разлука с людьми любимыми есть страдание, близость людей нелюбимых есть страдание, недостижимость желаний есть страдание (короче, все существование индивидуума есть страдание). Вот, братья, высокая истина о происхождении страдания: это — жажда бытия (танха), ведущая от перерождения к перерождению, это — влечение к удовлетворению чувственности, влечение к индивидуальному счастью. Вот, братья, высокая истина об уничтожении страдания — это совершенное уничтожение жажды бытия, уничтожение вожделений; их должно уничтожить, отрешиться от них, положить им предел. Вот, братья, высокая истина о пути, ведущем к уничтожению страдания: это — высокий восьмеричный путь, который называется истинной верой, истинной решимостью, истинным словом, истинным делом, истинной жизнью, истинным стремлением, истинными помыслами и истинным самопознанием».

Познанием этих истин можно достигнуть вечного покоя, мудрости, просвещения, нирваны, то есть такого душевного состояния, когда уничтожается всякая жажда бытия и исчезают все страсти, — состояния, которому ничто не соответствует в мире, оно выше всякой деятельности, в нем существование, отрешенное от всякого движения жизни, погружается в совершеннейший душевный покой, и, наоборот, неведение, незнание этих истин служит источником всех зол жизни.

Кроме познания этих четырех истин, люди для достижения нирваны должны были освободиться еще от «десяти цепей», приковывающих их к существованию: во-первых, от заблуждения, что «я», индивидуальность или душа неизменны; во-вторых, от сомнения в том, что существует путь к освобождению от перерождений; в-третьих, от убеждения в том, что разные религиозные обряды — молитвы, жертвы, почитание религий и прочие обряды и церемонии — ведут к спасению; в-четвертых, от чувственных страстей и желаний; в-пятых, от ненависти и недоброжелательства к своим близким; в-шестых, от любви к земной жизни; в-седьмых, от желания буду-

шей жизни на небе; в-восьмых, от гордости; в-девятых, от высокомерия и, наконец, в-десятых, от неведения. Познавший четыре истины спасения и освободившийся от «десяти цепей», по учению Шакьямуни, мог достигнуть последней степени нравственного совершенства, совершенства Будды и вместе с тем нирваны. Низшие степени совершенства, при-сущие людям, не вполне познавшим истину, но освободившимся от десяти цепей и близко стоявшим к достижению совершенного познания, давали этим людям знания архатов (высшая степень) и анагаминов (низшая степень).

Но этого совершенства может достичь незначительная часть людей, а именно тех, которые решатся покинуть мирскую жизнь; большая же часть, преданная суетной мирской жизни, не в состоянии достичь совершенства, а может только, в зависимости от свершенного, улучшить или ухудшить свою будущую жизнь и, следовательно, приблизить или удалить блаженную минуту вечного успокоения в нирване; только в редких случаях и при особенно благоприятных условиях человек, ведя мирской образ жизни, мог достичь степени анагамина.

Здесь, как мы видим, Шакьямуни признает верование браминов в переселение душ и в соединенный с этим верованием закон воздаяния.

По легендам, во время своих созерцаний Шакьямуни часто видел целый ряд своих перерождений, а также и перерождений других существ. В своих беседах с учениками он часто упоминает о них. Он говорил: «В такое-то время я был там-то и там-то, говорил на таком-то месте, носил такое-то имя, принадлежал к таким-то фамилии и касте, жил столько-то лет так-то и так-то, то окруженный счастьем и богатством, то нищетой и бедствиями. После смерти я возвратился в мир в таком-то месте, у меня была такая-то судьба, наконец я увидел свет здесь и сделался учителем».

Трудно допустить, чтобы Шакьямуни нарочно выдумывал подобного рода рассказы, скорее они являлись результатом галлюцинаций, испытываемых им во время созерцаний, или же он прямо брал их из народных преданий и пользовался ими для выражения своих нравственных истин, сближая события давнего времени с происшествиями, которых он был очевидцем.

Вообще он придавал верованию в переселение душ и закону воздаяний только нравственное значение.

Последний был одним из основных принципов учения Шакьямуни, и он при всяком удобном случае говорил о нем.

Всякое существование зависело от дел, добрых или злых, совершенных в предыдущие рождения. «Черное, — говорил Шакьямуни, — отличается черным, белое — белым. Дело — начало и причина всякого существования». Сумма дел, совершенных существами, поддерживала существование вселенной со всеми ее степенями и разрядами, а качество дел определяло для существа будущую форму рождения. Кто совершал злые дела, за тем следовало страдание, как «колесо следует за шагом вьючного животного», кто же творил добрые дела, за тем следовали счастье и блаженство, «подобно тени, никогда его не покидая».

Этот закон воздаяния обуславливался моральным порядком вещей (кармой), законом связи причины и следствия.

«Строгая постоянная справедливость царствует в мире повсюду. Каждое дело приносит свой плод, и ничто не может спасти человека от последствий его поступков. Ни в отдалении неизмеримого мирового пространства, ни в пучине моря, ни в глубине горных пропастей не найдешь ты места, где бы мог избежать последствий твоих поступков», — говорится в «Дхаммападе»*.

*«Дхаммапада» — собрание изречений Шакьямуни для светских последователей. — *Авт.* Слово «дхамма», как указывает переводчик «Дхаммапады» академик В. Н. Топоров, «могло значить “добродетель”, “закон”, “учение” (в частности, буддийское), “религия”, “элемент”, “качество”, “вещь”, “явление” и т. д. Слово “пада” в равной степени означало “стезя”, “путь”, “место”, “средство”, “причина”, “основа”, “слово”, “стих”, “нога”, “след” и т. д. Поэтому теоретически существует очень большое количество возможностей для объяснения названия “Дхаммапады”. Они определяются сочетаемостью слов одного (дхамма) и другого (пада) ряда. “Стезя добродетели”, “Стезя закона”, “Стезя учения”, “Стезя религии”, “Основа добродетели”, “Основа закона”, “Основа учения”, “Слово о добродетели”, “Слово о законе”, “Слово об учении”, “Стихи о добродетели”, “Стихи о законе” и т. д. — все эти переводы слова “Дхаммапада”, а также ряд других, почти в одинаковой степени удачны или, напротив, неудачны. (Следует упомянуть, что С. Ф. Ольденбург, имея в виду очевидную игру слов в названии памятника, предлагал переводить его как “Стопы закона”.)»

Таким образом, мы видим, что Шакьямуни придавал большое значение личности человека, его воле — всякий человек, ведя справедливую и строгую жизнь и исполняя нравственные правила, данные Шакьямуни, мог надеяться достигнуть со временем избавления от страданий. В одном из своих изречений он советует дорожить формой благородного человека, в которой только и возможно освобождение от переселений и которая достается в удел существу редко, через тысячелетия.

В этом отношении учение Шакьямуни сильно разнится от учения браминов.

Отрицая бытие Брахмы, к которому все сводилось в брахманстве, Шакьямуни вместе с тем отверг и первобытный идеалистический пантеизм (он не признавал божества как чего-то неизменного, как и остальные существа), и источники браминского религиозного учения Веды с их объяснениями, всю браминскую теологию с ее запутанной, софистической диалектикой, с ее многообразной обрядностью и жертвоприношениями.

Расходясь с большей частью принципов браминского учения, Шакьямуни расходился в то же время и с воззрениями других, современных ему философских школ Индии. Особенно сильно напал он на учение о существовании неизменной души, неизменного положения, принятого почти всеми философскими школами того времени. Шакьямуни, как мы знаем, признавал в душе творческую силу, так сказать, *raison d'être** всякого бытия — она может нисходить до степени души существа животного и даже растительного царства и уничтожиться в нирване, смотря по заслугам. В этом заключалась догматическая часть учения Шакьямуни.

Перейдем теперь к его аскетике, или нравственности.

Вместо продолжительных, тяжелых покаяний и жестоких истязаний браминов Шакьямуни ввел мягкий аскетизм, выразившийся, главным образом, в соблюдении нравственной чистоты.

Шакьямуни установил, что желающий спастись должен был соблюдать следующие правила: охранять жизнь всякого животного существа и не причинять ему никакого зла, уважать чужую

*Смысл существования (*фр.*).

собственность, быть целомудренным, правдивым, воздержанным в питье и еде (Шакьямуни запрещает пить спиртные напитки и советует принимать пищу в определенное время дня и по возможности раз в день), удаляться от всех светских удовольствий и развлечений, а также воздерживаться от разного рода украшений, мазей и т. п. Вот все правила аскетики, которые считал Шакьямуни за необходимые для достижения возрождения при благоприятных обстоятельствах и которые он преподавал своим светским последователям.

От своих учеников он, кроме исполнения этих правил, требовал еще соблюдения двух следующих: 1) спать на жестком и низком ложе и воздерживаться от мясной пищи и 2) жить в добровольной бедности.

Отсюда мы видим, что Шакьямуни, ясно сознавая, что не все люди способны отрешиться от мира и достигнуть нирваны, попытался дать им нравственные правила, стремящиеся сделать более сносными невзгоды обыденной жизни, и внушить людям живое и искреннее сострадание к их ближним и тем смягчить, по крайней мере, их горести и печали.

Он предоставил людей, неспособных отрешиться от мирской суеты, их собственной судьбе, подобно своим предшественникам по философии. Он учил, что каждый человек, стремясь уменьшить тяжесть неизбежного зла для себя, должен стараться и для себе подобных, и вообще для всех одушевленных существ; что люди должны быть кроткими, снисходительными, сострадательными и делать все, что возможно, для облегчения участи других ввиду своего собственного благополучия; советовал не предаваться скорби о своих собственных бедах, но заботиться о других людях. Он говорил, что следует быть щедрыми, давать милостыню и творить дела милосердия, доставлять пропитание бедным, заботиться о больных.

Добрым, совершаемым без всякой своекорыстной цели делам Шакьямуни придавал большое значение и относился с презрением к людям, поступающим хорошо только на словах. Он говорил: «Подобно прекрасному цветку, поражающему блеском своей окраски, но не имеющему благоухания, красивые слова человека, не поступающего согласно с ними, не приносят плода».

Ради облегчения участи людей он, кроме того, давал весьма практические и очень полезные для обывденной жизни советы, например рассаживать по сторонам дорог целебные травы, сажать деревья, разводить роши и сады плодовых деревьев, где бы бедные путешественники находили плоды для утоления голода и тень для отдыха, рыть колодцы, строить гостеприимные дома и т. п.

Одна древняя надпись гласит: «Воздерживайся от всякого зла, твори добро, обуздывай свои мысли», — в этих немногих словах, можно сказать, заключается весь смысл учения Шакьямуни о нравственности, или аскетике.

В нем, как мы видим, он проповедовал те начала человеколюбия и братства, которые существовали как бы в зародыше и в законах Ману, но были там совершенно подавлены началом каст. Шакьямуни развил и смягчил моральные начала брахманизма.

Провозгласив равенство людей по происхождению в смысле общедоступности спасения и кроткое снисхождение к человеку во имя общей для всех горькой участи бытия, Шакьямуни сильно поколебал авторитет каст.

Впрочем, надо оговориться, что Шакьямуни не имел намерения нападать на политическое учреждение каст и даже придавал им большое значение в том отношении, что они имеют свои выгоды и невыгоды в смысле нравственного самоусовершенствования — высшие касты при их материальном обеспечении имели больше шансов достигнуть его, и в то же время у них было и более соблазнов нарушить предписанные Шакьямуни нравственные правила, а это, как мы знаем, было очень важно для будущей жизни.

Шакьямуни преследовал только одну цель — цель спасения человечества путем его нравственного улучшения. В древнейших легендах и в духовных буддийских книгах, где приводятся изречения Шакьямуни, не встречается ни одного возражения против существования каст; напротив, он смотрит на это учреждение как на установившийся факт, которого он и не думал изменять; он не проповедовал общественного равенства, но провозгласил его начало — равенство религиозное.

Брамины считали науку благочестия, спасения как бы своей наследственной собственностью; прочие касты были

принуждены исполнять только внешние обязанности, духовную пищу они получали от браминов, а достигнуть спасения могли, только возродившись в касте браминов. Напротив, Шакьямуни призывает людей всех каст пользоваться духовной жизнью и всем обещает спасение за благочестивую жизнь. Мы видели, что основатели других школ уже положили начало этому делу, нападая на предписанные браминами правила как на совершенно бесполезные, и один из них (Капила) сделал для каждого доступным имя аскета, которое до него было почти исключительным правом брамина. Шакьямуни пошел далее — он всех людей призывал к равенству духовной жизни, и таким образом признавал между различными кастами духовное равенство, и религию и благочестие сделал не преимуществом одной какой-либо касты, но правом добродетели, знания и заслуги.

Эти принципы хотя и не были направлены непосредственно против системы каст, но все-таки значительно ее потрясли; главным же образом они были направлены против касты браминов. В одной из древних легенд говорится: «Брамин не отличается так, как камень отличается от золота или свет от мрака. И в самом деле, он не произошел ни из эфира, ни из ветра — он, как и чандала, родился от женщины. Почему же один должен быть благородным, а другой нечистым? Ведь и брамина по смерти покидают, как презренную и нечистую вещь; с ним в этом отношении происходит то же, что и с людьми других каст. Где же различие?»

Оканчивая этот краткий очерк сущности догматики и аскетики учения Шакьямуни (мы не говорим о третьем отделе его учения — о созерцании, потому что оно сходно с учением о созерцании Капилы, о котором было упомянуто во введении, и отличается от него только принципом изменяемости души, «я»), прибавим, что он положительно отказывался решать некоторые метафизические вопросы, например, откуда произошел мир и жизнь существа, есть ли начало мира или нет и т. д.

На подобные вопросы он отвечал, что они не имеют отношения к нравственным обязанностям человека, что драгоценным и скоротечным временем надо дорожить и не следует тратить его на подобные рассуждения, а необходимо

готовиться к достойной встрече смерти. «Представьте себе человека, — говорил он, — раненного стрелой в грудь. Спасение его зависит от искусства врача, который легко может вынуть смертоносное орудие. Неужели раненый станет спрашивать, из какого дерева сделана стрела, в какой цвет и какой краской она окрашена и какой птицы перья к ней прикреплены?.. Неужели он станет заниматься подобными вопросами, зная, что время проходит и ему грозит непреходящая смерть?»

В другой легенде приводится следующий ответ на подобные же вопросы, предложенные ему учениками: «Вопросы эти бесплодны, потому что неразрешимы». И в подтверждение своих слов рассказал следующую древнюю историю о слепцах: «Один царь приказал собрать к себе во дворец слепых от рождения и спросил их, каков вид слона. Слепцы отвечали, что они слепы и потому ничего не могут сказать ему. Царь приказал вывести слона и подвести к нему слепцов. Каждый из слепцов ощупал ту часть слона, к которой прикасалась его рука. Затем царь опять их подозвал и спросил, узнали ли они теперь, какой вид имеет слон. “Узнали, — отвечал один, ощупавший туловище слона, — он похож на ведро!” — “Нет, прервал его другой, ощупавший ногу, он похож на столб!” Третий, ощупавший хобот, утверждал, что слон похож на канат. Между слепцами возник бесконечный спор. Тогда царь сказал: “Толпа людей, лишенных зрения! К чему безумно спорить о форме слона, когда вы сами не знаете, кого осязали!..”»

Шакьямуни редко вообще произносил длинные речи, что было результатом его долгой отшельнической жизни, большая часть которой прошла в безмолвном созерцании; в большинстве случаев он высказывал свои поучения в кратких, но сильных афоризмах (сутры), украшая их поэтическими сравнениями и аллегориями. Своим афоризмам он часто придавал числительную форму, что сильно облегчало их запоминание. Вот, например, один из его афоризмов: «Три печати моего учения — всякое явление скоротечно, ни в чем нет постоянства, нирвана есть покой». Учил Шакьямуни преимущественно на трех туземных наречиях, которые он знал в совершенстве, — магадхском, тамильском (ныне дровирское) и млечча.

На предыдущих страницах мы изложили сущность учения Шакьямуни. Как метафизик, он смотрел на жизнь и ее явления сквозь призму субъективного мировоззрения. Глубоко разочарованный в жизни, он пришел к отрицательному, безотрадному и одностороннему взгляду на жизнь и, как результату этого взгляда, учению о нирване. Он совершенно упустил из виду, что жизнь человека не должна быть пассивной, что цель ее заключается не в бездействии и снe, а в энергичной деятельности и борьбе, в стремлении к развитию нравственных идеалов человека и в уничтожении всего, что противодействует этому развитию, и, смотря на жизнь с собственной точки зрения, создал нравственное учение, высший идеал которого состоит в подавлении всякого жизненного ощущения, в *смерти заживо*, в уничтожении мысли и чувства.

Шакьямуни дает краткое, но точное изложение этой морали. Вот оно: «Сидеть лучше, чем ходить, спать лучше, чем бодрствовать, всего лучше — смерть».

Глава III Учительская деятельность

Ее неудачное начало, причины неуспеха. — Кашьяпа-огнепоклонник и его ученики. — Шакьямуни склоняет к принятию своего учения Кашьяпу и делается главой 600 учеников. —

Вторичное вступление на арену учительской деятельности. — Ложные слухи о политических замыслах Шакьямуни и опровержение им этих слухов. — Смерть отца Шакьямуни. — Покровители и враги его. — Диспуты с антагонистами. — Преследования со стороны браминов и Девадатты, одного из учеников Шакьямуни. — Девадатта — основатель секты

Как мы сказали, Шакьямуни после долгих колебаний решил возвестить миру открытое им учение. Для этой цели он опять вернулся в покинутый им свет.

Но начало его учительской деятельности было неудачно — его ждало горькое разочарование: вместо ожидаемого успеха он встретил только насмешки и презрение. Когда в первый раз он выступил в городе Варанаси с публичной проповедью об открытых им истинах избавления от страданий, многие из слушавших его громко выражали сомнение в здравости его умственных способностей и говорили, что «царский сын сошел с ума». Между прочим, в Варанаси он встретил своих родичей и хотел на них испытать силу своего учения и красноречия. Но и родичи ответили ему насмешками и укоряли его в непостоянстве и легкомыслии, с каким он изменил свою жизнь, уйдя в отшельничество. Они доказывали ему, что у него еще нет ни необходимого авторитета в деле проповеди, ни опытности, какими обладают другие философы.

Действительно, Шакьямуни совершенно терялся среди массы философов различных школ и отшельников, бродивших, поучая и нищенствуя, по стране и имевших большей частью своих учеников и последователей среди народа.

Народ не отличал его от этих нищенствующих философов, и, когда последние из опасения найти в новом философе опасного соперника, способного внушить народу недоверие к ним и лишить их, таким образом, средств к существованию, стали преследовать его, народ недоумевал и спрашивал: «Чего вы хотите от него? Разве он не такой же нищий, как и вы?»

Одному, без последователей, Шакьямуни трудно было выделиться из толпы отшельников и бороться с влиянием других философов, более опытных и пользовавшихся известностью и уважением в народе.

Неудачное начало общественной деятельности заставило Шакьямуни обратить внимание на шаткость своего положения*.

Он стал приискивать средства, с помощью которых он мог бы подействовать на общественное мнение, и нашел, что самым лучшим средством будет приобретение возможного большего числа последователей.

Для достижения этого он решился склонить к принятию своего учения кого-нибудь из наиболее известных, имевших своих учеников и последователей философов.

Выбор его пал на аскета Кашьяпу. Он вновь возвратился на берега реки Нираньжары, где жил Кашьяпа-огнепоклонник, последователь учения, которое считало огонь самым могущественным деятелем в целом мироздании. Наряду с поклонением огню Кашьяпа поклонялся небесным светилам. В известные часы дня Кашьяпа и его ученики приносили животных в жертву огню, а ночью разводили на жертвенниках огонь и зажигали лампы. Недалеко от Кашьяпы жили два его младших брата — Гая и Нати. Они также поклонялись огню и хоть имели своих учеников, но признавали авторитет старшего брата.

*По некоторым легендам, Шакьямуни удалось во время его пребывания в Варанаси сделать последователями своего учения пятерых аскетов, бывших его товарищами в прежние времена. — *Авт.*

Кашьяпа славился необыкновенной строгостью жизни, и к нему ежегодно стекались на поклонение жители города Раджагрихи.

Шакьямуни решил употребить все усилия, чтобы склонить Кашьяпу к принятию своего учения.

Он отправился к Кашьяпе, но последний, заметив, что имеет дело с аскетом, а не учеником, принял его холодно и недоверчиво и во время беседы старался отклонить Шакьямуни от высказанного последним намерения поселиться вблизи Кашьяпы.

Но ни холодная встреча, ни недоверие Кашьяпы не повлияли на Шакьямуни, он продолжал настойчиво стремиться к намеченной цели. Поселившись невдалеке от Кашьяпы, он терпеливо и осторожно старался заслужить внимание знаменитого анахорета. Он оказывал ему знаки внимания и разнообразные услуги, простер свою услужливость даже до того, что разводил огонь на жертвенниках при поклонениях Кашьяпы. Когда к Кашьяпе стекались пилигримы, Шакьямуни постоянно удалялся на другой берег Нираньчжары и жил в уединении, пока последователи Кашьяпы были при своем учителе. Когда они удалялись, он вновь возвращался к Кашьяпе.

Шакьямуни поступал так, чтобы отклонить тень всякого подозрения со стороны Кашьяпы и показать ему, что он вовсе не имеет намерения подрывать его авторитет учителя и доверие к нему его последователей.

Подобным поведением он постепенно приобрел доверие и дружбу Кашьяпы. Дружеские отношения философов еще более окрепли, когда Кашьяпа спас жизнь Шакьямуни во время переправы вброд через реку Нираньчжары. Тогда в разговорах и беседах Шакьямуни начал постепенно оспаривать воззрения Кашьяпы и доказывать ему их несостоятельность. Наконец цель его была достигнута.

Кашьяпа, а вместе с ним его ученики признали учение Шакьямуни истинным и сделали его учениками. За Кашьяпой последовали и его братья.

Таким образом, Шакьямуни разом встал во главе шестисот учеников и теперь мог смело еще раз попытаться возвестить миру открытое им учение.

С чашами для подаяний в руках Шакьямуни и его ученики покинули берега Нираньчжары и направились к городу Раджагрихе, питаясь в пути доброхотными подаяниями жителей встречающихся деревень.

«Многие, — говорил Шакьямуни, обращаясь к своим слушателям во время пути, — мучимые страданиями, ищут избавления от них в горах и лесах, спасаясь в уединении. Но и здесь не находят они желанного успокоения и избавления от страданий. И только тот, кто примет мое учение, кто познает найденные мною четыре высокие истины, тот избавится от страданий и приобретет истинное успокоение и блаженство... Двух крайностей следует избегать стремящегося к спасению — жизни среди сладострастных наслаждений — это низко и ничтожно, и жизни среди жестоких самоистязаний — это бесполезно и мучительно. Среднее между этими крайностями должен избрать стремящийся к спасению, и он познает истину и избавление от страданий!..»

В подобных поучениях проводил Шакьямуни время на пути в Раджагриху. Направляясь туда, он, помимо других соображений, имел в виду опровергнуть пред царем Бимбисарой приписываемые ему политические замыслы.

Дело в том, что в народе уже было известно, что среди отшельников подвизается аскет из царского рода Гаутамы.

Когда же Шакьямуни явился во главе многочисленных учеников, то в народе распространилась молва, что он намерен приобрести сан Чакравартина, то есть монарха всей Индии.

Слух этот дошел до Раджагрихи и возбудил здесь некоторые опасения. Поэтому Шакьямуни тотчас же по прибытии в окрестности Раджагрихи поспешил в город и здесь прежде всего постарался опровергнуть слух о своих мнимых политических замыслах. Он публично заявил, что житейские страсти уже давно покинули его сердце и что мирская слава не есть удел анахорета. Когда Шакьямуни явился к Бимбисаре, последний принял его благосклонно. Внимание царя имело для Шакьямуни очень важные последствия. Один из придворных по имени Коланда, видя милость царя к Шакьямуни, подарил философу загородную бамбуковую рощу, которую он сначала отдал было отшельникам школы Нир-

гронта. Он принудил последних отказаться от дара и передал рошу во владение Шакьямуни. Эта роша называлась Велувана. В ней находились раскинутые в разных местах дома, беседки, кладовые, окруженные прудами и скрывающиеся в чаще душистых магнолий и зонтичных пальм, одним словом, здесь было готовое и удобное помещение для Шакьямуни и его учеников.

При таких благоприятных обстоятельствах случилось второе вступление Шакьямуни на поприще учительской деятельности. О продолжении этой деятельности сохранилось мало достоверных сведений.

Большинство сказаний о жизни Шакьямуни переходят от времени его прихода в Раджагриху прямо к повествованию о последних событиях из его жизни.

Впрочем, одно из этих сказаний передает, что Шакьямуни вскоре после прибытия в Раджагриху узнал, что отец его находится при смерти и, предчувствуя близкую кончину, выразил желание видеть сына. Шакьямуни, все еще сохранивший нежную привязанность к отцу, несмотря на долгую разлуку, поспешил отправиться в Капилавасту, покинутую им двенадцать лет тому назад. Он застал отца уже на смертном одре. Жители города и окрестных селений, пораженные грозившей им потерей, толпились у ворот царского дворца, и когда Шакьямуни вошел в город, то прежде чем достичь дворца, пробивался сквозь плотную толпу людей, бывших некогда его подданными. Многие из них, узнав царевича, не могли воздержаться от слез, видя его в нищенском одеянии.

С трудом проникнув во внутренние покои дворца, все обитатели которого были в большом смятении, Шакьямуни подошел к умирающему. Царь слабым голосом приветствовал сына и просил, чтобы Шакьямуни прикоснулся рукой к его пылающей голове. Шакьямуни высвободил руку из-под плаща и, приложив ее к пылающему лихорадочным жаром лбу больного, держал ее в таком положении, пока тот не умер. Пока умирающий находился еще в полной памяти, Шакьямуни в утешение ему говорил о высоких истинах избавления от страданий. Шакьямуни пробыл в Капилавасту все время, пока длились похоронные церемонии. Когда труп усопшего был возложен на костер, Шакьямуни сам под-

ложил огонь и по окончании сожжения сказал: «Ничего нет вечного на земле, ничего нет твердого, жизнь проходит, как призрак, как обманчивое видение».

Затем он покинул Капилавасту.

Буддийские сказания утверждают, что жизнь Шакьямуни протекла спокойно, что он беспрепятственно разбрасывал по стране семена своего спасительного учения.

Но с этим нельзя согласиться. Существуют некоторые факты, показывающие, что жизнь его была полна тревог и огорчений и что только его личный характер и приобретенные им из среды царей и вельмож могущественные покровители ограждали его честь и безопасность. Благодаря им и своей необыкновенной доброте он благополучно прошел сквозь все испытания. Шакьямуни так говорил о людях, относившихся к нему враждебно: «Человека, причиняющего мне вред, я поставлю под защиту моей незапамятной любви, и чем более зла он мне наносит, тем более добра я ему окажу».

Мы уже упоминали, что с первого года учительской деятельности Шакьямуни ему начал покровительствовать царь Бимбисара. Царь Кошалы Прасенаджати также был сторонником Шакьямуни, а столица Кошалы Шравасты являлась в северной части реки Ганга центром и очагом нового учения подобно тому, как Раджагриха была таковой в ее южной части. В окрестностях города Шравасты находилась роша Джетавана, подаренная Шакьямуни купцом Анатгапиндикой. Джетавана была любимым местопребыванием Шакьямуни; здесь он чаще всего проводил сезон дождей.

Кроме названных, сказания упоминают имена еще некоторых царей Индии, но мы не будем их здесь приводить; ограничимся указанием, что Шакьямуни пользовался у всех них большим уважением и почетом.

Тем не менее покровительство сильных мира сего не спасло Шакьямуни от преследований врагов.

Шакьямуни уже при первом своем вступлении на арену учительской деятельности был встречен недружелюбно со стороны представителей браминизма и разных философских школ, подвизавшихся на том же поприще. Когда же он стал во главе многочисленных учеников и приобрел

сильных покровителей, недружелюбное отношение к новому философу обратилось в открытую вражду. Мотивы вражды были очень разнообразны. Здесь играли роль и принципы нового учения, поражавшие своей оригинальностью и новизной, и опасения потерять своих последователей и, наконец, то обстоятельство, что Шакьямуни, хорошо изучивший нравы и обычаи большинства этих философов во время отшельнической жизни, относился к ним с величайшим презрением.

Антагонистами, оспаривавшими начала учения Шакьямуни, являлись большей частью представители эпикурейской школы локаята и некоторых других философских школ. Шакьямуни часто вступал в спор и большей частью оставался победителем. Легенды повествуют, что однажды в городе Шравасты Шакьямуни вступил в диспут с целой полудюжиной «святых кающихся», отличавшихся своей мудростью. После долгого и горячего спора Шакьямуни опроверг все доводы своих противников; главный из них, добавляя легенды, в досаде на неудачный исход диспута покончил жизнь самоубийством.

Но одними диспутами дело не ограничивалось, антагонисты Шакьямуни прибегали и к интригам в надежде уничтожить соперника. Благодаря этим интригам некоторыми царями были изданы грозные эдикты, направленные против нового учения. Интригам же браминов приписываются легендами и исключения из браминской касты тех ее членов, которые ходили слушать поучения Шакьямуни.

Последнее обстоятельство показывает, что и в среде браминов находились последователи Шакьямуни. Действительно, брамины при Шакьямуни не представляли цельного и сплоченного общества, которое могло бы единодушно защищать свои интересы. Как нам известно, некоторые из браминов отвергали принципы браминской теологии и составляли свои системы теолого-философии, другие же были заняты чисто светскими обязанностями и мало обращали внимания на религиозные вопросы, занимая важные государственные места министров или правителей княжеских уделов с правом собирать подати с подведомственных им владений.

Вследствие этого главными соперниками и врагами Шакьямуни из браминов являлись те, которые по роду жизни и питания могли опасаться обличений Шакьямуни. Этих браминов Шакьямуни называл бродячими и уклонившимися от первоначального рода жизни. Они назывались «изучающими Веды», потому что верили и следовали тому, чему учили их письменна и устные предания, заключавшиеся в Ведах. При Шакьямуни они, впрочем, ограничивались изучением в Ведах только тех предметов, которые имели связь с верованиями и суеверными привычками народа, то есть занимались гаданием и астрологией. Затем не менее деятельными и ненавистными врагами Шакьямуни были последователи школы Ниргронта. Эта школа отличалась тем, что соединила в одну систему различные способы самосовершенствования. Она учила трем способам достижения совершенства — просвещению ума, созерцанию и труженичеству. Вступающий в эту школу должен был начать с труженичества и провести несколько лет в произвольных истязаниях для искоренения чувственности. Затем он приступал к глубокому и спокойному созерцанию и, наконец, к упражнениям в размышлении об истинах и просвещении своего ума. Шакьямуни прошел все три степени и во время отшельничества хорошо изучил привычки и тайные побуждения этих аскетов. Последние не могли простить ему презрения, с каким он относился к ним, особенно к труженикам, составлявшим наибольшее число принадлежавших к этой школе аскетов, и платили ему насмешками и обидами, где только возможно. Шакьямуни отвечал им обличениями и не жалел позорных названий для характеристики их поведения. Как характерную иллюстрацию, приведем здесь сказание, повествующее об одной из этих бесед.

Недалеко от города Раджагриха, в саду богатой женщины, собралась толпа тружеников вместе со своим учителем Нягродой. Наслаждаясь прохладой, они вели громкий и оживленный разговор. Темы разговора были разнообразны: управление министров, сражения, колесницы, лошади, женщины, наряды, вкусные кушанья и тому подобное беспрестанно упоминалось в их беседе. Когда они разговаривали, к ним подошел некто Сантана, один из почитателей

Шакьямуни. После взаимных приветствий Сантана заметил им, как неприличны подобные разговоры для их звания, и при этом хвалил Шакьямуни за его безукоризненное поведение и мудрость. «Как мы можем знать о мудрости твоего срамана* Гаутама, — заметил один из тружеников, — когда он более любит молчать, чем говорить с посторонними людьми? А между тем он величает себя великим мудрецом, грозит поразить одним своим словом всех противников и сделать их безгласными, подобно черепахе, и не советует никому задевать его, иначе тот не найдет себе безопасного места от стрел его красноречия. Пусть придет он сюда, мы поздравим его с новым названием подслеповатой коровы, да вот он и сам!» — «Смотрите же, — воскликнул другой труженик, — не вставайте с места и не здоровайтесь с ним! Пусть сядет, как хочет!»

Шакьямуни пришел в тот же сад освежиться после продолжительного созерцания. Несмотря на уговор, при приближении Шакьямуни труженики встали с места и, приветствуя его, пригласили отдохнуть вместе с ними. Шакьямуни вежливо принял приглашение и сел на разостланном ковре. Нягорода, учитель тружеников, преднамеренно завел речь об учении Шакьямуни и просил Шакьямуни объяснить им начала его учения. «Не спрашивайте меня об этом, — отвечал Шакьямуни, — мое учение глубоко и обширно, и вам не понять его!» Тогда Нягорода сказал, что ему желательно знать мнение Шакьямуни о правилах жизни тружеников. Шакьямуни отвечал: «Что касается ваших правил, то я знаю их очень хорошо и в состоянии оценить их. Все ваши правила низки и смешны... Иной ходит нагой, прикрывая себя только руками; иной ни за что не станет есть из кувшина или блюда, не сядет за стол между двумя собеседниками, между двумя ложами или за общий стол; иной не примет подаяния из дома, где есть беременная женщина...» И затем Шакьямуни указал еще много примеров тщеславия, суеверия и пустых предрассудков тружеников и строго порицал их. «Чего же вы, труженики, — закончил он свою речь, —

*Сраманами назывались отшельники из каст кшатрий и ваишьев. — *Авт.*

ожидаете за свои труды? Вы ожидаете подаяний и уважения; достигнув же цели, привыкаете к удобствам временной жизни, не имеете сил расстаться с ними, да и не знаете средств. Предаваясь пороку и страстям, вы, однако же, надеваете личину скромности!»

Враждебные отношения браминов к Шакьямуни ограничивались только ожесточенными нападками на его учение и оскорблениями его и его учеников. Совершенно иной характер имели преследования, возникшие в среде его учеников и постигшие Шакьямуни уже на склоне жизни, когда ему было более 60 лет.

Между учениками Шакьямуни был один из его близких родственников, двоюродный брат по имени Девадатта.

Девадатта уже в юности был соперником Шакьямуни во всем и постоянно завидовал успехам и счастью своего двоюродного брата. Девадатта отличался энергичным, самостоятельным характером и был одарен от природы выдающимися умственными и физическими качествами. Но все эти блестящие качества затмевала одна черта характера Девадаты — его необыкновенное честолюбие. Его тяготило зависимое положение среди учеников Шакьямуни, несмотря на то что он благодаря своему обширному уму и необыкновенной строгости жизни пользовался большим уважением среди остальных учеников Шакьямуни, и он задумал занять место Шакьямуни. С этой целью он сблизился с сыном царя Бимбисары — Аджатасатрой. Последний отличался, подобно Девадатте, честолюбивым и независимым характером; он тоже сильно тяготился своим положением наследника престола и стремился к самостоятельности. Девадатта искусно воспользовался слабой стороной царевича и, рисуя перед ним блестящими красками картину будущего их величия и могущества, когда они, сделавшись самостоятельными и опираясь один на другого, приобретут огромное влияние на дела Индии — один как светский повелитель, другой как повелитель духовный, — вполне овладел доверием царевича.

Аджатасатра сверг своего отца с престола (в 551 году до Р.Х.) и заключил его в башню, где он и умер, по преданиям, от голода.

Со своей стороны Девадатта составил себе партию из недовольных почему-либо своим учителем учеников и открыто восстал против Шакьямуни. Несколько раз, по словам легенд, он пытался лишить Шакьямуни жизни, но последний каждый раз счастливо избегал грозившей ему опасности или же отделялся только незначительными ранами или ушибами.

Шакьямуни с большим терпением и кротостью переносил свои бедствия. Братья несколько раз помирились и затем опять расходились. Девадатте удавалось даже склонить на свою сторону и других учеников Шакьямуни, но при посредстве Сарипутты, другого отличавшегося красноречием ученика и действовавшего в пользу учителя, перебежчики возвращались обратно. Впрочем, преследования продолжались недолго. Сделавшись царем, Аджатакатра из преследователя Шакьямуни превратился в его ревностного последователя и защитника и покинул Девадату. Однако Девадатта основал свою секту и явился, таким образом, первым лицом, внесшим раскол в учение Шакьямуни. Отличительной чертой сектантского учения Девадаты был введенный им более строгий аскетизм. Он не допускал употребления в пищу рыбы, потому что и она была таким же живым существом, как и другие животные; не пил молока, так как оно предназначено для телят; одежду носил из цельных полотнищ, чтобы не доставлять портным лишнего труда на сшивание лоскутьев; кроме того, он жил постоянно внутри города, тогда как последователи Шакьямуни жили вне городской черты.

Глава IV Распространение учения Шакьямуни

Успех учения. — Причины этого успеха. — Духовные и светские последователи Шакьямуни. — Бхикшу и бхикшуни. — Община. — Правила приема. — Правила общежития. — Образ жизни Шакьямуни и его учеников

Между тем, несмотря на преследования и интриги врагов Шакьямуни, число его учеников и светских последователей все увеличивалось, а его учение все более и более распространялось в массе народа. Причины успеха учения Шакьямуни легко объяснимы: некоторые присоединялись к числу его последователей ввиду покровительства, оказываемого Шакьямуни сильными и знатными лицами, что обещало им и безопасность, и безбедное существование; большинство же привлекала к его учению не милость царей, но новизна и доступность проповедуемых Шакьямуни принципов, что легко понять, если припомнить, какой барьер традиций отделял в продолжение целых веков народ от учения браминов. Со своим учением Шакьямуни обращался не к одним только ученикам, подобно браминам, но ко всему народу без различия каст, что было совершенно новым явлением в Индии.

Брамины учили на языке, недоступном народу, — на языке Вед и ученых. Шакьямуни всегда говорил на языке, понятном толпе, и в форме, легко усваиваемой даже невежественными умами. Как было уже упомянуто, он говорил преимущественно в форме кратких изречений. Все метафизические тонкости своего учения Шакьямуни оставлял для более

подготовленных слушателей, желавших разрешить интересовавшие их философские вопросы; обращаясь же к народу, он говорил ему о строгих и чистых нравственных правилах обыденной жизни и сам первый применял их на деле.

Всего же более в Шакьямуни поражали и привлекали индусов его необычайная кротость, его гуманность, столь противоположные гордости и высокомерию браминов, его безграничное сострадание ко всем бедным, несчастным, угнетенным и, главным образом, проповедуемые им равенство и солидарность людей. Поэтому в числе его учеников, простиравшемся до 1200 человек, было много людей, известных по своему происхождению, уму, образованию или по строгому образу жизни, но были и люди, совершенно неизвестные, принадлежавшие к кастам низшим, нечистым, до того времени всеми презираемым.

В числе его учеников были Кашьяпа, уважаемый Шакьямуни за суровый аскетизм, Судути, известный индусский метафизик, Сарипутта, красноречивый истолкователь идей Шакьямуни, историк Магаллана, известный как совершенный созерцатель, аскет Конданья по прозвищу «познавший»; все эти аскеты и ученые присоединились к Шакьямуни вместе со своими учениками.

Но, с другой стороны, между этими знаменитыми мужами летописи указывают как на одного из наиболее верных и преданных учеников на некоего Упали. Упали принадлежал к касте шудр и до приближения к Шакьямуни был бродячим, то есть занимался одним из наиболее нечистых и наиболее презираемых в Индии ремесел.

После смерти своего отца Шакьямуни присоединил к своему учению всех своих двоюродных братьев, кроме Маханамы, оставшегося править царством, и других членов рода Шакьев. Из них укажем на известного уже нам Девадатту и Ананду. Ананда был самым любимым и наиболее близким учеником Шакьямуни. Несмотря на то что Ананда не отличался особенно строгой нравственностью, Шакьямуни очень любил его за мягкий и кроткий характер. Называют также в числе учеников Шакьямуни его сына Рагулу и зятя Нанду. Шакьямуни присоединил Нанду к обществу своих учеников насильно. Нанда принужден был покинуть молодую жену и,

скачая по ней, несколько раз пытался бежать, но неумолимый учитель всякий раз возвращал его обратно.

Женщинам доступ к учению Шакьямуни был вполне открыт. В одной из легенд говорится, что однажды Ананда, утомившись от долгого пути и почувствовав жажду, попросил воды у встретившейся ему дочери чандалы. Когда та сказала, что она дочь чандалы и, боясь осквернить его, не смеет к нему прикоснуться, Ананда ответил: «Сестра моя, я не спрашивал ни о твоей семье, ни о твоей касте... Прошу тебя, дай мне воды, если можешь!» Впоследствии эта девушка вступила в общину Шакьямуни.

Эта легенда вполне обрисовывает отношение Шакьямуни и его учеников к женщинам. Первой последовательницей учения Шакьямуни была Прачусапати, кормилица Шакьямуни, а за ней последовали и другие из рода Шакьев.

Сделавшись главой значительного числа духовных последователей, Шакьямуни установил правила их жизни и подерживал эти правила личным примером.

Общество духовных последователей Шакьямуни называлось *сангха*, члены его — *бхикшу*, что значит «нищие», потому что вступившие в общество давали обет соблюдать бедность и не иметь собственности, исключая, конечно, самых необходимых для жизни вещей. Звание бхикшу пользовалось большим уважением среди светских последователей Шакьямуни.

Кастового различия в обществе не признавалось — все были равны, и только вступившие в общество раньше имели большее значение, чем вновь вступившие. Кшатрий или брамин, принявший обет бхикшу после вайшьи и шудры, во всем и везде уступал последнему первенство.

В общине своих учеников Шакьямуни совершенно отверг разного рода произвольные истязания и заменил их строгой нравственной дисциплиной, касавшейся всех мелочей обихода жизни учеников. Он вменил бхикшу в обязанность вести строгую и приличную жизнь, не нарушая обета бедности. Бхикшу должны были отличаться прямодушием, правдивостью, быть постоянно вежливыми, спокойными и беспристрастными, держать себя с сознанием своего достоинства. Платье бхикшу обязаны были носить сшитое из

старых, брошенных, но чисто вымытых лоскутьев. Оно должно было быть желтого цвета, шиться по образцу того охотничьего плаща, какой Шакьямуни носил со времени своего бегства, и всегда содержаться в чистоте. По примеру учителя бхикшу брили голову и подбородок. Все имение бхикшу заключалось в трех одеждах (по числу времен года), коврике, чаше для подаяний, игле, нитках и паре чулок с башмаками. До каких-либо драгоценных вещей бхикшу не должен был и касаться.

В общину имели право вступать все люди, обнаружившие твердое намерение стремиться к спасению, за исключением больных заразными или неизлечимыми болезнями, несовершеннолетних (без разрешения родителей), рабов, если они не приобрели свободы законным путем, и тяжких преступников. Также не принимались в сангху должники, пока не уплатили своих долгов, и состоявшие на службе воины и чиновники.

При поступлении в общество новичок (саманера) должен был пробыть под наблюдением избранного им самим из среды бхикшу руководителя испытательное время. Это испытание для взрослых, прежде уже принадлежавших к какому-нибудь обществу аскетов продолжалось четыре месяца, для несовершеннолетних — до достижения ими совершеннолетия.

Впрочем, время испытания зависело также от мнения духовного руководителя саманеры и способностей последнего. Вступая в братство, саманера обязывался совершенно отказаться от светской жизни, соблюдать десять нравственных правил, строго исполнять все правила общежития и стремиться к одной цели — достижению нравственного совершенства.

Правила общежития, данные Шакьямуни, кроме внешней дисциплины и порядка образа жизни бхикшу, то есть правильного распределения пищевых продуктов и обращения с платьем и другими принадлежностями житейского обихода, правильного распределения времени дня, состояли также в разного рода наставлениях для преодоления чувственных желаний и страстей и достижения высшего назначения и самоусовершенствования.

Когда саманера вполне постигал эти правила, он делался бхикшу. Если почему-либо жизнь в обществе ему не нравилась, он всегда мог оставить ее — выход из общества был свободен (насильственное присоединение Нанды можно объяснить родственными чувствами Шакьямуни, желавшего обратить во что бы то ни стало на путь спасения легкомысленного юношу). Из наказаний в обществе допускалось только одно — исключение из членов общества и только в том случае, когда бхикшу нарушал одно из десяти главных правил.

Члены общества жили в монастырях (вихары) или же вели отшельническую жизнь в лесах. Женщины (бхикшуни) жили отдельно от бхикшу и в образе жизни несколько не отличались от последних, впрочем, с той разницей, что жить в одиночестве им не позволялось.

Жилища бхикшу и бхикшуни находились всегда за городом, в загородных рощах и садах. Шакьямуни, благодаря своему знатному происхождению, имел легкий доступ к сильным мира сего, и среди них, как мы знаем, у него было много покровителей и данapati — людей, обязавшихся доставлять ему и его братству средства к существованию. Они-то и дарили ему загородные рощи, где находились жилища его духовных последователей и последовательниц. Эти загородные рощи, занятые учениками и ученицами Шакьямуни, назывались «сангхарами», то есть садами братства. Они находились всегда вне городов и селений. Шакьямуни находил городскую жизнь с ее постоянным шумом и развлечениями несогласной со спокойствием духа и глубокими размышлениями, каких требовало звание бхикшу. Он допускал пребывание в селениях и городах только в продолжение того времени, какое нужно было для сбора потребного на один день количества пищи или когда он и его ученики были приглашаемы на званые обеды.

День Шакьямуни и его ученики проводили следующим образом: вставали с проблесками зари и раннее утро посвящали духовным занятиям или беседам. Затем направлялись в ближайший город или селение с чашами для подаяния в руках, с опущенными к земле взорами. При входе в город или селение бхикшу расходились и шли по улицам, сохраняя глубокое молчание. Они никогда не произносили просьб и только протягивали свои чаши в ожидании подаяния. Они

так же спокойно принимали отказ в подаянии, как и богатую милостыню, и брали подаяние без различия состояний, как у бедных, так и у богатых, по порядку домов.

Подаяние состояло обыкновенно из вареного риса или из других каких-либо съестных припасов. К полудню бхикшу возвращались обратно.

Одна часть набранных подаяний уделялась бедным, другую предназначали для хищных зверей и диких птиц, остальное же, разделенное поровну на число участвующих, шло на обед.

Остаток дня бхикшу проводили в беседах или предавались созерцанию в уединенном месте, сидя с поджатыми ногами и держа тело прямо и неподвижно в позе, какую можно видеть у статуй и на изображениях Шакьямуни. По буддийским легендам, подобную позу имел Шакьямуни еще во чреве матери. Так проводили день Шакьямуни и его ученики, когда жили более или менее продолжительное время на одном и том же месте, что обыкновенно случалось зимой.

Летом, когда наступали периодические дожди и сообщение делалось трудным, Шакьямуни и его ученики расходились по различным местам во избежание недостатка в пропитании.

Каждый бхикшу выбирал себе какую-нибудь деревню и здесь в полном уединении проводил четыре долгих месяца.

Это было так называемое летнее сидение.

По окончании сезона дождей они опять сходились вместе, преимущественно в окрестностях Раджагрихи или Шравасты, где, как было сказано, жили наиболее могущественные и богатые покровители Шакьямуни. Собравшись вместе, каждый из бхикшу отдавал отчет в своем духовном усовершенствовании, достигнутом им в продолжение уединенной жизни. С началом осеннего сезона бхикшу расходились партиями по Индии для распространения учения. Сам Шакьямуни странствовал в это время преимущественно по Кошале и Магадхе и редко посещал области Западной Индии, колыбель ведийского культа и браминства; границ же собственно Индии он никогда не переходил.

Глава V Последние события из жизни Шакьямуни

Гибель родины Шакьямуни. — Шакьямуни свидетель разрушения родного города. — Его последние странствования. — Болезнь. — Завещание ученикам. — Путешествие в Кушинагару. — Смерть и сожжение его праха. — Спор учеников об останках учителя. — Дальнейшая судьба учения Шакьямуни

Так прожил Шакьямуни до восьмидесяти лет. К концу жизни ему привелось быть свидетелем разгрома его родины и гибели близких ему людей.

Мы уже говорили о шатком политическом положении царства Капилавасту и о причине ненависти Шакьев к могущественному царю Кошалы Пра-сенаджати и его наследнику Виручжаке. С течением времени эта вражда все более обострялась. Чтобы унижить Виручжаку, Шакьи стали распространять слух, что мать его Моли, взятая насильно из рода Шакьев, вовсе не принадлежала к этому роду, а была простой рабыней-цветочницей. Кроме того, они не ограничились одними словесными оскорблениями, а несколько раз совершали покушения на жизнь Виручжаки.

Разумеется, все эти обиды возбудили в сердце наследника глубокую ненависть и желание мести — он поклялся жестоко отплатить Шакьям за их гордость и презрение к нему и стереть род их с лица земли.

Вступив на престол по смерти отца, Виручжаки поспешил начать приготовления к войне с Шакьями.

При первых слухах о враждебных намерениях Виручжаки Шакьи обратились с просьбой к Шакьямуни посетить роди-

ну, они надеялись на его влияние в случае крайней опасности. Кажется, что Шакьямуни и сам был не чужд этой мысли и принял горячее, хотя и бесплодное участие в последних событиях истории его отчизны. Судьба, до сих пор покровительствовавшая ему, в последнем несчастье отказалась служить ему и не пожалела для него самых жестоких ударов. В надежде отклонить Виручжаку от его враждебных намерений Шакьямуни пошел в Кошалу. На пути он встретил Виручжаку и его войско. Он попытался примирить царя со своей родиной, но эта попытка кончилась неудачно.

Виручжака не внял убеждениям Шакьямуни и продолжал свой поход. Он взял город Капилавасту, перебил всех его жителей, которых было около 100 тысяч, и возвратился с войны с богатой добычей и новым приобретением для своих владений.

Цветущая страна Шакьев опустела и потеряла навсегда свое политическое значение, уцелевшие от резни Шакьи бежали в Непал и другие соседние страны.

Во время разграбления города Шакьямуни вместе с верным Анандой находился невдалеке, в одной из пригородных рощ. До него доносились шум битвы, звуки мечей, крик и вопли сражавшихся и умиравших людей.

«Да исполнится судьба их», — сказал он и, жалуясь на сильную головную боль, лег на землю, прикрывшись плащом; он хотел скрыть от своего ученика овладевшие им скорбь и тоску.

Когда враги удалились, он ночью проник в город и бродил по его опустевшим улицам, покрытым развалинами и усеянным трупами его соотечественников. В дворцовом саду, где он играл в детские годы, были разбросаны тела молодых девушек, которым враги отрубили руки и ноги. Некоторые из них были еще живы и издавали жалобные стоны. Шакьямуни жалел и утешал их, обещая им в следующем возрождении лучшую жизнь. Затем он удалился от места горестных сцен.

Странствуя в продолжение сорока пяти лет из города в город и повсюду распространяя свое учение, он перед смертью еще раз посетил город Раджагриху, место начала его учительской деятельности. Отсюда он направился в город Вайшали; здесь, чувствуя, что его земной путь приближа-

ется к концу, он обратился к ученикам с речью, в которой просил их ревностно поддерживать его учение и, сохраняя в чистоте, распространять его во всех странах. Вблизи города Вайшали, в деревне Белуво, он отпустил учеников и провел в уединении дождливый сезон года. Здесь он опасно заболел, но, не желая умереть, не поговорив еще раз с учениками, энергично воспротивился развитию болезни и поборол ее. «Не следует мне, — сказал он, — погружаться в нирвану, не обратившись с последней речью к моим ученикам. Приущей мне силой воли я поборю эту болезнь, удержу на время дыхание жизни».

Несмотря на слабость, он по окончании летнего сидения направился к Бхайенагаре. Здесь он еще раз завещал ученикам сохранять и распространять свое учение и, кроме того, советовал им относиться терпимо к убеждениям и верованиям других людей. Он убеждал их относиться без всякого предубеждения к словам других людей и с глубоким вниманием обдумывать их и, лишь убедившись в их полной неосновательности, отбрасывать как негодные, в противном же случае принимать как его собственные.

После этой беседы Шакьямуни, сопровождаемый Анандой, направился в страну Малласов, в город Кушинагару, где он начал свою отшельническую жизнь.

На пути к Кушинагаре, в городе Паве, он, поев вяленой свинины, предложенной ему кузнецом Чундой, сильно заболел, но, несмотря на болезнь, продолжил свой путь.

Удрученный болезнью, он шел по бесплодным и пустынным местам, изредка обращаясь к своему спутнику со словами, показывающими печальное настроение его духа. Он говорил о недолговечности и о смерти, о непрочности счастья и надежд и оплакивал горестную судьбу людей.

Мучимый сильной болью в спине, которой он страдал всю жизнь, он часто останавливался в пути и отдыхал под тенью деревьев и наконец с трудом дошел до окрестности Кушинагары.

Здесь силы совершенно покинули его, он почувствовал сильную, невыносимую жажду. Ананда принес ему воды, чтобы несколько утишить страдания Шакьямуни, и затем приготовил ему ложе под тенью дерева сала.

Шакьямуни, по индусскому обычаю, лег головой на север. Наступали последние минуты жизни Шакьямуни; перед смертью он еще раз завещал Ананде строго хранить его учение и затем погрузился в созерцание.

Ананда с горестью смотрел на предсмертное томление своего брата, друга и наставника — жизнь постепенно оставляла изможденное тело великого учителя; перед тем как испустить последний вздох, Шакьямуни произнес: «Ничто не вечно!»

Он умер около 543 года до Р. Х.

Ананда, оплакав смерть учителя и покрыв его труп, отправился с печальной вестью в Кушинагару.

По просьбе Ананды жители Кушинагары приготовили все необходимое для торжественного сожжения праха усопшего учителя и воздали смертным останкам его царские почести.

Узнав о смерти учителя, Кашьяпа и другие ученики поспешили прибыть в Кушинагару.

После семидневных приготовлений тело с большой торжественностью и великолепием было вынесено к восточным воротам города и возложено на костер для сожжения.

После сожжения пепел был собран в золотую урну, и в честь великого учителя было устроено семидневное торжество. Впоследствии на месте сожжения тела Шакьямуни была поставлена ступа⁵ с надписью. По некоторым легендам, из-за споров о чести хранения печальных останков учителя ученики забыли даже преподанные им правила кротости.

Так умер великий религиозный реформатор Индии, провозгласивший равенство и солидарность всех людей в духовном отношении и сильно пошатнувший кастовые традиции.

Шакьямуни не оставил после себя никаких письменных сочинений; сохранению его учения потомство обязано счастливой памяти его постоянного спутника Ананды и других учеников. В последнем обстоятельстве нет ничего удивительного — необыкновенная память индусских браминов признается многими известными европейскими ориенталистами. Например, Макс Мюллер⁶ говорит, что если бы по какому-либо случаю все священные книги браминов вдруг были уничтожены, то их легко можно было бы восстановить с помощью знающих наизусть эти книги слово за сло-

вом, слог за слогом. Так передавалось и учение Шакьямуни. По смерти учителя Кашьяпа, занявший его место, собрал всю его метафизику, Ананда — правила морали и афоризмы и Упали — правила аскетики. Устно учение передавалось около 300 лет. Наконец, при царе Ашоке (259—222 годы до Р. Х.)⁷, после третьего буддийского собора в Паталипутре учение было записано на пальмовых листьях по приказу царя. Все учение Шакьямуни было собрано в трех книгах, известных под названием «Типитака» («Три корзины») — Суттра, Виная и Абхидхамма-питака.

В первой заключаются поучения, проповеди и афоризмы Шакьямуни, предназначенные и для духовных и светских последователей его учения. Во второй, то есть в Винае-питаке, содержатся предписания и правила образа жизни бхикшу, и, наконец, в третьей — Абхидхамме-питаке — находится метафизическая часть учения Шакьямуни, доступная только людям, достигшим высшей степени духовного и нравственного совершенства.

При Ашоке учение Шакьямуни достигло апогея своего развития в Индии и сильно распространилось в соседних странах, но затем значение его в Индии стало умиляться, и, хотя оно еще долгое время держалось в ней рядом с брахманизмом, последний вытеснил его из Индии, и в настоящее время собственно в Индии, как это видно по статистическим данным о народонаселении, взятым нами из «India office», буддистов насчитывается всего около трех с половиной миллионов из 270 миллионов всех жителей, последователей браминской религии 190 миллионов⁸. Но зато он утвердился в других странах. К таким странам принадлежат: Индокитай, Китай, Япония, Монголия, остров Цейлон и др., где всех последователей учения Шакьямуни насчитывается около 400 миллионов (по другим сведениям, всего только 150 миллионов)⁹. Но и в тех странах, где буддизму удалось водвориться, он не сохранился в первоначальном виде. Повсюду он смешивался с туземными религиозными верованиями и, таким образом, в течение своего продолжительного существования выродился почти в такую же чудовищную систему нелепых суеверий и жреческого деспотизма, как и браминство.

Простое учение Шакьямуни под влиянием чуждых религий обратилось даже в грубое идолопоклонство; развитие внешних форм, обрядности заменило основную черту этого учения — мораль, сильно затемнило первоначальный смысл учения и сделалось не только для большинства верующих, но и для избранного меньшинства сущностью религии. Например, мы знаем, что Шакьямуни совершенно не признавал богов, в смысле браминской теологии, и сам себя не выдавал за божество, а только за обладателя мудрости и истины; но большинству его последователей было трудно отрешиться от проникших в кровь и плоть прежних религиозных убеждений, и они признали многих богов браминской и других религий, и сам учитель в их глазах делался постепенно все более и более необыкновенным существом и постепенно превратился в божество, ставшее во главе других богов. Сначала на него смотрели только как на образец нравственного совершенства, затем как на властителя мира, и наконец он сделался чисто отвлеченным догматическим понятием.

1. Глава парных строф

1. Дхаммы обусловлены разумом, их лучшая часть — разум, из разума они сотворены. Если кто-нибудь говорит или делает с нечистым разумом, то за ним следует несчастье, как колесо за следом везущего.

2. Дхаммы обусловлены разумом, их лучшая часть — разум, из разума они сотворены. Если кто-нибудь говорит или делает с чистым разумом, то за ним следует счастье, как неотступная тень.

3. «Он оскорбил меня, он ударил меня, он одержал верх надо мной, он обобрал меня». У тех, кто таит в себе такие мысли, ненависть не прекращается.

4. «Он оскорбил меня, он ударил меня, он одержал верх надо мной, он обобрал меня». У тех, кто не таит в себе такие мысли, ненависть прекращается.

5. Ибо никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она. Вот извечная дхамма.

6. Ведь некоторые не знают, что нам суждено здесь погибнуть. У тех же, кто знает это, сразу прекращаются ссоры.

7. Того, кто живет в созерцании удовольствий, необузданного в своих чувствах, неумеренного в еде, ленивого, нерешительного, — именно его сокрушает Мара¹, как вихрь — бессильное дерево.

8. Того, кто живет без созерцания удовольствий, сдержанного в своих чувствах и умеренного в еде, полного веры и решительности, — именно его не может сокрушить Мара, как вихрь не может сокрушить каменную гору.

9. Кто облачается в желтое одеяние, сам не очистившись от грязи, не зная ни истины, ни самоограничения, тот недостойн желтого одеяния.

10. Но кто избавился от грязи, кто стоек в добродетелях, исполнен истины и самоограничения, именно тот достоин желтого одеяния.

11. Мнящие суть в несути и видящие несут в сути, они никогда не достигнут сути, ибо их удел — ложные намерения.

12. Принимающие суть за суть и несут за несут, они достигнут сути, ибо их удел — истинные намерения.

13. Как в дом с плохой крышей просачивается дождь, так в плохо развитый ум просачивается вожделение.

14. Как в дом с хорошей крышей не просачивается дождь, так в хорошо развитый ум не просачивается вожделение.

15. В этом мире сетует он и в ином — сетует. В обоих мирах злочинец сетует. Он сетует, он страдает, видя зло своих дел.

16. В этом мире радуется он и в ином — радуется. В обоих мирах творящий добро радуется. Он радуется не нарадуется, видя непорочность своих дел.

17. В этом мире страдает он и в ином — страдает, в обоих мирах злочинец страдает. «Зло сделано мной», — страдает он. Еще больше страдает он, оказавшись в беде.

18. В этом мире ликует он и в ином — ликует, в обоих мирах творящий добро ликует. «Добро сделано мной!» — ликует он. Еще больше ликует он, достигнув счастья.

19. Если даже человек постоянно твердит Писание, но, нерадивый, не следует ему, он подобен пастуху, считающему коров у других. Он непричастен к святости.

20. Если даже человек мало повторяет Писание, но живет, следуя дхамме, освободившись от страсти, ненависти и невежества, обладая истинным знанием, свободным разумом, не имея привязанностей ни в этом, ни в ином мире, — он причастен к святости.

II. Глава о серьезности

21. Серьезность — путь к бессмертию. Легкомыслие — путь к смерти. Серьезные не умирают. Легкомысленные подобны мертвецам.

22. Отчетливо понимая это, мудрые — серьезные. В серьезности они черпают радость. На ниве благородных радуются они.

23. Вдумчивые, упорные, всегда стойкие и мудрые, они достигают Нирваны, свободной от привязанностей и несравненной.

24. У энергичного, полного мыслей, действующего осмысленно, ограничивающего себя, серьезного, того, чьи дела чисты и кто живет, следуя дхамме, — у того возрастает слава.

25. Пусть мудрец усилием, серьезностью, самоограничением и воздержанием сотворит остров, который нельзя сокрушить потоком.

26. Невежды, глупые люди привержены к легкомыслию. Мудрец же хранит серьезность, как драгоценное сокровище.

27. Избегайте легкомыслия, чуждайтесь страсти и наслаждения, ибо лишь серьезный и вдумчивый достигнет великого счастья.

28. Когда мудрый серьезностью прогоняет легкомыслие, он, беспечальный, подымаясь на вершины мудрости, смотрит на большое печалью человечество, как стоящий на горе на стоящего на равнине, как мудрый на глупого.

29. Серьезный среди легкомысленных, многободрствующий среди спящих, мудрец выделяется, как скакун, опередивший клячу.

30. Серьезностью достиг Магхаван² первенства среди богов. Серьезность хвалят, легкомыслие же всегда проклинается.

31. Бхикшу, находящий удовольствие в серьезности или со страхом взирающий на легкомыслие, пролагает путь, как огонь, пожирающий узы³, большие или малые.

32. Бхикшу, находящий удовольствие в серьезности или со страхом взирающий на легкомыслие, неспособен к падению: ведь он близок к Нирване.

III. Глава о мысли

33. Трепещущую, дрожащую мысль, легко уязвимую и с трудом сдерживаемую, мудрец направляет, как лучник стрелу.

34. Как рыба, вырванная из своей стихии и брошенная на сушу, дрожит эта мысль: лишь бы вырваться из-под власти Мары.

35. Обуздание мысли, едва сдерживаемой, легковесной, спотыкающейся где попало, — благо. Обузданная мысль приводит к несчастью.

36. Пусть мудрец стережет свою мысль, трудно постижимую, крайне изощренную, спотыкающуюся где попало. Стереженная мысль приводит к счастью.

37. Те, которые смиряют свою мысль, блуждающую вдалеке, бредущую в одиночку, бестелесную, скрытую в сердце, освободятся от Мары.

38. У того, чья мысль нестойка, кто не знает истинной дхаммы, чья вера колеблется, — мудрость не становится совершенной.

39. В непорочной мысли, в невосполненной мысли, отказавшейся от добра и зла, в бодрствующей нет страха.

40. Зная, что это тело подобно скудели, превратив эту мысль в подобие крепости, пусть он с оружием мудрости нападет на Мару, и да сохранит он победу, и да будет он свободен от привязанностей.

41. Увы! Недолго это тело проживет на земле, отверженное, бесчувственное, бесполезное, как чурбан.

42. Что бы ни сделал враг врагу или же ненавистник ненавистнику, ложно направленная мысль может сделать еще худшее.

43. Что бы ни сделали мать, отец или какой другой родственник, истинно направленная мысль может сделать еще лучшее.

IV. Глава о цветах

44. Кто победит эту землю и мир Ямы и этот мир богов? Кто найдет хорошо преподавшую стезю дхаммы, как мудрец — цветок?

45. Ученик победит землю, мир Ямы и этот мир богов. Ученик найдет хорошо преподавшую стезю дхаммы, как мудрец — цветок.

46. Знающий, что это тело подобно пене, понимающий его призрачную природу, сломавший украшение цветами стрелы Мары, пусть он пройдет невидимый для царя смерти.

47. Человека же, срывающего цветы, чей ум в шорах, похищает смерть, как наводнение — спящую деревню.

48. Человека же, срывающего цветы, чей ум в шорах, ненасытного в чувственных утехах, смерть делает подвластным себе.

49. Как пчела, набрав сока, улетает, не повредив цветка, его окраски и запаха, так же пусть мудрец поступает в деревне.

50. Пусть смотрит он не на ошибки других, на сделанное и не сделанное другими, но на сделанное и не сделанное им самим.

51. Хорошо сказанное слово человека, который ему не следует, столь же бесплодно, как и прекрасный цветок с приятной окраской, но лишенный аромата.

52. Хорошо сказанное слово человека, следующего ему, плодоносно, как прекрасный цветок с приятной окраской и благоухающий.

53. Как из вороха цветов можно сделать много венков, так и смертный, когда он родится, может совершать много добрых дел.

54. У цветов аромат не распространяется против ветра, также — у сандалового дерева, у тагары⁴ или жасмина. Аромат же добродетельных распространяется и против ветра. Благой человек проникает во все места.

55. Сандаловое дерево или тагара, лотос или вассика⁵ — среди их ароматов аромат благих дел — непревзойденнейший.

56. Слаб этот аромат, испускаемый тагарой и сандаловым деревом. Аромат же благих дел, веющий среди богов, — самый лучший.

57. Мара не находит тропы тех, кто благороден, кто живет исполненный серьезности и кто свободен благодаря совершенному знанию.

58—59. Как на куче мусора, выброшенного на большую дорогу, может вырасти лотос, сладкопахнувший и радующий ум, так ученик поистине просветленного выделяется мудростью среди слепых посредственностей, среди существ, подобных мусору.

V. Глава о купцах

60. Длинна ночь для бодрствующего, длинна йоджана для уставшего, длинна сансара⁶ для глупцов, не знающих истинной дхаммы.

61. Если странствующий не встретит подобного себе или лучшего, пусть он укрепится в одиночестве: с глупцом не бывает дружбы.

62. «Сыновья — мои, богатство — мое», — так мучается глупец. Он ведь сам не принадлежит себе. Откуда же сыновья? Откуда богатство?

63. Глупец, который знает свою глупость, тем самым уже мудр, а глупец, мнящий себя мудрым, воистину, как говорится, «глупец».

64. Если глупец связан с мудрым даже всю свою жизнь, он знает дхамму не больше, чем ложка — вкус похлебки.

65. Если хотя бы мгновение умный связан с мудрым, быстро знакомится он с дхаммой, как язык с вкусом похлебки.

66. Не имея разума, глупцы поступают с собой, как с врагами, совершая злое дело, которое приносит горькие плоды.

67. Нехорошо сделано то дело, совершив которое раскаиваются, чей плод принимают с заплаканным лицом, рыдая.

68. Но хорошо сделано то дело, сделав которое не раскаиваются, чей плод принимают радостно и удовлетворенно.

69. Пока зло не созреет, глупец считает его подобным меду. Когда же зло созреет, тогда глупец предается горю.

70. Пусть глупец месяц за месяцем ест пищу с кончика травинки куса, все-таки он не стоит и шестнадцатой части тех, кто знает дхамму.

71. Ибо как не сразу свертывается молоко, так содеянное злое дело не сразу приносит плоды; глея подобно огню, покрытому пеплом, оно следует за этим глупцом.

72. Когда же глупец на свое несчастье овладеет знанием, оно уничтожает его удачливый жребий, разбивая ему голову.

73. Он может возжелать не подобающего ему положения и первенства среди бхикшу, и власти в монастырях, и почитания среди других родов.

74. «Пусть думают и миряне, и отшельники, что это сделано мной. Пусть они зависят от меня во всех делах», — таково намерение глупца; его желание и гордость возрастают.

75. Ибо одно средство ведет к приобретению богатства, другое — к Нирване. Зная же это, бхикшу, ученик Будды, не возрадуется почестям, но возлюбит одиночество.

VI. Глава о мудрых

76. Если кто увидит мудреца, указывающего недостатки и упрекающего за них, пусть он следует за таким мудрецом, как за указывающим сокровище. Лучше, а не хуже будет тому, кто следует за таким.

77. Пусть он советует, поучает и удерживает от зла. Он ведь приятен доброму и непротивен злему.

78. Пусть никто не соединяется с плохими друзьями, пусть никто не соединяется с низкими людьми. Привяжитесь к хорошим друзьям, привяжитесь к благородным людям.

79. Вкушающий дхамму живет счастливо; с чистым умом, мудрец всегда восхищается дхаммой, возвешенной Благородством.

80. Строители каналов пускают воду, лучники подчиняют себе стрелу, плотники подчиняют себе дерево, мудрецы смиряют самих себя.

81. Как крепкая скала не может быть сдвинута ветром, так мудрецы непоколебимы среди хулений и похвал.

82. Услышав дхаммы, мудрецы становятся чистыми, как пруд, глубокий, чистый и незамутненный.

83. Добродетельные продолжают свой путь при любых условиях. Благие, даже томясь желанием, не болтают. Тронутые счастьем или же горем, мудрецы не позволяют ни того, ни другого.

84. Ни ради самого себя, ни ради другого не возжелает он ни сына, ни богатства, ни царства. На незаконной стезе не возжелает он себе успеха. Да будет он благороден, мудр и справедлив.

85. Немногие среди людей достигают противоположного берега. Остальные же люди только суетятся на здешнем берегу.

86. Те же люди, которые действительно следуют дхамме, когда дхамма хорошо возвешена, достигнут противоположного берега, минуя царство смерти, хотя его и трудно избежать.

87–88. Покинув темную дхамму, пусть мудрец пестует светлую. Уйдя из дома в бездомность, в одиночестве, казалось бы малоподходящем для радости, пусть ищет он удовольствия. Отказавшись от желаний, избавившись от собственности, пусть мудрец очистит от скверны свой ум.

89. Те, чей ум должным образом опирается на начала просветления, отказавшийся от привязанностей, радующийся освобождению, с уничтоженными желаниями, полные блеска, они в этом мире достигли Нирваны.

VII. Глава об Архатах⁷

90. У совершившего странствие, у беспечального, у свободного во всех отношениях, у сбросившего все узы нет лихорадки страсти.

91. Мудрые удаляются; дома для них нет наслаждения. Как лебеди, оставившие свой пруд, покидают они свои жилища.

92. Они не делают запасов, у них правильный взгляд на пищу, их удел освобождение, лишненное желаний и необусловленное. Их путь, как у птиц в небе, труден для понимания.

93. У него уничтожены желанья, и он не привязан к пище; его удел освобождение, свободное от деланий и условий. Его стезя, как у птиц в небе, трудна для понимания.

94. Чувства у него спокойны, как кони, обузданные возницей. Он отказался от гордости и лишен желаний. Такому даже боги завидуют.

95. Подобный земле, он не знает смятения; такой добродетельный подобен столпу Индры⁸; он как пруд без грязи. У такого нет сансар.

96. У него спокойная мысль, и слово спокойно и деяние. У такого спокойного и освобожденного — совершенное знание.

97. Человек, который не верует и знает несозданное, разорвал привязанности, положил конец счастью, отказался от желаний, — поистине благороднейший человек.

98. В деревне или в лесу, в долине или на холме — где бы ни жили Архаты, любая земля там приятна.

99. Приятны леса. Где не радуются прочие люди, возрадуются лишенные страсти, ибо они не ищут чувственных удовольствий.

VIII. Глава о тысяче⁹

100. Одно полезное слово, услышав которое становятся спокойными, лучше тысячи речей, составленных из бесполезных слов.

101. Одно полустиише, услышав которое становятся спокойными, лучше тысячи стихов, составленных из бесполезных слов.

102. Одно полустиише, услышав которое становятся спокойными, лучше, чем если бы кто-нибудь продекламировал сто стихов, составленных из бесполезных слов.

103. Если бы кто-нибудь в битве тысячекратно победил тысячу людей, а другой победил бы себя одного, то именно этот другой — величайший победитель в битве.

104. Поистине, победа над собой человека, живущего в постоянном самоограничении, смирившего себя, лучше, чем победа над другими людьми.

105. Ни Мара с Брахмой, ни бог, ни гандхарва¹⁰ не смогут превратить у такого человека победу в поражение.

106. Пусть некто месяц за месяцем тысячекратно в течение ста лет совершает жертвоприношения, и пусть другой воздаст честь — хотя бы на одно мгновение — совершенствующему себя. Поистине, такое почитание лучше столетних жертвоприношений.

107. Пусть человек сто лет ухаживает за огнем в лесу и пусть он воздаст честь, — хотя бы на одно мгновение — совершенствующему себя. Поистине, такое почитание лучше столетних жертвоприношений.

108. Что бы ни пожертвовал в течение года добродетельный как милостыню или приношение, все это не стоит и ломаного гроша. Уважение к ведущим праведную жизнь — лучше.

109. У того, кто почителен и всегда уважает старых, возрастают четыре дхаммы: жизнь, красота, счастье, сила.

110. Один день жизни добродетельного и самоуглубленного лучше столетнего существования порочного и распущенного человека.

111. Один день жизни умудренного и самоуглубленного лучше столетнего существования невежественного и распущенного человека.

112. Один день жизни обладающего кипучей энергией лучше столетнего существования ленивого и лишенного энергии человека.

113. Один день жизни видевшего начало и конец лучше столетнего существования человека, не видящего начала и конца.

114. Один день жизни видевшего бессмертную стезю лучше столетнего существования человека, не видящего бессмертной стези.

115. Один день жизни видевшего дхамму лучше столетнего существования человека, не видящего высшей дхаммы.

IX. Глава о зле

116. Пусть он спешит совершить благое; от зла пусть он удерживает свой ум. Ибо ум того, кто не спешит делать добро, находит удовольствие в зле.

117. Если даже человек сделал зло, пусть он не делает его снова и снова, пусть не строит на нем свои намерения. Накопление зла горестно.

118. Если человек сделал добро, пусть он делает его снова и снова, пусть строит на нем свои намерения. Накопление добра — радостно.

119. Даже злой видит счастье, пока зло не созрело. Но когда зло созреет, тогда злой видит зло.

120. Даже благой видит зло, пока благо не созрело. Но когда благо созреет, тогда благой видит благо.

121. Не думай легкомысленно о зле: «Оно не придет ко мне». Ведь и кувшин наполняется от падения капель. Глупый наполняется злом, даже понемногу накапливая его.

122. Не думай легкомысленно о добре: «Оно не придет ко мне». Ведь и кувшин наполняется от падения капель. Умный наполняется добром, даже понемногу накапливая его.

123. Пусть избегает он зла, как купец, без спутников, но с большим богатством, — опасной дороги, как желающий жить — яда.

124. Если рука не ранена, можно нести яд в руке. Яд не повредит не имеющему ран. Кто сам не делает зла, не подвержен злу.

125. К тому, кто обижает безвинного человека, чистого и безупречного человека, именно к такому глупцу воз-

вращается зло, как тончайшая пыль, брошенная против ветра.

126. Одни возвращаются в материнское лоно¹¹, делающие зло попадают в преисподнюю, праведники — на небо, лишенные желаний достигают Нирваны.

127. Ни на небе, ни среди океана, ни в горной расселине, если в нее проникнуть, не найдется такого места на земле, где бы живущий избавился от последствий злых дел.

128. Ни на небе, ни среди океана, ни в горной расселине, если в нее проникнуть, не найдется такого места на земле, где бы живущего не победила смерть.

Х. Глава о наказании

129. Все дрожат перед наказанием, все боятся смерти — поставьте себя на место другого. Нельзя ни убивать, ни понуждать к убийству.

130. Все дрожат перед наказанием, жизнь приятна для всех — поставьте себя на место другого. Нельзя ни убивать, ни понуждать к убийству.

131. Кто, ища счастья для себя, налагает наказание на существа, желающие счастья, тот после смерти не получит счастья.

132. Кто, ища счастья для себя, не налагает наказания на существа, желающие счастья, тот после смерти получит счастье.

133. Ни с кем не говори грубо; те, с кем ты говорил грубо, ответят тебе тем же. Ведь раздраженная речь — неприятна, и возмездие может коснуться тебя.

134. Если ты успокоишься, подобно разбитому гонгу, ты достиг Нирваны; в тебе нет раздражения.

135. Как пастух палкой гонит коров на пастбище, так старость и смерть гонят жизнь живых существ.

136. Совершая живые дела, глупец не понимает этого. Неразумный мучается из-за своих дел подобно снедаемому огнем.

137. Кто налагает наказание на безвинных и неиспорченных, тот быстро приходит к одному из десяти состояний.

138—139—140. Его может постигнуть: острое страдание, повреждение тела и тяжелое мучение или же болезнь, безумие; или царская немилость, или тяжкое обвинение, или потеря родных, или утрата богатств, или же дома его спалит пламенный огонь. Когда разрушается тело, глупый попадает в преисподнюю.

141. Ни хождение нагим, ни спутанные волосы, ни грязь, ни пост, ни лежание на сырой земле, ни пыль и слякоть, ни сидение на корточках не очистят смертного, не победившего сомнений.

142. Пусть он даже украшен, но если он живет в мире, спокойный, смиренный, воздержанный, ведущий праведную жизнь, отвергающий применение наказания ко всем существам, — он брахман, он отшельник, он бхикшу.

143. Найдется ли в мире какой-либо человек, смиливший себя скромностью, который не нуждается в понукании, как хорошо тренированная лошадь — в кнуте?

144. Подобно хорошо тренированной лошади, тронутой кнутом, будьте энергичным и одушевленным. С помощью веры, добродетели и энергии, самоуглубления и изучения дхаммы вы, вдумчивые, исполненные знания и безупречные в поведении, освободитесь от этого великого зла.

145. Строители каналов пускают воду, лучники подчиняют себе стрелу, плотники подчиняют себе дерево, добродетельные смиряют сами себя.

XI. Глава о старости

146. Что за смех, что за радость, когда мир постоянно горит? Покрытые тьмой, почему вы не ищете света?

147. Взгляни на сей изукрашенный образ, на тело, полное изъянов, составленное из частей, болезненное, исполненное многих мыслей, в которых нет ни определенности, ни постоянства.

148. Изношено это тело, гнездо болезней, брренное; эта гнилостная груда разлагается, ибо жизнь имеет концом — смерть.

149. Что за удовольствие видеть эти голубоватые кости, подобные разбросанным тыквам в осеннюю пору?

150. Из костей сделана эта крепость, плотью и кровью оштукатурена; старость и смерть, обман и лицемерие заложены в ней.

151. изнашиваются даже разукрашенные царские колесницы, также и тело приближается к старости. Но дхамма благих не приближается к старости, ибо добродетельные поучают ей добродетельных.

152. Малозначущий человек стареет, как вол: у него разрастаются мускулы, знание же у него не растет.

153. Я прошел через сансару многих рождений, ища строителя дома, но не находя его. Рождение вновь и вновь — горестно.

154. О строитель дома, ты видишь! Ты уже не построишь снова дома. Все твои стропила разрушены, конек на крыше уничтожен. Разум на пути к развешествлению достиг уничтожения желаний.

155. Те, кто не вел праведной жизни, не достиг в молодости богатства, гибнут, как старые цапли на пруду, в котором нет рыб.

156. Те, кто не вел праведной жизни, не достиг в молодости богатства, лежат, как сломанные луки вздыхая о прошлом.

XII. Глава о своем Я

157. Знающий, что свое Я — приятно, пусть бдительно охраняет себя. Мудрец должен бодрствовать в течение одной из трех страж.

158. Пусть он сначала себя приведет в надлежащее состояние. Потом можно поучать и другого. Мудрый не собьется с пути.

159. Как он поучает другого, так пусть поступает и сам. Полностью смилив себя, он может смирить и других. Поистине, смирение самого себя — трудно.

160. Ведь свое Я — господин себе. Кто же еще может быть господином? Полный смирением своего Я человек находит господина, которого трудно найти.

161. Самим сделано зло, саморожденное, самовозникшее. Оно побеждает глупца, как алмаз — драгоценный камень.

162. Тот, у кого совсем дурной нрав, поступает с собой так, как мог бы пожелать ему враг. Он напоминает малуву¹², обвивающую дерево сал.

163. Плохие и вредные для себя дела — делать легко. То же, что хорошо и полезно, — делать в высшей степени трудно.

164. Глупец, который из-за порочного взгляда презирает учение Архатов, благородных, живущих согласно дхамме, приносит плоды, как каттхака¹³, лишь уничтожая себя.

165. Ибо сам человек совершает зло и сам оскверняет себя. Не совершает зла он тоже сам и сам очищает себя. Чистота и скверна связаны с самим собой. Одному другого не очистить.

166. Пусть он не пренебрегает своим собственным благом, как бы ни было велико благо другого. Познав свое благо, пусть он будет привержен высшему благу.

XIII. Глава о мире

167. Не следуй низменной дхамме! Не живи легкомысленно! Не следуй фальшивым взглядам! Не увеличивай существования!

168. Встань! Не будь легкомысленным! Следуй добродетельной дхамме! Соблюдающий дхамму живет счастливо в этом мире и даже в ином.

169. Следуй добродетельной дхамме, но не следуй порочной! Соблюдающий дхамму живет счастливо в этом мире и даже в ином.

170. Кто смотрит на мир, как смотрят на пузырь, как смотрят на мираж, того не видит царь смерти.

171. Идите, смотрите на сей мир, подобный пустой царской колеснице! Там, где барахтаются глупцы, у мудрого нет привязанности.

172. Кто, прежде будучи легкомысленным, потом стал серьезным, тот освещает этот мир, как луна, освобожденная от облаков.

173. Кто добрым делом искупает сделанное зло, тот освещает этот мир, как луна, освобожденная от облаков.

174. Слеп этот мир. Немногие в нем видят ясно. Подобно птице, освобожденной из сети, лишь немногие попадают на небеса.

175. Лебеди путешествуют тропой солнца; они путешествуют по небу с помощью иддхи¹⁴. Мудрые уходят их мира, победив Мару с его воинством.

176. Нет зла, которое не мог бы совершить человек, говорящий ложь, отказывающийся от иного мира, пренебрегший единой дхаммой.

177. Истинно, скаредные не попадают в мир богов; глупцы действительно не восхваляют даяния. Мудрый же, давая, радуется: ведь благодаря этому он счастлив в другом мире.

178. Плод сотапатти¹⁵ лучше, чем земное единовластье, или восхождение на небо — чем власть над всем миром.

XIV. Глава о просветленном

179. Какой тропой поведете вы этого бестропного, просветленного, владеющего безграничными сферами, у которого победа не превращается в поражение и чья побежденная страсть уже не продолжается в этом мире?

180. Какой тропой поведете вы этого бестропного, просветленного, обладающего безграничными сферами, у которого нет завлекающей в ловушку привязанности, желанья, сбивающего с пути?

181. Даже боги завидуют тем просветленным, исполненным глубоких мыслей, которые наслаждаются спокойствием освобождения, преданы размышлениям, мудры.

182. Трудно стать человеком; трудна жизнь смертных; трудно слушать истинную дхамму; трудно рождение просветленного.

183. Неделание зла, достижение добра, очищение своего ума — вот учение просветленных.

184. Выдержка, долготерпение — высший аскетизм, высшая Нирвана, говорят просветленные, — ибо причиняющий вред другим — не отшельник, обижающий другого — не аскет.

185. Неоскорбление, непричинение вреда и воздержанность в согласии с Пратимокшей¹⁶, и умеренность в еде, и уединенное существование, и преданность возвышенного мыслям — вот учение просветленных.

186. Даже ливень из золотых монет не принесет удовлетворения страстям. Мудр тот, кто знает: страсти болезненны и мало от них радости.

187. Он не находит удовлетворения даже в небесных удовольствиях. Полностью просветленный ученик радуется только уничтожению желания.

188. Ко всякому прибежищу обращаются люди, мучимые страхом: к горам и к лесам, к деревьям в роще, к гробницам.

189. Но ведь и такое прибежище не безопасно, и такое прибежище не из лучших. Достигший такого прибежища не освобождается от всех горестей.

190. Тот же, кто нашел прибежище в Будде, в Дхамме и в Сангхе, кто владеет подлинным знанием, — видит Четыре благородные истины¹⁷.

191. Зло, происхождение зла и преодоление зла, и Благородный восьмеричный путь, ведущий к прекращению зла.

192. Вот такое прибежище безопасно, такое прибежище — лучшее. Достигший такого прибежища освобождается от всех горестей.

193. Трудно найти благородного человека: не везде он рождается. Но где рождается такой мудрый, там процветает счастливый род.

194. Благословенно рождение просветленных, благословенно ученье истинной дхаммы, благословенно согласие сангхи, благословен аскетизм живущих в согласии.

195—196. Никому не возможно перечислить достоинства («такие, мол, да этакие») такого, кто почитает достойных почтения (будь то просветленные или ученики), преодолевших препятствия, освободившихся от печали и жалоб, того, кто почитает таких достигших освобождения и не знающих страха.

XV. Глава о счастье

197. О! Мы живем очень счастливо, невраждующие среди враждебных; среди враждебных людей живем мы, невраждующие.

198. О! Мы живем очень счастливо, небольшие среди больших; среди больших людей живем мы, небольшие.

199. О! Мы живем очень счастливо, нетомящиеся среди томящихся; среди томящихся людей живем мы, нетомящиеся.

200. О! Мы живем очень счастливо, хотя у нас ничего нет. Мы будем питаться радостью, как сияющие боги.

201. Победа порождает ненависть; побежденный живет в печали. В счастье живет спокойный, отказывающийся от победы и поражения.

202. Нет огня большего, чем страсть; нет беды большей, чем ненависть; нет счастья большего, чем тело; нет счастья, равного спокойствию.

203. Голод — величайший недуг, санкхары¹⁸ — величайшее зло; для того, кто доподлинно знает об этом, Нирвана — величайшее благо.

204. Здоровье — величайшая победа; удовлетворение — величайшее богатство; доверие — лучший из родственников; Нирвана — величайшее благо.

205. Вкусив сладость одиночества и сладость успокоения, освобождается от страха и от греха тот, кто вкушает сладость блаженства дхаммы.

206. Приятно смотреть на благородных; быть в их обществе — благо. Да будет всегда счастлив тот, кто не видит глупцов.

207. Ибо странствующий в обществе глупцов страдает долгое время. Пребывание с глупцами, как с врагом, всегда приносит несчастье, а пребывание с мудрыми — счастье, как встреча с родственниками.

208. Поэтому: как Луна следует звездным путем, так нужно следовать за мудрым, знающим и многоученым, многоперенесшим, благочестивым, благородным — за таким хорошим и умным человеком.

XVI. Глава о приятном

209. Посвятивший себя суете и не посвятивший себя размышлению, забывший цель, цепляющийся за удовольствие завидует самоуглубленному.

210. Не привязывайся к приятному и никогда — к неприятному. Не видеть приятное и видеть неприятное — зло.

211. Поэтому не делайте приятного, ибо расставание с приятным болезненно. Нет уз для тех, у которых нет приятного или неприятного.

212. Из приятного рождается печаль, из приятного рождается страх; у того, кто освободится от приятного, нет печали, откуда страх?

213. Из склонности рождается печаль, из склонности рождается страх; у того, кто освободился от склонности, нет печали, откуда страх?

214. Из привязанности рождается печаль, из привязанности рождается страх; у того, кто освободился от привязанности, нет печали, откуда страх?

215. Из страсти рождается печаль, из страсти рождается страх; у того, кто освободился от страсти, нет печали, откуда страх?

216. Из желания рождается печаль, из желания рождается страх; у того, кто освободился от желания, нет печали, откуда страх?

217. Исполненного добродетели и пронизательности, стойкого в дхамме, говорящего правду, исполняющего свой долг — такого считает народ приятным.

218. Тот, у кого мысль не привязана к удовольствиям, в ком родилось желание неизреченного (и пусть он исполнен разума), зовется уддхамсота¹⁹.

219. Родственники, друзья и доброжелатели радуются, приветствуя человека, долго отсутствующего и пришедшего издалека невредимым.

220. Добрые дела встречают добродетельного человека, ушедшего из этого мира в другой, как родственники — своего близкого при его возвращении.

XVII. Глава о гневе

221. Пусть он откажется от гнева, пусть он оставит самодовольство, пусть он превозможет все привязанности. Никакие несчастья не случаются с тем, кто не привязан к имени и форме.

222. Кто сдерживает пробудившийся гнев, как сошедшую с пути колесницу, того я называю колесничим; остальные — просто держат вожжи.

223. Да победит он гнев отсутствием гнева, недоброе — добрым, да победит он скупость щедростью, правдой — лжеца.

224. Говори правду, не поддавайся гневу; если тебя просят — пусть о немногом, — дай. С помощью этих трех условий можно приблизиться к богам.

225. Мудрецы, которые никого не обижают, чья плоть всегда смиренна, идут в неизменяемое место, и, придя туда, они страдают.

226. У тех, кто постоянно бодрствует, денно и ношно учиться и стремится к Нирване, исчезают желания.

227. Старо это присловье, о Атула²⁰, и в ходу оно не только в наше время: «Они порицают сидящего спокойно, они порицают многоречивого, и того, кто говорит в меру, порицают они». Нет ничего в мире, что бы они ни порицали.

228. И не было, и не будет, и теперь нет человека, который достоин только порицания или только похвалы.

229. Кто безупречен в поведении, мудр, исполнен знания и добродетели, того, наблюдая его день за днем, восхваляют мудрые.

230. Кто решится порицать того, кто подобен монете, сделанной из золота реки Джабу? Даже боги восхваляют его: самим Брахмой прославлен он.

231. Остерегайся грехов тела, будь сдержан во всем, что касается тела; избавившись от грехов тела, будь безгрешен телом.

232. Остерегайся грехов слова, будь сдержан во всем, что касается слова; избавившись от грехов слова, будь безгрешен словом.

233. Остерегайся грехов ума, будь сдержан во всем, что касается ума; избавившись от грехов ума, будь безгрешен умом.

234. Мудрые сдержанны телом; они также сдержанны в слове; мудрые сдержанны умом; они поистине во всем сдержанны.

XVIII. Глава о скверне

235. Как увядший лист ты теперь, и посланцы Ямы пришли за тобой. И ты стоишь у порога смерти, и у тебя нет даже запаса на дорогу.

236. Сотвори себе остров, борись энергично, будь мудрым. Очищенный от скверны, безупречный, ты достигнешь небесного царства благородных.

237. И вот твоя жизнь подошла к концу. Ты приблизился к Яме, а между тем у тебя нет даже дома, и нет у тебя даже запаса на дорогу.

238. Сотвори себе остров, борись энергично, будь мудрым! Очищенный от скверны, безупречный, ты не придешь больше к рождению и старости.

239. Постепенно, мало-помалу, время от времени, мудрец должен стряхивать с себя грязь, как серебряных дел мастер — с серебра.

240. Как ржавчина, появившаяся на железе, поедает его, хотя она из него и возникла, так и собственные поступки приводят к несчастью того, кто преступил дхону²¹.

241. Писание загрязняется, если его не повторять: дома загрязняются, если за ними не следить; красота загрязняется ленью; легкомыслие у бдительного — грязь.

242. Плохое поведение женщины — грязь; скаредность дающего — грязь; и в этом и в том мире злые дхаммы — грязны.

243. Но грязнее всего грязь невежества, худшая грязь; избавившись от этой грязи, вы, о бхикшу, будьте свободными от грязи!

244. Легко жить тому, кто нахален, как ворона, дерзок, навязчив, безрассуден, испорчен.

245. Но трудно жить тому, кто скромн, кто всегда ишет чистое, кто беспристрастен, хладнокровен, прозорлив, чья жизнь чиста.

246—247. Кто разрушает жизнь и произносит ложь, хватает то, что не дано ему в этом мире, и ходит к жене другого, человек, который предается пьянству, — подрывает себе корень здесь, в этом мире.

248. Знай это, о человек! Злые дхаммы не имеют границ. И пусть скарденность и отсутствие дхаммы не сделают тебя надолго подвластным злу.

249. Люди дают в согласии со своей верой и столько, сколько они считают нужным. А кто завидует еде и питью, полученным другими, тот ни днем ни ночью не может достичь сосредоточенности.

250. А у кого зависть уничтожена, с корнем вырвана, устранена, тот и днем и ночью может достичь сосредоточенности.

251. Нет огня подобного страсти, нет спазмы подобной гневу, нет сети подобной обману, нет реки подобной желянию.

252. Легко увидеть грехи других, свои же, напротив, увидеть трудно. Ибо чужие грехи рассеивают, как шелуху; свои же, напротив, скрывают, как искусный шулер несчастливую кость.

253. У того, кто высматривает чужие грехи и постоянно раздражен, увеличиваются желания; он далек от уничтожения желаний.

254. В небе нет пути; нет отшельника вне нас. Люди находят радость в иллюзиях, Татхагаты²² свободны от иллюзий.

255. В небе нет пути; нет отшельника вне нас. Нет вечной санкхары; у просветленных нет непостоянства.

XIX. Глава о соблюдающем дхамму

256. Не тот соблюдает дхамму, кто с поспешностью преследует свою цель. Мудрый же взвешивает и то и другое: правое и неправое.

257. Он ведет других, не прибегая к насилию, в соответствии с дхаммой, бесстрастно. Охраняющего дхамму, мудрого называют «соблюдающим дхамму».

258. Не потому он мудр, что много говорит. Спокойного, свободного от ненависти, не знающего страха называют «мудрым».

259. Не потому он сведущ в дхамме, что много говорит. Кто не пренебрегает дхаммой, кто — пусть он малоучен — ощущает ее всем своим телом, тот поистине сведущ в дхамме.

260. Не потому он старший²³, что его голова седе. Он в преклонном возрасте, но называют его «состарившимся напрасно».

261. Тот, в ком истина и дхамма, ненасилие, самоограничение, смирение, кто безупречен и мудр, того называют «старшим».

262. Завистливый, жадный, изворотливый человек не становится привлекательным только из-за красноречия или красивого лица.

263. Тот, у кого это уничтожено, с корнем вырвано, устранено, кто мудр и отказался от ненависти, того называют «привлекательным».

264. Непослушный им лживый не становится отшельником только благодаря бритой голове. Что это за отшельник, если он скареден и исполнен желаний?!

265. Но кто полностью подчиняет зло — большое или малое, — того называют «отшельником», ибо он успокоил зло.

266. Не потому он бхикшу, что просит у других милостыню. Бхикшу становятся не иначе, как усвоив всю дхамму.

267. Кто стоит в этом мире выше добра и зла или ведет праведную жизнь, кто живет здесь, обладая знанием, именно такого называют «бхикшу».

268—269. Глупый, невежественный не становится муни, даже если он соблюдает молчание. Тот же мудрец, который, как бы имея весы, отбирает хорошее и избегает плохого, и есть муни; поэтому-то он муни. Кто взвешивает в этом мире и то и другое, тот как раз называется «муни».

270. Он не благороден, если совершает насилие над живыми существами. Его называют благородным, если он не совершает насилия ни над одним живым существом.

271—272. Только послушанием и ритуалами, или также многоученостью, или же достижением самоуглубления, или одиноким ночлегом — я не достигну счастья архатства, недосягаемого для простых мирян! О бхикшу! Разве вы были довольны, не достигнув уничтожения желаний?

XX. Глава о пути

273. Лучший из путей — восьмеричный, лучшая из истин — четыре слова; лучшая из дхамм — уничтожение страстей; лучший из двуногих — тот, кто прозорлив.

274. Вот путь, и нет другого для очищения зрения. Следуйте по нему. Все иное — наваждение Мары.

275. Следуя по нему, вы положите конец страданию. Этот путь был провозглашен мной, когда я узнал, как удалять тернии.

276. Вы сами должны сделать усилие. Татхагаты — единственные учителя. Те, кто следует этим путем и самоуглублен, освободится от оков Мары.

277. «Все санкхары преходящи». Когда мудро смотрят на это, тогда испытывают отвращение к злу. Вот путь к очищению.

278. «Все санкхары горестны». Когда мудро смотрят на это, тогда испытывают отвращение ко злу. Вот путь к очищению.

279. «Все санкхары лишены души». Когда мудро смотрят на это, тогда испытывают отвращение ко злу. Вот путь к очищению.

280. Кто встает, когда время вставать; кто исполнен лени, несмотря на молодость и силу; у кого решимость и мысль подавлены — тот, беспечный и ленивый, не найдет пути к мудрости.

281. Внимательный к слову, вполне смиливший свой ум, пусть он не делает ничего дурного телом, пусть он очистит

эти три пути действия, пусть он достигнет тропы, указанной мудрецами.

282. Истинно: из размышления рождается мудрость; из отсутствия размышления — уничтожение мудрости. Зная этот двойной путь к жизни и к уничтожению жизни, пусть он сделает так, чтобы мудрость увеличивалась.

283. Вырубите лес, а не одно дерево. Из леса рождается страх. Вырубив и лес, и чашу, вы, о бхикшу, станете свободными.

284. Пока у мужчины не искоренено желание к женщинам — пусть даже самое малое, — до тех пор его ум на привязи подобно теленку, сосущему молоко у матери.

285. Вырви свое желание, как вырывают рукой осенний лотос. Следуй по пути спокойствия к Нирване, указанной Сугатой²⁴.

286. «Здесь я буду жить во время дождей, здесь — зимой и летом», — так рассуждает глупец. Он не думает об опасности.

287. Такого человека, помешавшегося на детях и скоте, исполненного желаний, похищает смерть, как наводнение — спящую деревню.

288. Ни дети, ни отец, ни даже родственники не могут быть защитой тому, кого схватила смерть. У родных не найти защиты.

289. Зная эту истину, пусть мудрец, внутренне сдержанный, быстро очистит себе путь, ведущий к Нирване.

XXI. Глава о разном

290. Если отказ от маленького счастья позволяет увидеть большое счастье, пусть мудрый откажется от маленького счастья, размышляя о большом счастье.

291. Тот, кто ищет себе счастье, причиняя страдания другим, запутавшись в тенетах ненависти, не освобождается от ненависти.

292. Ведь что должно быть сделано, откладывается; что не нужно делать, наоборот, делается. У таких беспечных и заносчивых увеличиваются желания.

293. Но те, чей вполне сосредоточенный ум постоянно направлен на тело, не следуют за тем, что не должно быть сделано, упорно делая то, что должно быть сделано. У таких мудрых и внимательных желания исчезают.

294. Убив мать и отца и двух царей из касты кшатриев, уничтожив царство вместе с его подданными, брахман идут невозмутимо.

295. Убив мать и отца и двух царей из касты брахманов, убив пятым человека-тигра, брахман идет невозмутимо.

296. Ученики Гаутамы, наделенные великой бдительностью, всегда бодрствуют. И днем и ночью, все время их мысль устремлена к Будде.

297. Ученики Гаутамы, наделенные великой бдительностью, всегда бодрствуют. И днем и ночью, все время их мысль устремлена к Дхамме.

298. Ученики Гаутамы, наделенные великой бдительностью, всегда бодрствуют. И днем и ночью, все время их мысль устремлена к Сангхе.

299. Ученики Гаутамы, наделенные великой бдительностью, всегда бодрствуют. И днем и ночью, все время их мысль устремлена на тело.

300. Ученики Гаутамы, наделенные великой бдительностью, всегда бодрствуют. И днем и ночью их ум радуется ненасилию.

301. Ученики Гаутамы, наделенные великой бдительностью, всегда бодрствуют. И днем и ночью их ум радуется размышлению.

302. Трудно оставить мирской уклад, трудно радоваться; трудна и несчастна жизнь в доме, трудно жить с иными, чем ты. Несчастье преследует странника. Поэтому не будь странником и пусть несчастье не преследует тебя.

303. Того, кто исполнен веры и добродетели, наделен славой и богатством, в каком бы месте он ни оказался, чтут повсюду.

304. Благие сияют издалека, как Гималайские горы. Злых же вблизи не видно, как не видно стрел, пушенных ночью.

305. Тот, кто сидит в одиночестве, спит в одиночестве, бродит в одиночестве, тот, кто деятелен и сдерживает себя сам, пусть радуется в лесной чаще.

XXII. Глава о преисподней

306. Кто говорит ложь, а также тот, кто, сделав, говорит: «Я не делал», — попадают в преисподнюю. Ведь и тот и другой после смерти равны; люди низких деяний равны в том мире.

307. Многие из тех, чьи шеи укутаны в желтое, плохо соблюдают дхамму и невоздержанны. Низкие из-за своих низких деяний, они рождаются в преисподней.

308. Лучше проглотить раскаленный железный шар, подобный огненному пламени, чем нечестивому и невоздержанному воспользоваться благотворительностью страны.

309. Беспечный человек, желающий чужую жену, получит четыре вещи: достижение бесчестья, нарушенный покой, в-третьих, осуждение, в-четвертых, преисподнюю.

310. И достижение бесчестья, и плохая судьба у него; и кратковременна любовь испуганного с испуганной, и царь налагает тяжелое наказание. Поэтому пусть человек не ищет связи с чужой женой.

311. Как трава куса, если за нее неумело ухватиться, режет руку, так и отшельническая жизнь, если ее неверно вести, увлекает в преисподнюю.

312. Что-либо сделанное небрежно, попранный долг, сомнительное благочестие — все это не приносит большого вознаграждения.

313. Если что-либо должно быть сделано, — делай, совершай с твердостью. Ибо расслабленный странник только больше поднимает пыли.

314. Несделанное лучше плохо сделанного; ведь плохо сделанное потом мучит. Но лучше сделанного хорошо сделанное, ибо, сделав его, не испытываешь сожаления.

315. Как пограничный город, охраняемый изнутри и снаружи, так охраняй себя. Не упускай же времени, ибо упу-

стившие время предаются печали, обреченные на жизнь в преисподней.

316. Придерживающиеся ложных взглядов, стыдящиеся того, чего не должно стыдиться, и не стыдящиеся того, что постыдно, такие люди идут дурной тропой.

317. Придерживающиеся ложных взглядов, видящие опасность, когда не должно бояться, и не видящие опасности, когда должно бояться, эти люди идут дурной тропой.

318. Придерживающиеся ложных взглядов, различающие зло там, где зла нет, и не видящие зла там, где зло есть, эти люди идут дурной тропой.

319. Придерживающиеся правильных взглядов, знающие, что зло — зло, а незло — незло, эти люди идут хорошей тропой.

XXIII. Глава о слоне

320. Многие люди порочны, и я буду терпеть оскорбления, как слон в битве — стрелу, выпущенную из лука.

321. Укрощенного ведут в бой; царь поднимается на укрощенного. Укрощенный, который терпит оскорбления, — лучший из людей.

322. Укрощенные мулы, и благородные синдские лошади, и большие слоны благо. Но лучше этого тот, кто смирил себя.

323. Ибо с этими животными не достичь недоступной страны²⁵, куда придет человек, смиливший себя самоограничением и упражнением.

324. Слона по имени Дханапалака трудно сдерживать, когда у него из висков выделяется едкая жидкость. Связанный, он не ест ни куска: слон грезит о слоновом лесе.

325. Если кто лентяй, обжора и соня, если кто, лежа, вертится, как большой боров, накормленный зерном, — тот, глупый, рождается снова и снова.

326. Этот ум бросил прежде, блуждая, как ему хочется, как ему нравится, как ему угодно. Теперь я его полностью сдержу, как погонщик — взбесившегося слона.

327. Радуйтесь серьезности, охраняйте свой ум! Выбирайтесь с плохого пути, как слон, застрявший в грязи.

328. Если найдешь разумного друга, готового идти вместе, праведно живущего, мудрого, превозмогшего все невзгоды, — иди с ним, радостный и вдумчивый.

329. Если не найдешь разумного друга, готового идти вместе, праведно живущего, мудрого, — иди один, как царь, отказавшийся от завоеванного царства, или как слон в словном лесу.

330. Лучше жить одному. Нет дружбы с дураком. Ты, имеющий мало желаний, или и не делай зла, как слон в словном лесу.

331. Друзья приятны, когда в них возникает потребность. Приятно удовольствие, если оно взаимно. В смертный час приятна добродетель. Отказ от всех зол — приятен.

332. Приятно материнство в этом мире; отцовство также приятно; приятно отшельничество в этом мире; также приятно брахманство.

333. Добродетель приятна вплоть до старости; приятна стойкая вера; приятно достижение мудрости; приятно воздержание от зла.

XXIV. Глава о желании

334. Желание беспечно живущего человека растет, как малува. Он мечется из существования в существование, как обезьяна в лесу, ищущая плод.

335. Как плодовая бирана²⁶, растут печали у того, кого побеждает это несчастное желание — привязанность к миру.

336. Кто в этом мире побеждает это несчастное, трудно победимое желание, у того исчезают печали, как капля воды с листа лотоса.

337. Вот что говорю я вам: «Благо вам, сколько вас здесь ни собралось! Вырывайте корень желания, как вырывают бирану, чтобы найти благовонный корень усир²⁷! И да сможет победить вас Мара, как поток — тростник».

338. Как дерево, хотя и вырванное, продолжает расти, если корень его не поврежден и крепок, так и страдание рождается снова и снова, если не искоренена склонность к желанию.

339. У кого сильны тридцать шесть потоков, устремленных к удовольствиям, и мысли направлены на страсть, того, отклонившегося от правильных взглядов, уносят потоки.

340. Потоки текут везде. Лата²⁸ буйно разрастается. Увидев эту расцветшую лату, вырежьте ее корень с помощью мудрости.

341. Бывает, что на человека нахлынут плотские вожделения. Привязанные к удовольствиям, ищущие счастья, такие люди поистине подвержены рождению и старости.

342. Люди, гонимые желанием, бегают вокруг, как бегаёт перепуганный заяц. Связанные путами и узами, они снова и снова в течение долгого времени возвращаются к страданию.

343. Люди, гонимые желанием, бегают вокруг, как бегаёт перепуганный заяц. Поэтому бхикшу, если он хочет уничтожить страсть, пусть изгонит желание.

344. Он свободен от желаний, свободен от страстей, предан жизни в лесу — и все-таки бежит в чашу желаний. Смотрите на этого человека: свободный, он бежит в ярмо.

345. Мудрые не говорят: крепки эти путы, сделанные из железа, дерева или травы бабба²⁹. Ведь страстная-страстная привязанность к женщинам, детям или серьгам из драгоценных камней — крепче.

346. Мудрые говорят: крепки эти путы, тянущие вниз, коварные, из которых трудно освободиться. Разрубив их, они странствуют, отказавшись от страсти и удовольствия, без желания.

347. Возбужденные страстью попадают в поток, как паук в сотканную им самим паутину. Мудрые же, уничтожив поток, отказавшись от всех зол, странствуют без желаний.

348. Пересекая поток существования, откажись от прошлого, откажись от будущего, откажись от того, что между ними. Если ум свободен, то, что бы ни случилось, ты не придешь снова к рождению и старости.

349. У человека со смущенной мыслью, с сильной страстью, видящего лишь удовольствие, — желание все возрастает: поистине он делает пути крепкими.

350. Кто находит удовлетворение в спокойной мысли, постоянно размышляет, думает о неприятном, именно тот положит конец желаниям, тот уничтожит пути Мары.

351. Он достиг совершенства, он бесстрашен, и у него нет желаний; безупречный, он уничтожил тернии существования; это его тело последнее.

352. У него нет желаний, он свободен от привязанностей, искусен в словах и в их объяснении; он знает порядок букв (какие идут прежде и какие потом); его называют великим мудрецом и великим человеком. Это его тело — последнее.

353. Я все победил, я все знаю; при любых дхаммах я не запятнан. Я отказался от всего, с уничтожением желаний я стал свободным. Учась у самого себя, кого назову учителем?

354. Дар дхаммы превосходит всякий дар; сладость дхаммы превосходит всякую сладость; радость дхаммы превосходит всякую радость; уничтожение желаний побеждает любую печаль.

355. Богатства убивают глупого, а не тех, кто ищет другого берега. Желая богатства, глупый убивает себя, как других.

356. Плевелы портят поля, страсть портит этих людей. Поэтому то, что дано освободившимся от страсти, приносит великий плод.

357. Плевелы портят поля, ненависть портит этих людей. Поэтому то, что дано освободившимся от ненависти, приносит великий плод.

358. Плевелы портят поля, глупость портит этих людей. Поэтому то, что дано освободившимся от глупости, приносит великий плод.

359. Плевелы портят поля, желание портит этих людей. Поэтому то, что дано освободившимся от желания, приносит великий плод.

XXV. Глава о бхикшу

360. Сдержанность зрения — хороша, сдержанность слуха — хороша, сдержанность обоняния — хороша, сдержанность языка — хороша.

361. Сдержанность тела — хороша, сдержанность речи — хороша, сдержанность мысли — хороша, сдержанность во всем — хороша. Бхикшу, сдержанный во всем, освобождается от всех печалей.

362. Кто управляет рукой, управляет ногой, управляет речью, управляет в совершенстве, ибо внутренне радостен, сосредоточен, одинок и удовлетворен, — вот такого называют бхикшу.

363. У бхикшу, который сдержан в слове, мудро рассуждает, не надменен и объясняет значение и дхамму, речь сладка.

364. Бхикшу, который находит удовольствие в дхамме, восхищен дхаммой, размышляет о дхамме, помнит дхамму, — не отпадет от истинной дхаммы.

365. Пусть он не презирает то, что он сам получил; пусть он не завидует другим. Ибо не достиг сосредоточенности бхикшу завидующий другим.

366. Если бхикшу не презирает то, что он сам получил (пусть даже малое), его, ведущего чистую жизнь и усердно, прославляют боги.

367. У кого совсем нет отождествления себя с именем и формой и кто не печалится, не имея ничего, именно такого называют бхикшу.

368. Пусть бхикшу, живущий в дружбе, верящий в учение Будды, достигнет спокойного места, счастья, прекращения санкхар.

369. О бхикшу! Опорожни этот корабль; опорожненный тобой, он будет легко двигаться. Уничтожив страсть и ненависть, ты достигнешь Нирваны.

370. Отсеки пять, откажись от пяти, стань выше пяти!³⁰ Бхикшу, преодолевший пять привязанностей³¹, называется «пересекшим поток».

371. Размышляй, о бхикшу, и не будь легкомыслен; не давай мысли вращаться в потоках чувственных удоволь-

ствий, чтобы тебе, беспечному, не пришлось глотать железный шар и, горя в огне, кричать: «Вот страдание!»

372. Нет размышления у того, кто не знает; нет знания у того, кто не размышляет. У кого же и размышление и знание, тот действительно близок к Нирване.

373. Бхикшу с успокоенным умом, удалившийся в одиночество, испытывает сверхчеловеческое наслаждение: он отчетливо видит дхамму.

374. Всякий раз, когда он во всей полноте познает возникновение и разрушение элементов, он, знающий это бессмертие, достигает радости и счастья.

375. Здесь вот начало для мудрого бхикшу; наблюдение за чувствами, удовлетворение и воздержанность в согласии с Пратимокшей. Следуй за благородным другом, ведущим чистую жизнь и усердным.

376. Пусть он будет благосклонен в жизни и праведен в поведении. Тогда, исполненный радости, он положит конец страданию.

377. Как вассика сбрасывает увядшие цветы, так и вы, о бхикшу, должны освободиться от страсти и ненависти.

378. Бхикшу называют спокойным, если его тело спокойно, речь спокойна, ум спокоен, если он сосредоточен и отказался от мирских благ.

379. Сам себя побуждай, сам себя проверь. Такой бхикшу, следящий за собой, сосредоточенный, будет счастливо жить.

380. Ибо ты сам себе господин, ибо ты сам себе путь. Поэтому смири себя, как купец хорошую лошадь.

381. Пусть бхикшу, исполненный счастья, верящий в учение Будды, достигнет спокойного места, счастья, прекращения санкхар.

382. Бхикшу, который, хотя и молод, обращается к учению Будды, освещает этот мир, как луна, освободившаяся от облака.

XXVI. Глава о брахманах

383. Прекрати поток³², или вперед, гони прочь желания, о брахман! Познавая уничтожение санкхар, ты узнаешь несозданное, о брахман!

384. Когда брахман в двух дхаммах³³ достигает другого берега, тогда с него, знающего, спадают все пути.

385. Я называю брахманом того, для кого не существует ни этого берега, ни того берега, ни этого и того вместе, кто бесстрашен и свободен от привязанностей.

386. Я называю брахманом того, кто размышляет, свободен от страстей, спокоен, кто делает свое дело, преодолевает желания, кто достиг высшего блага.

387. Солнце сияет днем, луна светит ночью. Воин сияет в доспехах, брахман сияет при размышлении. Но день и ночь напролет ярким блеском сияет просветленный.

388. Тот, кто отбросил зло, зовется брахманом; тот, кто живет в потоке, — отшельником; отбросивший свою грязь называется «очистившимся».

389. Нельзя ударить брахмана, но и брахман пусть не изливает свой гнев на обидчика. Позор тому, кто ударил брахмана, и еще больший позор излившему гнев на обидчика.

390. Для брахмана нет ничего выше, чем удерживать свой ум от приятного. Где исчезает желание уничтожить, там прекращается страдание.

391. Я называю брахманом того, кто не совершил зла ни телом, ни словом, ни мыслью — кто сдерживает себя в трех вещах.

392. От кого бы мы ни узнали дхамму, указанную совершенно просветленным, с благодарностью нужно почтить его, как брахман жертвенный огонь.

393. Брахманом становятся не из-за спутанных волос, родословной или рождения. В ком истина и дхамма, тот счастлив и тот брахман.

394. Что за польза тебе в спутанных волосах, о глупец! Что за польза тебе в одежде из шкуры! Ведь внутри тебя — джунгли, ты заботаешься только о внешности.

395. Человека, который носит пыльные одежды, истощенного, с просвечивающими венами, одинокого, размышляющего в лесу, я называю брахманом.

396. Но я не называю человека брахманом только за его рождение или за его мать. У кого есть привязанности, имя тому «говорящий бхо»³⁴. Я же называю брахманом того, кто свободен от привязанностей и лишен благ.

397. Я называю брахманом того, кто разорвал путы и кто действительно не дрожит от страха, кто преодолел привязанности и отрешился от мира.

398. Я называю брахманом того просветленного, который устранил препятствия и разорвал ремень, плетть и цепь с уздой.

399. Я называю брахманом того, кто, не будучи виноватым, сносит упреки, наказания, заточение, у кого терпение — сила, а сила — войско.

400. Я называю брахманом того, кто свободен от гнева, соблюдает свои обязанности, добродетелен и лишен похоти, кто сдержан и для кого это тело — последнее.

401. Я называю брахманом того, кто не льнет к чувственным удовольствиям, подобно воде на листе лотоса или горчичному зерну на острье шила.

402. Я называю брахманом того, кто отрешился от мира и сбросил ношу, кто даже в этом мире знает уничтожение своего страдания.

403. Я называю брахманом того, кто достиг высшего блага, кто знает правый путь и ложный путь, мудреца, чьи знания глубоки.

404. Я называю брахманом того, у кого мало желаний, кто не имеет дома и не связан ни с домовладельцами, ни с бездомными.

405. Я называю брахманом того, кто не убивает и не заставляет убивать, кто не поднимает палку на живые существа, трусливые они или храбрые.

406. Я называю брахманом того, кто среди взволнованных остается невзволнованным, среди подымающих палку — спокойным, среди привязанных к миру — свободным от привязанностей.

407. Я называю брахманом того, с кого страсть, и ненависть, и гордыня, и лицемерие спадают столь же легко, как горчичное зерно с острия шила.

408. Я называю брахманом того, кто говорит правдивую речь, поучительную, без резкостей, никого не обижающую.

409. Я называю брахманом того, кто здесь, в этом мире, не берет того, что не дано, будь оно длинным или коротким, малым или большим, добрым или злым.

410. Я называю брахманом того, у кого ни в этом мире, ни в том нет желаний, кто отрешен и не имеет склонностей.

411. Я называю брахманом того, у кого нет желаний, кто с помощью знания освободился от сомнений и достиг погружения в бессмертие.

412. Я называю брахманом того, кто здесь избежал привязанности и к доброму и к злему, кто беспечален, бесстрастен и чист.

413. Я называю брахманом того, кто, как луна без пятен, чист, безмятежен, невзволнован у кого угасла радость существования.

414. Я называю брахманом того, кто преодолел эту грязную, трудную дорогу, сансару, обман, кто переплыл и достиг другого берега, кто вдумчив, свободен от желаний и лишен сомнений, не имеет привязанностей и спокоен.

415. Я называю брахманом того, кто здесь, отказавшись от страсти, бездомный, бродит вокруг, в ком угасло желание существовать.

416. Я называю брахманом того, кто здесь, отказавшись от желания, бездомный, бродит вокруг, в ком угасло желание существовать.

417. Я называю брахманом того, кто, оставив привязанность к человеческому, преодолел и небесные привязанности, кто отрешился от всех привязанностей.

418. Я называю брахманом мужа, победившего все миры, того, кто отказался от приятного и неприятного, кто хладнокровен и отсекает себе путь к новому рождению.

419. Я называю брахманом того, кто знает все о смерти и рождении живых существ, кто свободен от привязанностей и просветлен, кто Сугата.

420. Я называю брахманом того, чью стезю не знают ни боги, ни гандхарвы, ни люди; Архата, у которого исчезли желания.

421. Я называю брахманом того, кто свободен от привязанностей и ничего не имеет, для кого нет ни в прошлом, ни в будущем, ни в настоящем.

422. Я называю брахманом того, кто силен, как бык, благороден, мужествен, победоносен, обладает великой мудростью, свободен от желаний, совершенен и просветлен.

423. Я называю брахманом того, кто знает свое прежнее существование и видит небо и преисподнюю; кто, будучи мудрецом, исполненным совершенного знания, достиг уничтожения рождений; кто совершил все, что возможно совершить.

Конфуций.

Его жизнь и философская деятельность

- ¹ Монархическое правление в Китае прервалось в 1912 г., когда была свергнута династия Цин и провозглашена Китайская Республика.
- ² По другим сведениям Фу Си правил в 2852—2737 гг. до н. э.
- ³ Английский фут равен 30,48 см.
- ⁴ Впервые компас упоминается во времена династии Сун в китайской книге 1044 г., то есть спустя более трех с половиной тысячелетий после легендарного правления Хуанди.
- ⁵ Джеймс Легг (1815—1897) — британский синолог, первый профессор синологии в Оксфордском университете (1876—1897).
- ⁶ От *греч.* — прогуливаться, прохаживаться. Перипатетиками назывались ученики Аристотеля и в целом его философская школа, основанная в 335 г. до н. э., через 164 года после смерти Конфуция. Название школы возникло из-за привычки Аристотеля прогуливаться с учениками во время чтения лекций.
- ⁷ Правил в 1662—1723 гг.

Будда Шакьямуни.

Его жизнь и философская деятельность

- ¹ Устаревшее название части ноги от таза до коленного сгиба, то же, что и бедро.
- ² После обретения Индией независимости часть штата Уттар-Прадеш.
- ³ Локаята — материалистическое учение Древней Индии. Взгляды представителей этой школы иногда сопоставляют с древнегрече-

ским эпикуреизмом. Второе название школы — чарвака — связывают либо со словами «чару» и «вака», сочетание которых буквально означает «красивая речь», либо с именем философа Чарвака, скептиком и материалистом.

⁴ Васильев Василий Павлович (1818—1900) — российский ученый-синолог, буддолог, санскритолог. Академик Петербургской АН (1886).

⁵ Ступа — в буддийской архитектуре монументальное и культовое сооружение куполовидной формы для хранения реликвий, не имеющее доступа внутрь.

⁶ Фридрих Максимилиан Мюллер (1823—1900) — немецкий и английский филолог, специалист по общему языкознанию, индологии, мифологии.

⁷ Ашока Великий — правитель империи Мауриев. По современным данным, правил в 268—232 гг. до н. э. Начало правления Ашоки имеет важное значение для датировки годов жизни Будды Шакьямуни, так как, согласно Типитаке, он, прожив 80 лет, умер за 218 лет до вступления Ашоки на престол, то есть в 486 г. до н. э. Таким образом, его жизнь датируется 566—486 гг. до н. э. Датировка по иным источникам дает следующие результаты: 624—544 гг. до н. э.; указанные С. Ф. Ольденбургем 623—543 гг. до н. э.; 563—486 гг. до н. э.; 571—491 гг. до н. э.; 453—373 гг. до н. э.; 448—368 гг. до н. э.

⁸ В первом десятилетии XXI в. при населении в 1,2 млрд. человек в Индии насчитывалось примерно 900 миллионов последователей индуизма и миллион буддистов.

⁹ В настоящее время число буддистов в мире оценивается в 400—500 миллионов человек.

Приложение

¹ Мара — владыка смерти, злой дух (часто олицетворение страстей), искуситель.

² Магхаван — собственно «щедрый», эпитет, как правило, относящийся к богу Индре.

³ Речь идет об узах, привязывающих человека к колесу новых рождений.

⁴ Кустарник, из древесины которого делают ароматную пудру.

⁵ Род жасмина с крупными цветами.

⁶ Цепь рождений и смерти, от которой можно освободиться, познав истинную дхамму и достигнув нирваны.

⁷ Архатство — состояние, позволяющее прервать цепь рождений и смертей, обусловленную кармой.

- ⁸ Такие столпы из кирпича или прочных пород дерева сооружались в разных местах Индии. Они служили символом прочности и силы.
- ⁹ Один из последователей Будды был не в состоянии выучить наизусть хотя бы один стих, содержащий поучения. Все смеялись над ним, упрекая в невежестве и неспособности. И только Будда пожалел его; отозвав в сторону, он прочитал ему стих и объяснил его значение. С тех пор этот приверженец буддийского учения помнил стих, прочитанный ему Буддой, и, главное, усвоил суть учения. Однажды в присутствии царя Будда назвал этого человека достигшим просветления. Увидев, что царь недоумевает, как мог столь неспособный человек достичь такого состояния, Будда объяснил ему это (см. стихи из «Главы о тысяче»).
- ¹⁰ Небесные музыканты-певцы, составляющие особый класс полубогов.
- ¹¹ То есть подвержены новым рождениям.
- ¹² Паразитирующее вьющееся растение.
- ¹³ Род тростника, погибающий сразу после плодоношения.
- ¹⁴ Психические сверхчувственные силы.
- ¹⁵ Первый шаг на пути к святости; всего таких шагов четыре; каждый из них связан с уничтожением пут, обременяющих человека.
- ¹⁶ Собрание правил и этических предписаний, действовавших в сангхе.
- ¹⁷ Четыре благородные истины сводятся к следующему: 1) в мире есть зло, страдания, и они не случайны; 2) поскольку все в этом мире причинно обусловлено, зло и страдания имеют свое происхождение: они зависят от рождения, которое в свою очередь определяется привязанностями; 3) если устранить причину, то зло и страдания прекратятся; 4) к прекращению зла и страданий ведет благородный восьмеричный путь, который включает в себя правильный взгляд, правильные намерения, правильную речь, правильные поступки, правильную жизнь, правильные усилия, правильную память, правильное сосредоточенное размышление.
- ¹⁸ Одно из наиболее сложных понятий философии буддизма. Делятся на 52 группы (прикосновение, отвлеченные понятия, мысль, память, жизненная сила, внимание, усилие, равнодушие, радость, алчность, страх, стыд, сострадание, раздражительность, веселье, гордость и т. д.). Непостоянство санкхар сравнивается с лишенным устойчивости банановым деревом.
- ¹⁹ Дословно: плывущий против течения, то есть преодолевающий вождление, привязанности, заблуждения.
- ²⁰ Имя ученика Будды.

- ²¹ Темное место в «Дхаммападе». Обычно его понимают в смысле указания на злоупотребления в использовании дхон — заповедей, которые необходимо соблюдать бхикшу.
- ²² Эпитет архатов. Означает: «достигший [совершенства]».
- ²³ Старшим назывался бхикшу, который нищенствовал по меньшей мере десять лет.
- ²⁴ Одно из названий Будды, а также вообще «просветленных».
- ²⁵ Имеется в виду нирвана.
- ²⁶ Ароматическая трава.
- ²⁷ Душистый корень бираны.
- ²⁸ Вьющееся растение, символ желаний, проникших в человека через органы чувств и память и буйно разрастающихся в нем.
- ²⁹ Грубая трава, употреблявшаяся для изготовления домашней обуви.
- ³⁰ «Отсеки пять» — призыв расстаться с эгоизмом, сомнениями, приверженностью к ложным обрядам и ритуалам, страстью и ненавистью. «Откажись от пяти» — призыв отказаться от стремления к земной жизни (привязанность к форме), стремления к небесной жизни (привязанность к отсутствию формы), гордыни, суетности, невежества. «Стань выше пяти» — призыв подняться выше веры, заботливости, энергичности, сосредоточенности и мудрости; смысл этого выражения заключается в том, что необходимо управлять всеми этими качествами, быть их хозяином.
- ³¹ Скупость, ненависть, гордыню, глупость и ложные взгляды.
- ³² Имеется в виду поток существований.
- ³³ Речь идет о самоограничении и о духовном прозрении в результате созерцания.
- ³⁴ Так называли брахманов, поскольку в качестве приветствия Будде они употребляли междометие «бхо», которое служило формой приветствия в отношении равных им по положению или даже низших. «Ложным» брахманам противопоставляется истинный брахман — буддист.

Содержание

Конфуций.

Его жизнь и философская деятельность

Предисловие	9
Введение. Краткий очерк истории Китая до Конфуция	10
Глава I	20
Глава II	26
Глава III	31
Глава IV	40
Глава V	45
Глава VI	52
Глава VII	61
Глава VIII	67

Будда Шакьямуни.

Его жизнь и философская деятельность

Предисловие	79
Введение. Краткий очерк социального и политического быта Индии до Шакьямуни. Религия, мораль и философия Индии до Шакьямуни.	81
Глава I. Жизнь Шакьямуни до открытия им основ учения	101
Глава II. Сущность учения Шакьямуни	111
Глава III. Учительская деятельность	123
Глава IV. Распространение учения Шакьямуни	134
Глава V. Последние события из жизни Шакьямуни	140

Приложение. Дхаммапада.

<i>Перевод и комментарии Владимира Топорова</i>	146
---	-----

<i>Примечания</i>	183
-----------------------------	-----

О-56 Ольденбург С.

Конфуций. Будда Шакьямуни / Сергей Ольденбург. — М. : Ломоносовъ. — 2012. — 192 с. — (История. География. Этнография).

ISBN 978-5-91678-158-8

В книгу включены биографии китайского мыслителя Конфуция и основателя буддизма Будды Шакьямуни, написанные выдающимся востоковедом, одним из основателей русской индологической школы, автором многочисленных трудов по истории, религиям, искусству Востока, академиком Сергеем Федоровичем Ольденбургом (1863—1934). Впервые они вышли отдельными изданиями в 1891 году в Биографической библиотеке, основанной просветителем Флорентием Павленковым и позже ставшей прообразом знаменитой серии «Жизнь замечательных людей». В этих биографиях, написанных в расчете на широкую читательскую аудиторию, собраны все достоверные сведения о Конфуции и Будде Шакьямуни и попутно рассказано немало интересного о жизни Китая и Индии в древности.

УДК 929

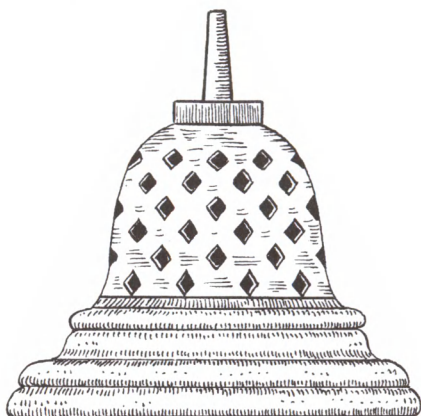
ББК 86.33-35

История. География. Этнография

Сергей Ольденбург

Конфуций

Будда Шакьямуни

Редактор О. Иванов

Верстка А. Кашафудиновой

Подписано в печать 28.05.2012.

Формат 60×90/16.

Усл. печ. л. 12. Тираж 1000 экз. Заказ № 8808.

ООО «Издательство «Ломоносов»»

119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3

Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93

www.oaompk.ru, www.oaompk.pf тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

В СЕРИИ также ВЫШЛИ:

- Лев Минц. КОТЕЛОК дядюшки Ляо
Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ
Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»
Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
Свен Хедин В СЕРДЦЕ АЗИИ
Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА
ДО ЛЕНИНА
Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ
Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ
ФРЭНСИС ДРЕЙК И УИЛЬЯМ ДАМПИР
Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
Виолет Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК
Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕНА ХЕДИНА
Гомбожаб Цыбиков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СВЯТЫНЬ ТИБЕТА

Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ

Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ
И ПРЕДПИСАНИЙ

Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ

Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА:
ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ

Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ
И ПРОЧИЕ...

Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА

Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ

Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ
В ДРЕВНЕЙ РУСИ И МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА,
ЛЮБОВНИЦА

Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ И ВАВИЛОН
ИСТОРИЧЕСКИЙ

Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ
ЖИВОТНЫХ

Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА

Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ

Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА

Стефан Цвейг. ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА

Вашингтон Ирвинг. ЖИЗНЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА

Владимир Новиков. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УСАДЬБА

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННОКОВ

Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ
XVIII ВЕКА

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

НАШ
ИНФОРМАЦИОННЫЙ
ПАРТНЕР

Р А Д И О

ГОВОРИТ
МОСКВА 92,0_{FM}

Сергей
Ольденбург
Конфуций
Будда
Шакьямуни

В книгу включены биографии китайского мыслителя Конфуция и основателя буддизма Будды Шакьямуни. Впервые они вышли отдельными изданиями в 1891 году в Биографической библиотеке, позже ставшей прообразом знаменитой серии «Жизнь замечательных людей». На обложках обеих книг стояла никому не известная фамилия — К. М. Карягин, и лишь немногие знали, что это псевдоним выдающегося востоковеда, одного из основателей русской индологической школы, автора многочисленных трудов по истории, религиям, искусству Востока, академика Сергея Федоровича Ольденбурга (1863–1934). Его глубочайшая эрудиция и многосторонность научных интересов проявились и в книгах, рассчитанных на широкую аудиторию. Они написаны просто и в то же время насыщены информацией: в них собраны все достоверные сведения о жизни Конфуция и Будды Шакьямуни и рассказано немало любопытного о современных им Китае и Индии.

ISBN 978-5-91678-158-8

